

ТАНЕЛОРИ-5

*Антология произведений
по мотивам творчества Майкла Муркока*

Кёнигсберг
«Цитадель Хаоса»
2006

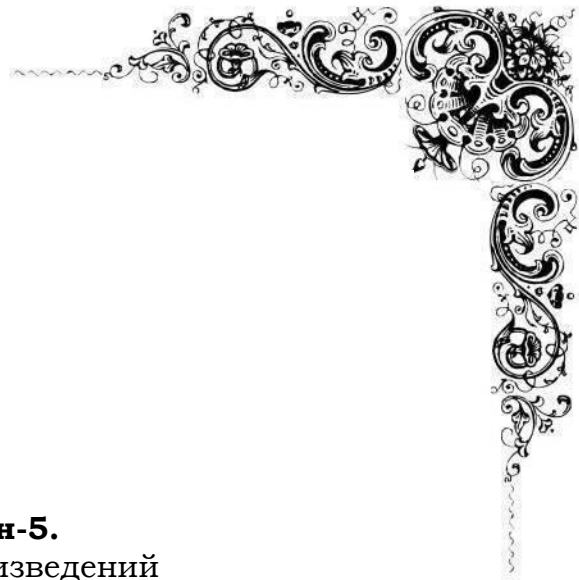
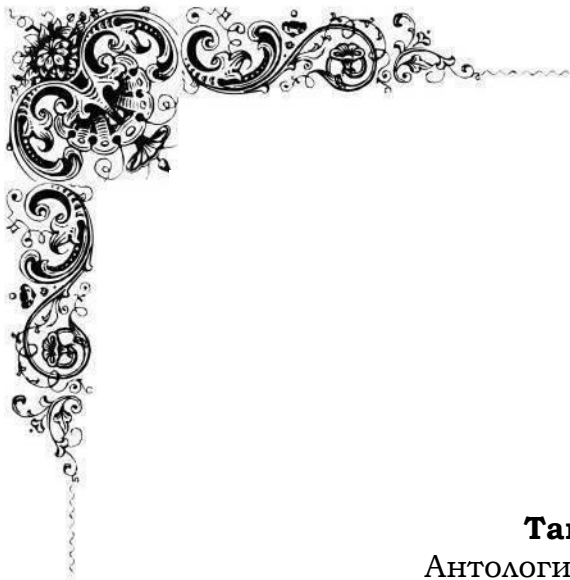
ТАНЕЛОРН-5

Антология произведений
по мотивам творчества Майкла Муркока

*По материалам сайта «Танелорн»
(<http://moorcock.narod.ru>)*

Кёнигсберг
«Цитадель Хаоса»
2006

Танелорн-5.

Антология произведений
по мотивам творчества Майкла Муркока /
«Цитадель Хаоса».

Ред./сост. Альий Лучник
(Fr. Nyarlathotep Otis, Роман Адрианов). —
Калининград: 2006.

По материалам сайта «Танелорн»
(<http://moorcock.narod.ru>)

Алекс Воронцов

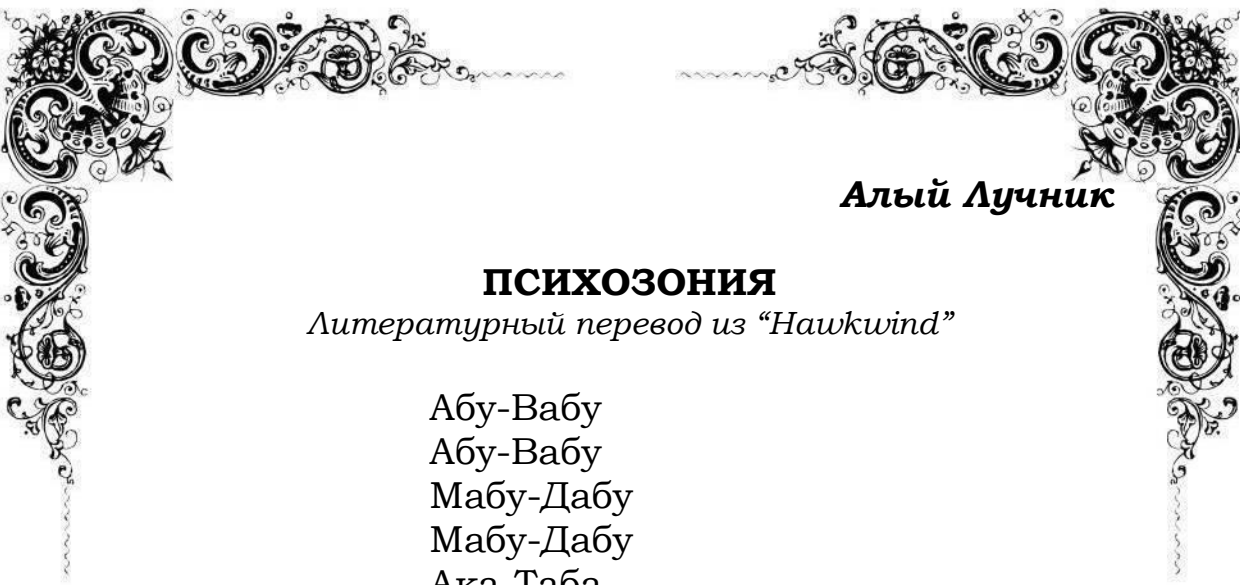
ШЕФАНГО

Леди Трессе

Горячий нрав. Холодные моря.
Необходимость — верная подруга...
Пусть люди о гуманности твердят —
На наших парусах приходит вьюга.

Горячий конь. Холодный свет Меча.
Закон для нас — лишь спутник в этом рейде.
А в сердце Императора — печать
Страстнейшей из любовниц — Леди Смерти!..

...Звенит гитара. Нам опять везёт
На менестрелей, трупы и любимых...
Согрелась кровь. Растаял вечный лёд.
А о душе — пусть спорят паладины...

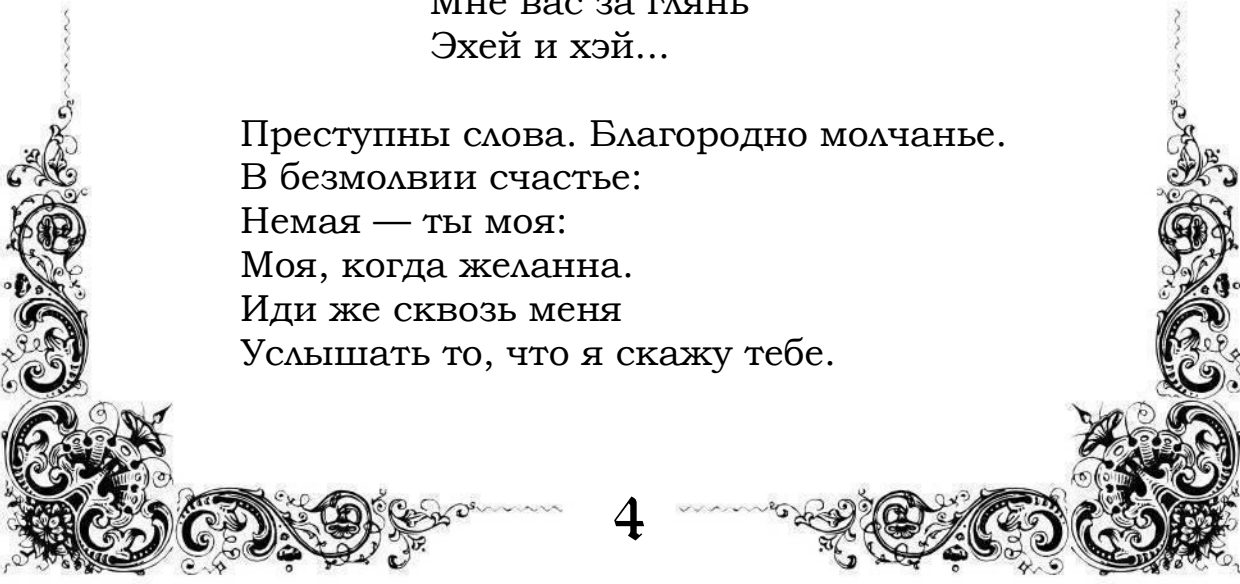
Алый Лучник

ПСИХОЗОНΙΑ

Литературный перевод из "Hawkwind"

Абу-Вабу
Абу-Вабу
Мабу-Дабу
Мабу-Дабу
Ака-Таба
Ака-Таба
Ката-Бата
Ката-Бата
Да-Да-Да-Да-Да-Да-Да
Да-Да-Да-Да-Да-Да-Да

Коли хэй чей
Эгей и хэй
Коли я чей
Инэй и джей
Да о на кол
О пчёлы пчёл
Да ты не эсс
Ох вы да эфф
Я джей хэй коль
Да о на кол
Глянъ хоим эм
Мне вас за глянъ
Эгей и хэй...

Преступны слова. Благородно молчанье.
В безмолвии счастье:
Немая — ты моя:
Моя, когда желанна.
Иди же сквозь меня
Услышать то, что я скажу тебе.

Алый Лучник

ИМПЕРАТОР ГЛАУКОМА

Литературный перевод из «Рунного посоха»

Император Глаукома
оглядел с моста
мрачных стражей вдоль аркад
и вышел на базар,
где жаркий день настиг
поверженных владык:
рыцари Креста,
мудрый Оттоман,
Абиссинский царь
и великий хан
сидят
с протянутой рукой
у храма над рекой.
К их молитвам Император
оставался глух:
пленили
слух
тромбоны,
что трубили
в честь Имперского парада.

В час регаты
канонада
над рекой гремела страстно.
Глаукома-Император
демонстрировал
стигматы
Ватиканскому послу.

Взял он
шар из алебастра,
меч Дамасский,

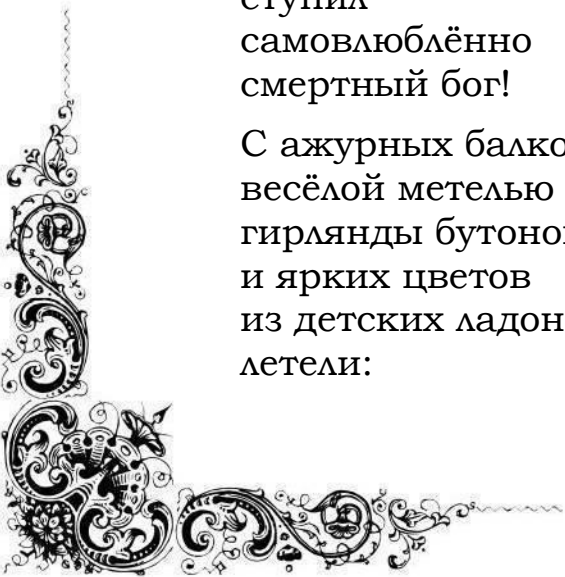

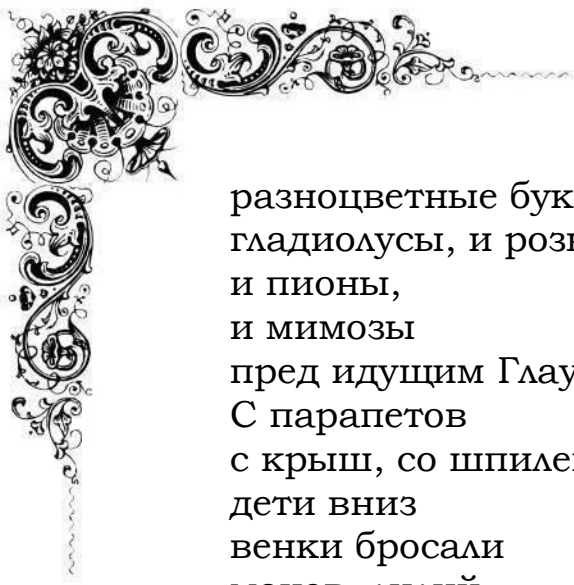
камень красный
из гробницы
Зороастра,
где паслён
и в цвет зарницы
клён.

А поэт придворный в лаврах
и оранжевой парче,
весь в топазах,
и сапфирах,
и сияющих алмазах,
с головою погружённый
в запах мирра
и лаванды,
в бриллиантах
Самарканда,
распростёрся
пред владыкой,

пал, осанною
сражённый,
хору вторя
непрестанно.
Вмиг на тело
непреклонно
златой стопой
и тростью белой
ступил
самовлюблённо
смертный бог!

С ажурных балконов
весёлой метелью
гирлянды бутонов
и ярких цветов
из детских ладоней
летели:

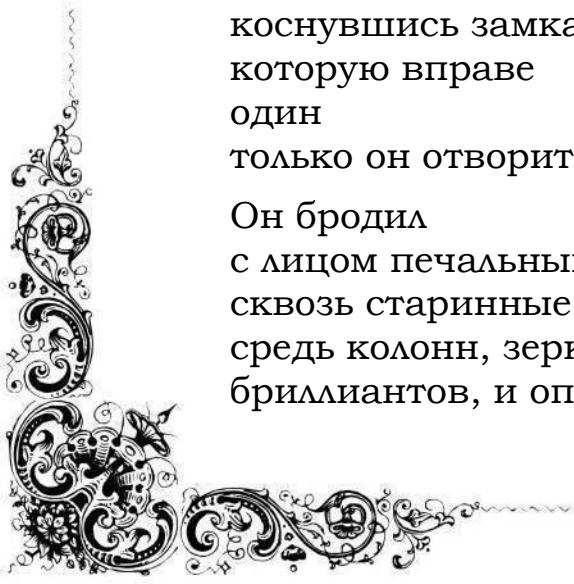

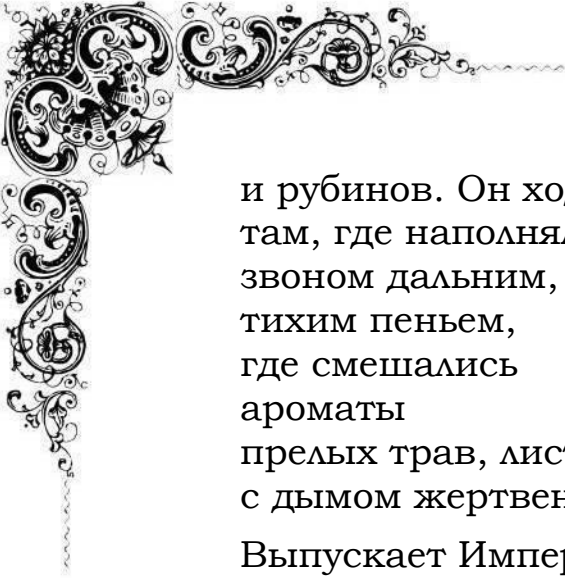
разноцветные букеты —
гладиолусы, и розы,
и пионы,
и мимозы
пред идущим Глаукомой.
С парпетов
с крыш, со шпилей
дети вниз
венки бросали
маков, лилий
и фиалок, —
и порой
бросались сами
с крыш под ноги Глаукомы.

Луна
взошла,
но тишина
огнём в ночи
полна,
и звёзд лучи,
как серафим,
возносят
гимн.
Вот-вот
Император
достигнет священных руин
величаво,
коснувшись замка на двери,
которую вправе
один
только он отворить.

Он бродил
с лицом печальным
сквозь старинные порталы,
среди колонн, зеркал хрустальных
бриллиантов, и опалов,

и рубинов. Он ходил
там, где наполнялись залы
звоном дальним,
тихим пеньем,
где смешались
ароматы
прелых трав, листвы осенней
с дымом жертвенных костров.

Выпускает Император
птицу белую, как снег:
Голубь
бел,
как белый
свет.
Голубь,
тебе равных нет!

Император выпускал
голубя белей, чем снег.
Тот взлетал
и до небес
мчался — в облаках исчез,
позади оставив крыши,
выше крыши,
неба выше, —
прямо
к солнцу,
чтоб погибнуть
в честь владыки Глаукомы!

Алый Лучник

*Литературные переводы
к «Элрику из Мелнибонэ»:*

ПРИЗЫВ СТРААШИ

О, древних вод морская гладь,
Ты нас взрастила, словно мать,
Родившись в предначальной мгле,
Последней будешь на Земле.

О, моря князь, отец отцов,
Явись на зов, явись на зов!
Соль — кровь твоя, и эта соль —
Как соль в крови людской.

Страаша,
о, вечный дух, король морей,
Явись на зов скорей;
Враги у нас одни с тобой:
Хотят победы над судьбой
и гибели морей!

ПРИЗЫВ ГРАХЛУКОВ

Грахлук, выйди! Грахлук, в бой!
Врага повергни древнего!
Победа — за тобой!

Грахлук, в бой спеши, не стой!
Врага повергни древнего!
Отмщенье — за тобой!

ПРИЗЫВ ВЕТРОВ-ГИГАНТОВ

Проклятого слушай волю:
Пусть грохочет Ураган,
Пусть Граолл и Майша с рёвом
Вихрем прочь несут врага!

Плетью пламенного пекла,
Песней чёрного клинка,
Ласшааров скорбным стоном
Взвейтесь, ветры, в облака!

И быстрее лучей искрящих,
И как бурь морских волна,
И быстрее стрелы летящей
Унесите колдуна!

ПРИЗЫВ ФИЛИТ

Пеньем перьев память свита —
Рук и крыл, твоя с моей;
В ней — богами приоткрытый,
Древней силы нитью сшитый,
Договор далёких дней.

Филит, прекрасен птиц полёт!
Прошу, примчись ко мне с высот —
Бескрылый брат спасенья ждёт!

О, братья неба, сёстры туч,
Летите, словно солнца луч,
На помощь мне с небесных круч!

ПРИЗЫВ ХААШААСТААКА

Хаашаастаак, Князь Ящериц,
Твои сыны — отцы людей,
Хаашаастаак, Рептилий Принц,
Приди на помощь внуку!

Хаашаастаак Чешуйчатый,
Холонокровных тварей царь...

КОГДА СМЕЮТСЯ БОГИ...

Мервин Пик

Я вихрь, когда смеются боги. Я —
Страстей водоворот в тиши морей,
Чьи волны гладят брег души моей
И сердце мглой надеются объять.

ЗАКЛИНАНИЕ НЕУЯЗВИМОСТИ

Дух, и плоть, и кровь, и кости,
Зелье, вместе совмести
И от ран на поле брани
Силой магии храни!

ПЕСЕНКА МУНГЛУМА

Ремесло моё — слово и смех,
И меня ждёт в жизни успех:
Не широк я в плечах
И совсем не смельчак,
Но запомнят меня лучше всех.

ПРИЗЫВ КОРОЛЕЙ ЗЕМЛИ

Пусть Законы мирозданья
Не утратят прочность тверди;
Кто Владык Земли обманет,
Попадёт в объятия смерти.

Борис Гребенщиков

МИША ИЗ ГОРОДА СКРИПЯЩИХ СТАТУЙ

Кто откроет дверь, бесстрашный, как пёс?
Мастер мух, собеседник стрекоз,
Увенчанный крапивой и листьями роз —
Миша из города скрипящих статуй.

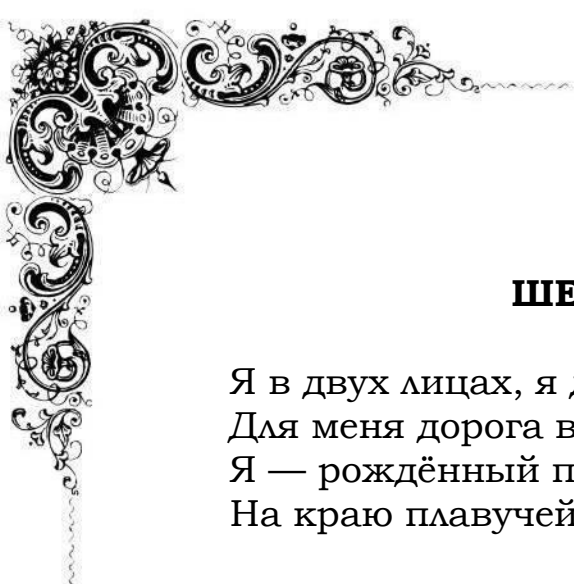
С полночными зубами, славный, как слон,
Царапающий лбом скрижали времён;
Стоять столбом — это движется он,
Миша из города скрипящих статуй.

Последний шанс, выпиватель воды,
Идущий вниз с четверга до среды,
Живущий за стеной секретной слюды —
Миша из города скрипящих статуй.

Джем

ШЕФАНГО

Я в двух лицах, я другой
Для меня дорога ветер
Я — рождённый под звездой
На краю плавучей тверди

Я со сталью пил вино
В серебре моя улыбка
Волны — жидкое стекло
Смерть забыла про ошибку

Открыло небо этот край
И память жжёт виски теперь
Не знаю, первый кто сказал:
Ты Демон, ты Демон-Зверь

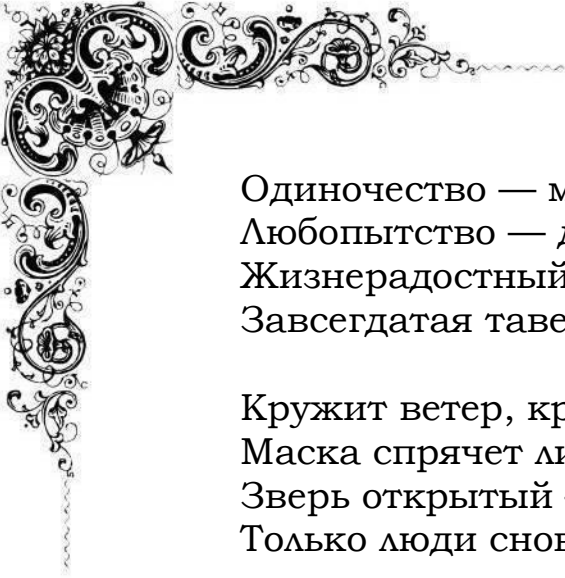
Сколько масок дарит жизнь
Для меня с порога ночи
Из безумия и ввысь
Зверь с цепи сорваться хочет

Что с того, что мы вдвоём
Эту цепь ему сковали
Держит кровью и огнём
Но всегда есть время стали

И шёпот холодит гортань
Послушай истину, поверь
Ведь ты не знаешь, кто сказал —
Ты Демон, ты Демон-Зверь

Одиночество — мой плащ
Любопытство — доля смертных
Жизнерадостный оскал
Завсегдатая таверны

Кружит ветер, кружит ввысь
Маска спрячет лица наши
Зверь открытый — это жизнь
Только люди снова скажут

За спиной...
И люди прятали глаза
В сердцах у них стальная дверь
И не узнаешь, кто сказал —
Ты Демон...
Ты Демон-Зверь...

Макс Фрай

ЗЕЛЁНЫЕ ВОДЫ ИШМЫ
(отрывки)

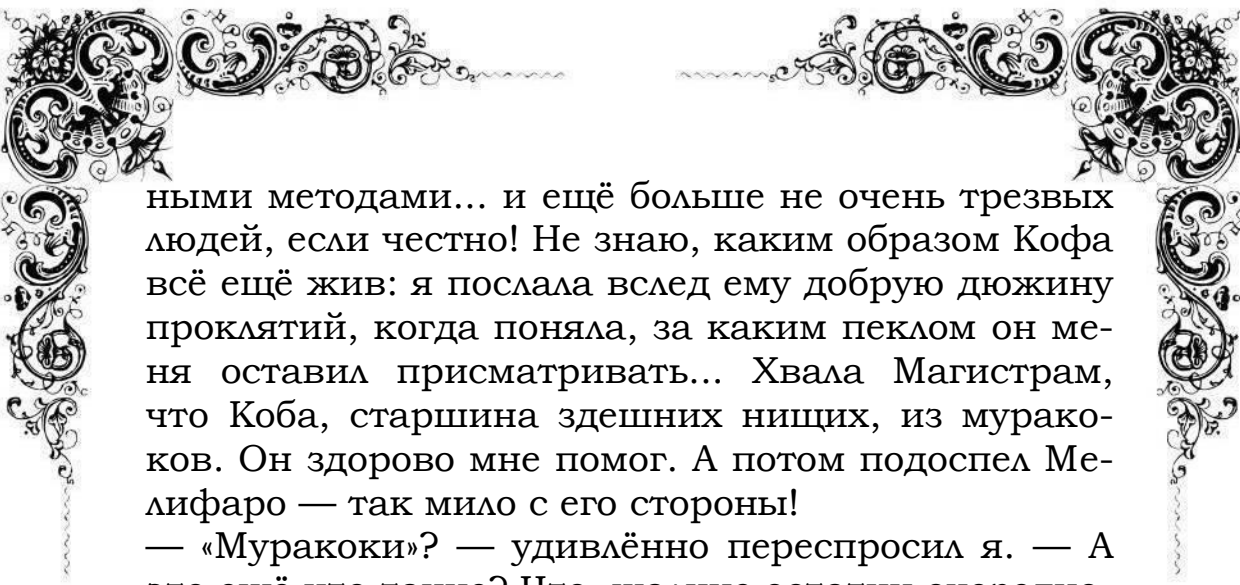
...По дороге в порт Нумминорих чуть не погиб от восхищения: я вообще обожаю выпендриваться перед новыми знакомыми со своей быстрой ездой, а в данном случае у меня имелось такое замечательное оправдание, как задумчивое замечание Джуффина, что «на этот раз нам действительно следует поспешить». Так что через десять минут мы уже увидели разноцветные огоньки речного порта столицы Соединённого Королевства. Леди Кекки Туотли встретила нас у главных ворот, чтобы проводить к месту событий: на мой взгляд, территория нашего порта — идеальное место для того, кому приспичило безнадежно заблудиться, это гораздо лучше, чем какая-нибудь непроходимая лесная чаща!

— Ну, чем похваляешься, милая? — весело спросил у неё Джуффин, неохотно покидая мягкое сидение амобилера.

— Хвастаться особенно нечем, — вздохнула она. — Хвала Магистрам, что мы хоть с паникой справились!

— А что, здесь действительно была настоящая паника? — холодно уточнил Лонли-Локли. — Честно говоря, это как-то не вяжется с моими представлениями о людях, чья жизнь связана с морем и путешествиями...

— Ну, не то что бы настоящая... Так, что-то среднее между большим скандалом и переполохом на индюшачьей ферме. Беда в том, что здесь, в порту, всегда находится слишком много людей, привыкших немедленно решать возникшую проблему, собственными силами, и не всегда похваль-

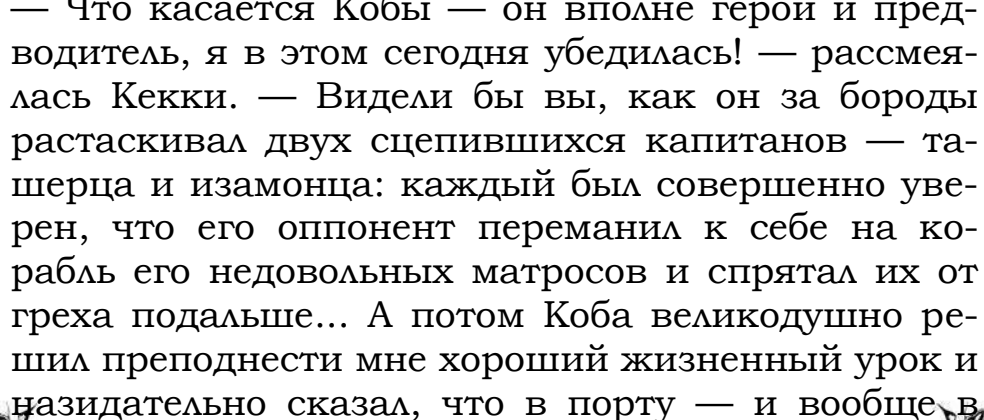

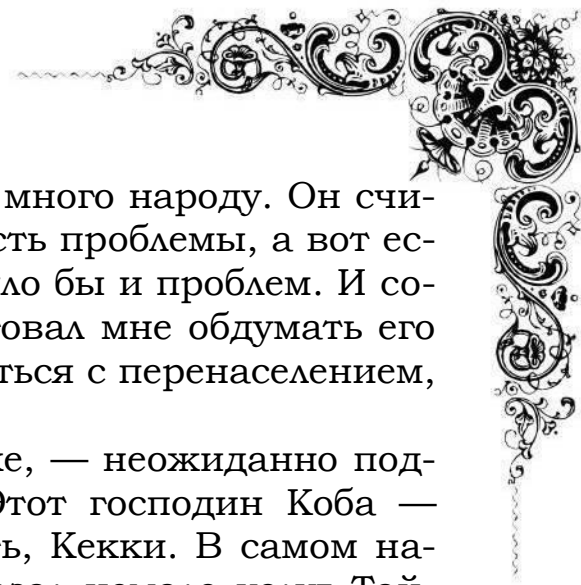
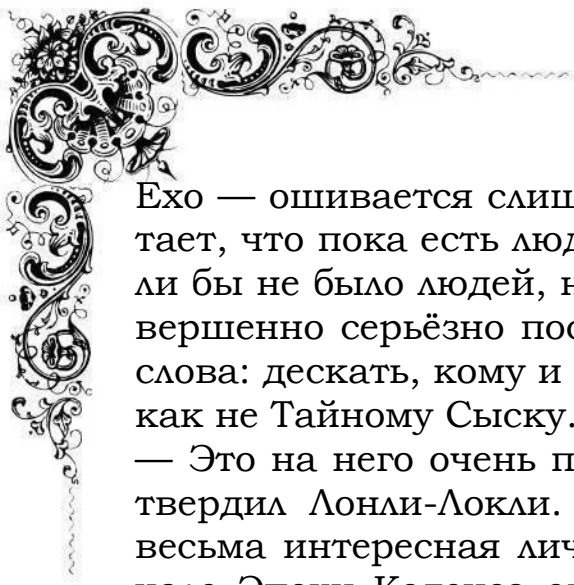
ными методами... и ещё больше не очень трезвых людей, если честно! Не знаю, каким образом Кофа всё ещё жив: я послала вслед ему добрую дюжину проклятий, когда поняла, за каким пеклом он меня оставил присматривать... Хвала Магистрам, что Коба, старшина здешних нищих, из муракоков. Он здорово мне помог. А потом подоспел Мелифаро — так мило с его стороны!

— «Муракоки»? — удивлённо переспросил я. — А это ещё кто такие? Что, жалкие остатки очередного древнего Ордена?

— Да нет, я бы не сказал, — задумчиво протянул Джуффин. — Муракоки — это такие специальные ребята, как бы тебе объяснить... На твоей родине их вполне могли бы обозвать «религиозной сектой», или «тайным обществом». Видишь ли, они верят, что живут в нескольких телах, в разных Мирах — причём одновременно! Взять хотя бы старшину наших портовых нищих — этот Коба совершенно уверен, что пока одна его ипостась всерьёз озабочена сбором милостыни в портовом квартале Ехо, остальные живут припеваючи в каких-нибудь далёких Мирах. Да, между прочим, муракоки убеждены, что в любом своём воплощении они остаются героями и предводителями — хотя бы маленькой шайки городских нищих, как это случилось с нашим Кобой...

— Что касается Кобы — он вполне герой и предводитель, я в этом сегодня убедилась! — рассмеялась Кекки. — Видели бы вы, как он за бороды растаскивал двух сцепившихся капитанов — ташерца и изамонца: каждый был совершенно уверен, что его оппонент переманил к себе на корабль его недовольных матросов и спрятал их от греха подальше... А потом Коба великодушно решил преподнести мне хороший жизненный урок и назидательно сказал, что в порту — и вообще в

Его — ошивается слишком много народу. Он считает, что пока есть люди, есть проблемы, а вот если бы не было людей, не было бы и проблем. И совершенно серьезно посоветовал мне обдумать его слова: дескать, кому и бороться с перенаселением, как не Тайному Сыску...

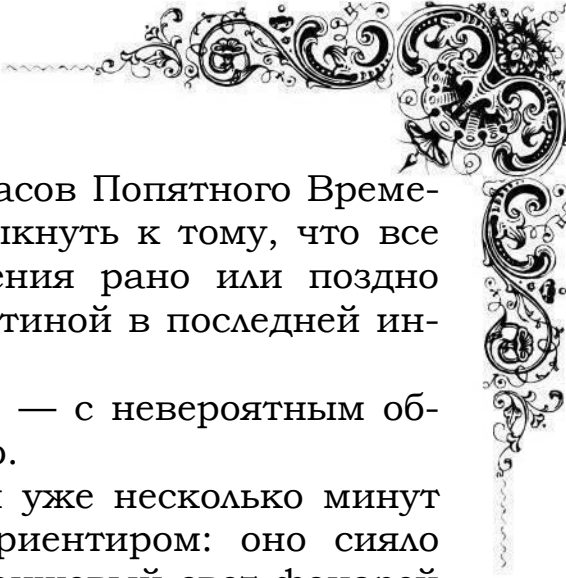
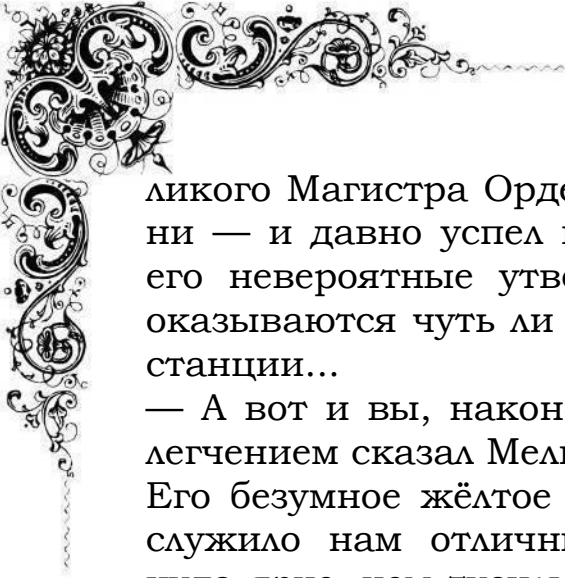
— Это на него очень похоже, — неожиданно подтвердил Лонли-Локли. — Этот господин Коба — весьма интересная личность, Кекки. В самом начале Эпохи Кодекса он оказал немало услуг Тайному Сыску, и мне лично приходилось иметь с ним дело. И можешь мне поверить, он имел немало возможностей изменить свою жизнь, но не захотел. Сказал, что он «не имеет права» — боюсь, я так и не понял, почему...

Нумминорих слушал их, открыв рот и затаив дыхание, парень ушам своим не верил: стоило ему присоединиться к нашей маленькой, но экстравагантной компании, и все страшные тайны Вселенной тут же обрушились на его бедную голову! Впрочем, у меня самого рот наверняка распахнулся от избытка свежей информации, каковую мне теперь предстояло переварить. А я-то думал, что уже вполне освоился в нашем прекрасном Мире!

— Джуффин, — осторожно спросил я, — а эти эксцентричные суеверия муракоков — они имеют под собой хоть какие-то основания? Или это чистой воды бред?

— Знаешь, я сам почти уверен, что это бред, — усмехнулся мой шеф. Сделал эффектную паузу и лукаво добавил: — А вот наш с тобой общий приятель, сэр Маба Калох, готов спорить на что угодно, что муракоки говорят чистую правду... Но ты же знаешь Мабу!

Его ответ показался мне более чем двусмысленным: я отлично знал Мабу Калоха, отставного Ве-

ликого Магистра Ордена Часов Попятого Времени — и давно успел привыкнуть к тому, что все его невероятные утверждения рано или поздно оказываются чуть ли не истиной в последней инстанции...

— А вот и вы, наконец-то! — с невероятным облегчением сказал Мелифаро.

Его безумное жёлтое лоохи уже несколько минут служило нам отличным ориентиром: оно сияло куда ярче, чем тусклый оранжевый свет фонарей у причалов.

— Вообще-то тебе полагалось бы сказать «ой, как быстро!» — проворчал я. — Я добрался сюда за десять минут, парень!

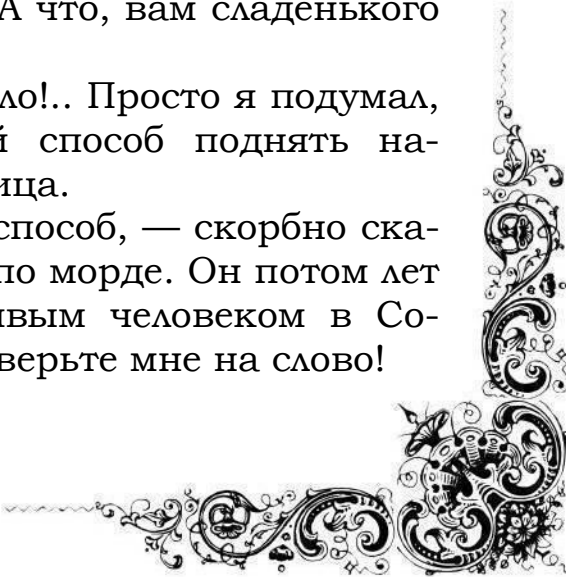
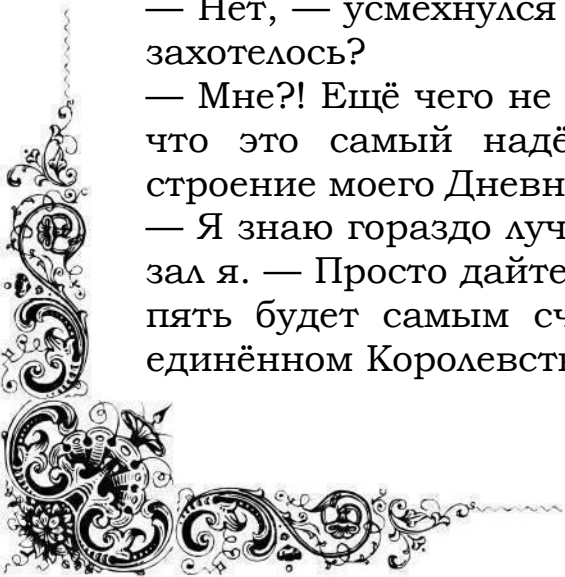
— Охотно верю, — вздохнул он. — Но хотел бы я знать, чем вы, в таком случае, занимались ещё четверть часа? После того как я пообщался с вами, сэръ Почтеннейший Начальник, — он отвесил гротескный земной поклон Джуффину — я имел все основания полагать, что вы появитесь на этом причале буквально через несколько секунд, я даже потрудился придать своему лицу восхищённое выражение — да вот, не пригодилось!

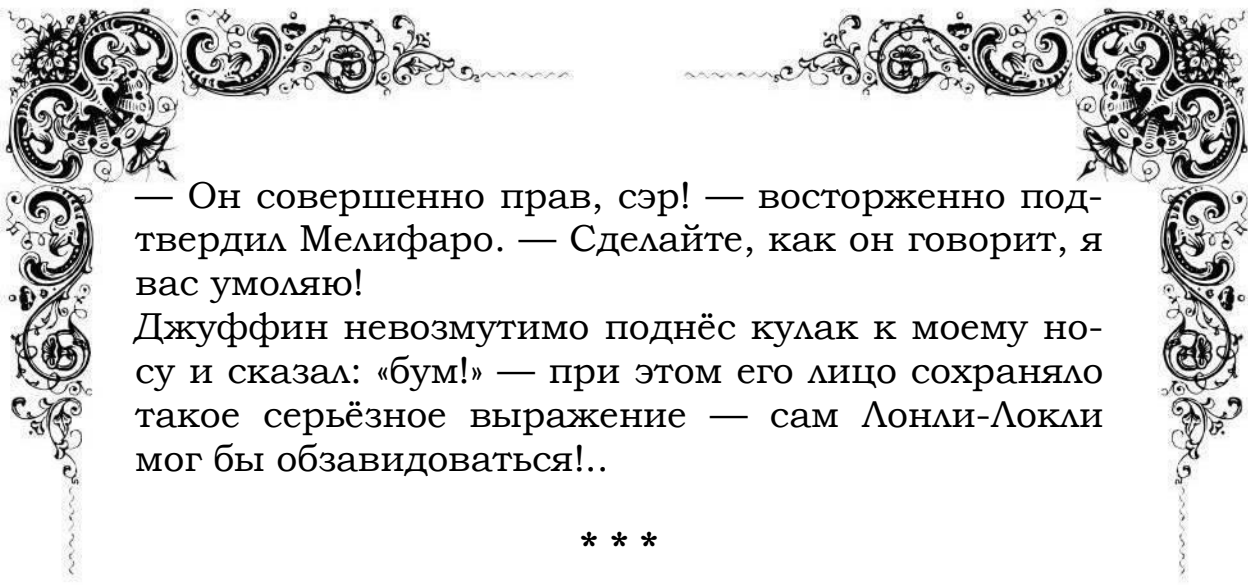
— Речной порт — не уборная, чтобы нестись сюда сломя голову... — рассудительно заметил Джуффин. — Макс, у тебя случайно нет какой-нибудь конфеты?

— Нет, — усмехнулся я. — А что, вам сладенького захотелось?

— Мне?! Ещё чего не хватало!.. Просто я подумал, что это самый надёжный способ поднять настроение моего Дневного Лица.

— Я знаю гораздо лучший способ, — скорбно сказал я. — Просто дайте мне по морде. Он потом лет пять будет самым счастливым человеком в Соединённом Королевстве, поверьте мне на слово!

— Он совершенно прав, сэр! — восторженно подтвердил Мелифаро. — Сделайте, как он говорит, я вас умоляю!

Джуффин невозмутимо поднёс кулак к моему носу и сказал: «бум!» — при этом его лицо сохраняло такое серьёзное выражение — сам Лонли-Локли мог бы обзавидоваться!..

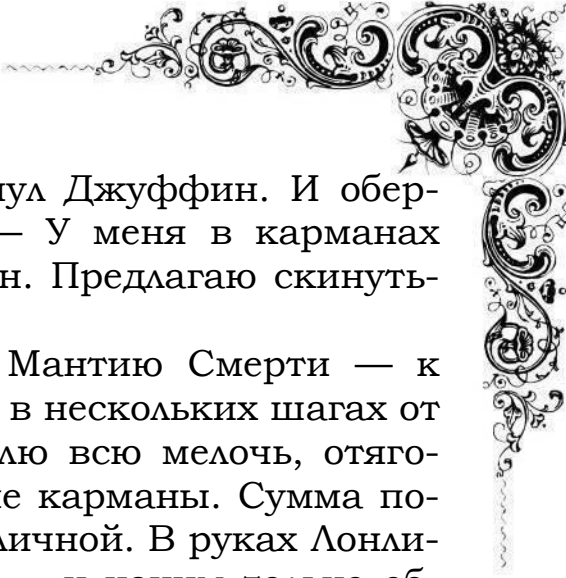
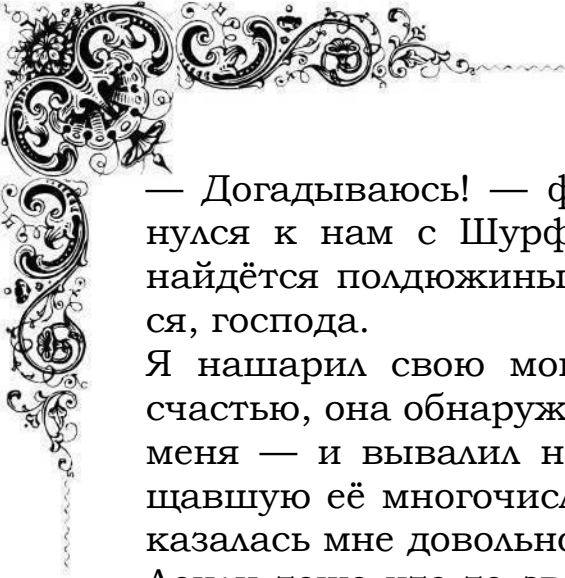
* * *

...Из темноты бесшумно вынырнул какой-то человек, приветливо улыбнулся и присел на корточки немного в стороне от нашей компании. Его костюм потряс меня до глубины души: такого я ещё не видел! Парень закутался как минимум в целую дюжину разноцветных лоохи — впрочем, ни одно из них не могло претендовать на звание приличной одежды, о чём красноречиво свидетельствовали их потрёпанные полы. Тюрбана на нём не было вовсе, зато одно из многочисленных лоохи было снабжено капюшоном, как это принято в благословенном графстве Шимара. Из-под капюшона выглядывал совершенно роскошный орлиный нос, сделавший бы честь бронзовому бюсту любого знаменитого военачальника, и свешивались растрёпанные пряди волос — неправдоподобно белоснежных.

— А, это ты, Коба! — весело откликнулся Джуффин. — Леди Кекки утверждает, что мы должны сказать тебе спасибо.

— Она именно так и сказала? В таком случае, эта маленькая леди сама не понимает, что говорит. Зачем нищему «спасибо», господин Почтеннейший Начальник? — лукаво прищурился Коба. — Мне уже давно ничего не нужно от людей... ничего, кроме их денег!

— Догадываюсь! — фыркнул Джуффин. И обернулся к нам с Шурфом: — У меня в карманах найдётся полдюжины корон. Предлагаю скинуться, господа.

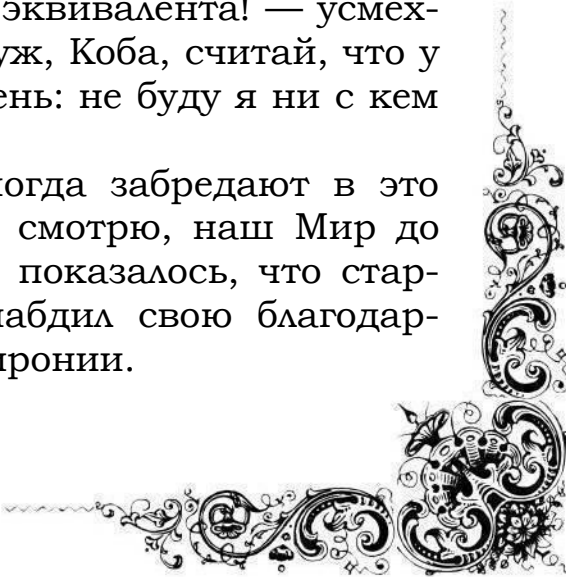
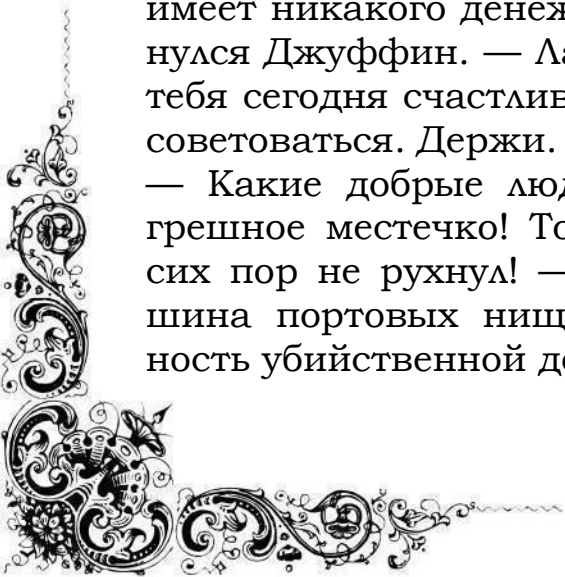
Я нашарил свою мокрую Мантию Смерти — к счастью, она обнаружилась в нескольких шагах от меня — и вывалил на землю всю мелочь, отяготившую её многочисленными карманами. Сумма оказалась мне довольно приличной. В руках Лонли-Локли тоже что-то звенело — и каким только образом наше несметное богатство не уплыло в Хурон, пока мы дружно резвились в прибрежных водах, вот чего я до сих пор не понимаю!

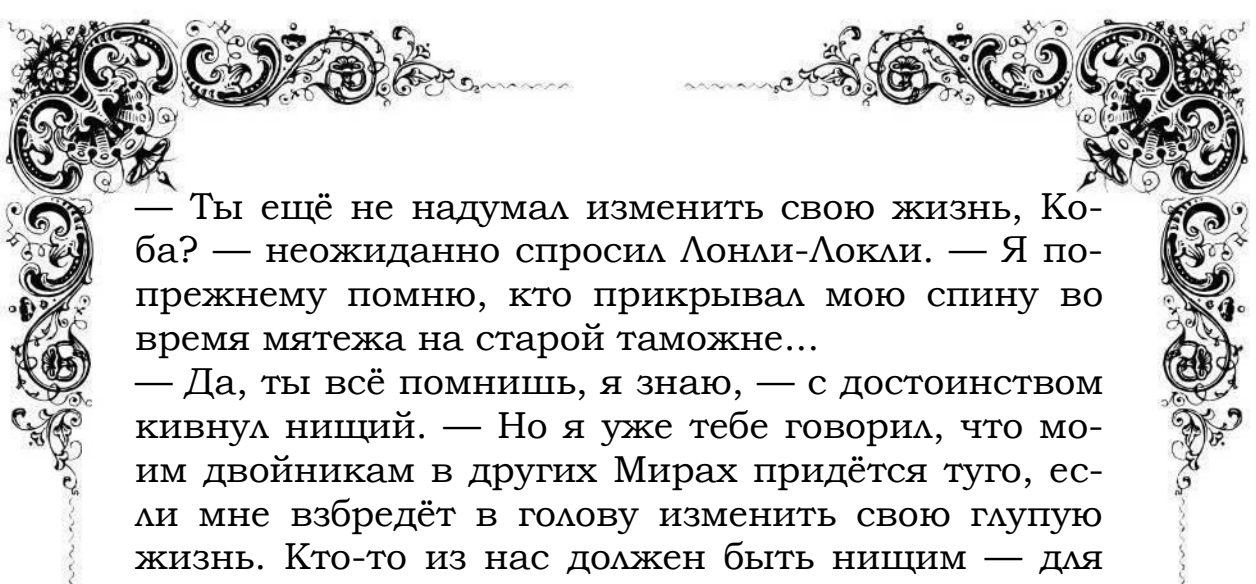
— Ого, какие вы, оказывается, богатые! Интересно, «спасибо» Тайного Сыска стоит трёх дюжин корон, мальчишки? Или всё-таки не стоит? — весело спросил Джуффин, пересчитав деньги.

— По этому вопросу вам следует проконсультироваться не с нами, а с сэром Донди Мелихаисом, — ехидно вставил я. — В глубине души я здорово рассчитываю на компенсацию материального ущерба, а деньги из Королевских сундуков достанет именно он...

— Если я действительно спрошу у Донди, что он думает по этому поводу, сразу же выяснится, что благодарность Тайного Сыска — вещь ценная, но совершенно нематериальная, а посему вовсе не имеет никакого денежного эквивалента! — усмехнулся Джуффин. — Ладно уж, Коба, считай, что у тебя сегодня счастливый день: не буду я ни с кем советоваться. Держи.

— Какие добрые люди иногда забредают в это грешное местечко! То-то я смотрю, наш Мир до сих пор не рухнул! — Мне показалось, что старшина портовых нищих снабдил свою благодарность убийственной дозой иронии.

— Ты ещё не надумал изменить свою жизнь, Коба? — неожиданно спросил Лонли-Локли. — Я по-прежнему помню, кто прикрывал мою спину во время мятежа на старой таможне...

— Да, ты всё помнишь, я знаю, — с достоинством кивнул нищий. — Но я уже тебе говорил, что моим двойникам в других Мирах придётся туго, если мне взбредёт в голову изменить свою глупую жизнь. Кто-то из нас должен быть нищим — для равновесия... Нет уж, пусть всё остаётся, как есть.

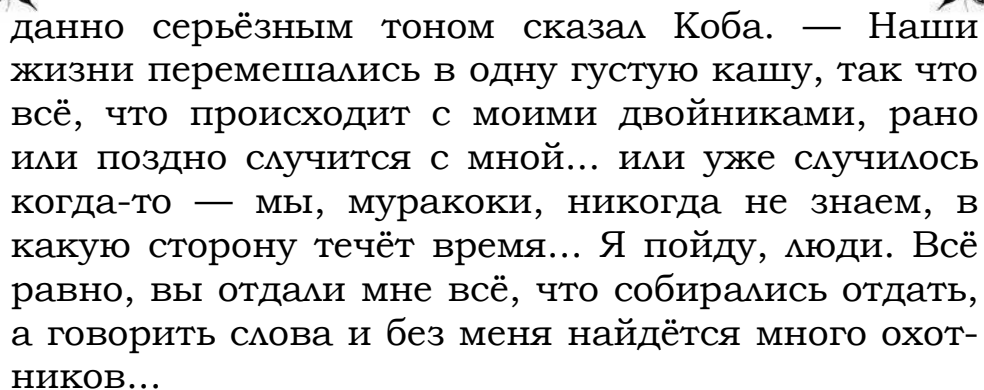
— Где ты видел муракока, которого можно переубедить, сэр Шурф? — насмешливо спросил Джуффин.

— Скажи, а эти «другие жизни в иных мирах» — они тоже происходят с тобой, сэр Коба? — нерешительно спросил я. Честно говоря, я просто умирал от любопытства. — Или это происходит с другими людьми — твоими двойниками? Я имею в виду: ты осознаёшь все эти разные жизни одновременно? Или знаешь о них только потому, что тебе рассказали?

— Ни так, ни этак, грозный сэр Макс! — Нищий внимательно посмотрел на меня, и я с изумлением заметил, что его хитро прищуренные глаза тускло мерцают в темноте каким-то странным красноватым светом. — А какое тебе дело до муракоков? Мы же не мешаем друг другу! И потом, от чужих тайн можно быстро состариться.

— Ничего, пара-тройка лишних морщин мне не помешает! — легкомысленно отмахнулся я. — Экий ты хитрец, Коба! Легче лёгкого сказать: «не так, и не этак»... А как всё с тобой происходит, в таком случае? Когда я начинаю погибать от любопытства, от меня не так-то легко отделаться!

— Ну, если тебе так интересно... Иногда мы — разные люди, а иногда — один человек, — неожида-

данно серьёзным тоном сказал Коба. — Наши жизни перемешались в одну густую кашу, так что всё, что происходит с моими двойниками, рано или поздно случится с мной... или уже случилось когда-то — мы, муракоки, никогда не знаем, в какую сторону течёт время... Я пойду, люди. Всё равно, вы отдали мне всё, что собирались отдать, а говорить слова и без меня найдётся много охотников...

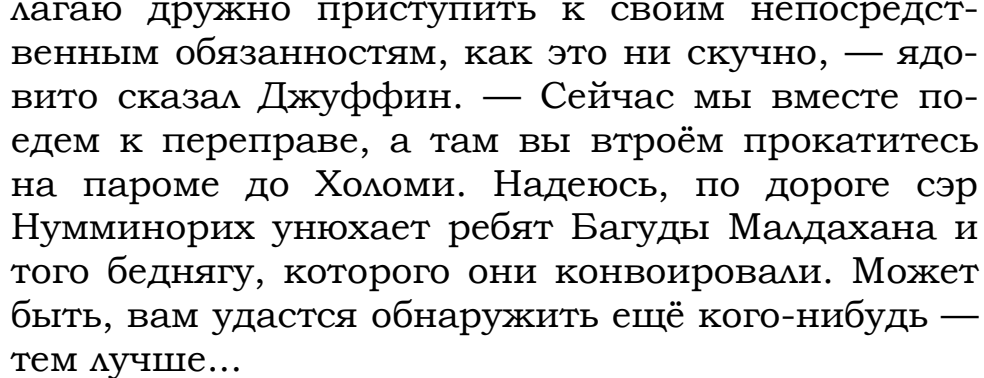
Он поднялся с корточек и торопливо зашагал куда-то, в сторону оранжевых огоньков Портового квартала.

— А вы действительно что-то поняли из его объяснений, сэр Макс? — нерешительно спросил Нумминорих.

Я пожал плечами, а леди Сотофа неожиданно звонко расхохоталась.

— Твой драгоценный сэр Макс никогда не понимает никаких объяснений, мальчик! — сквозь смех пробормотала она. — Даже гораздо более внятных, чем туманная болтовня этого муракока! Но он обожает их коллекционировать. А почему бы и нет — у каждого своя маленькая слабость!

— Значит так... Будем считать, что с муракоками теперь всё ясно, наконец-то! В связи с чем приношу свои поздравления всем присутствовавшим при этом сногшибательном откровении, и предлагаю дружно приступить к своим непосредственным обязанностям, как это ни скучно, — ядовито сказал Джуффин. — Сейчас мы вместе поедем к переправе, а там вы втроём прокатитесь на пароме до Холоми. Надеюсь, по дороге сэр Нумминорих унюхает ребят Багуды Малдахана и того беднягу, которого они конвоировали. Может быть, вам удастся обнаружить ещё кого-нибудь — тем лучше...

Наталья Игнатова

ОСА В ПАУТИНЕ

На этой двери замка не было. Зато были засовы. Широкие, толстые полосы стали. Целых три. Стальные засовы на обитой сталью двери. Смотровое окошко забрано прутьями толщиной чуть ли не в запястье.

— Он что, так опасен? — спросила Айс, разглядывая внушительную дверь.

Сопровождающий её десятник пожал плечами:

— Ему замок открыть, как два пальца... кхе... простите, госпожа. Ну, так что, пойдёте? Или, может, через окошко побеседуете?

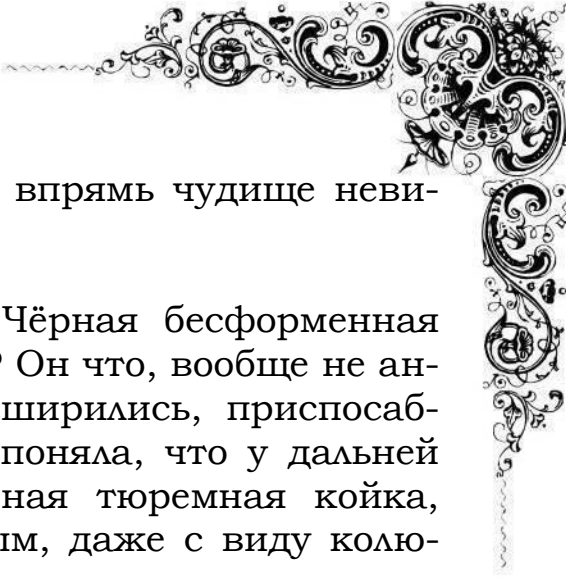
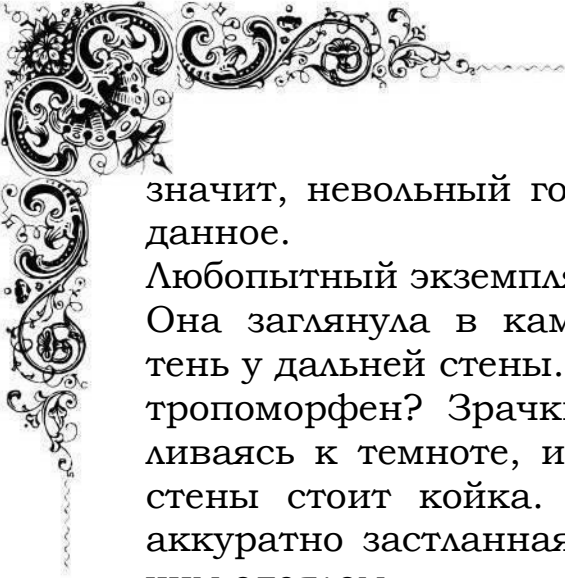
Айс потрогала висящий на шее амулетик. Дешёвая медная цепочка, а на ней тонкой работы золотой ковчежец. Тюремное ведомство не пожалело денег — всем известно, что заклинания можно вплетать в любой металл, но надёжнее всего золото или платина. Амулет защищал от чар. Не от магии — от магии Айс и сама могла себя защитить. А вот чары... так называют всё непонятное и не поддающееся объяснению. Тот, кого держали за стальной дверью, за тремя стальными засовами, он был чародеем.

— Мне сказали, он ни с кем не разговаривает.

— Так и с ним не очень-то, — десятник хмыкнул, — нам, госпожа, оно не надо. Наша бы воля, мы б его пасть поганую свинцом залили. Да и тогда...

— темнокожее лицо покривилось, вверх-вниз дёрнулась курчавая бородища, — честно скажу, госпожа, и тогда страшно было бы.

— Вот как? — Айс вновь коснулась амулета, улыбнулась и пошла к окошку. Чародей. Если уж стража не стесняется признаться в своём страхе,

значит, невольный гость и впрямь чудище невиданное.

Любопытный экземпляр.

Она заглянула в камеру. Чёрная бесформенная тень у дальней стены... Он? Он что, вообще не антропоморфен? Зрачки расширились, приспособиваясь к темноте, и Айс поняла, что у дальней стены стоит койка. Обычная тюремная койка, аккуратно застланная серым, даже с виду колючим одеялом.

А где же?..

Чёрные глаза. Огромные, по-эльфийски раскосые. В зрачках отражаются огни светильников из коридора.

— Госпожа кого-то ищет?

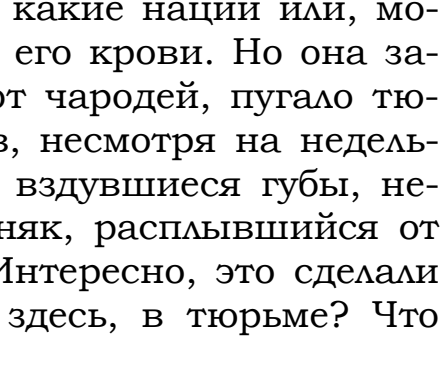
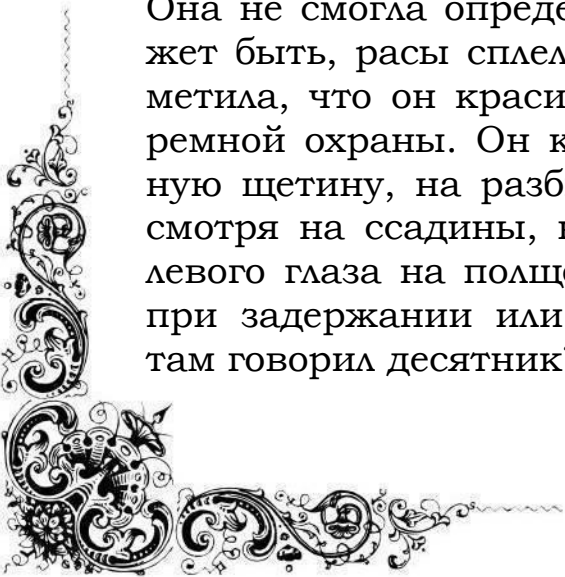
Айс не вздрогнула. Сумела не вздрогнуть, а вот ответить сразу не получилось. Тело подчинилось, да голос чуть не подвёл. Однако она справилась, и понадеялась, что никто не заметил секундной заминки.

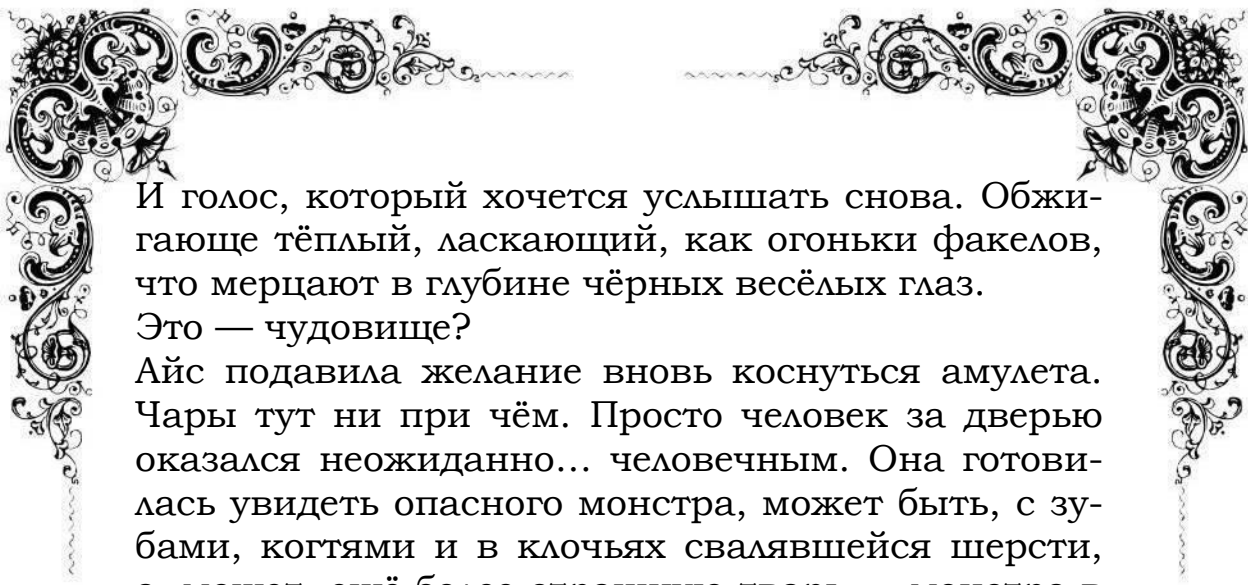
— Вы Тир фон Рауб?

— Так точно, — в голосе намёк на улыбку, в глазах сдержанное веселье. Хочется улыбнуться в ответ.

Он стоял совсем рядом с дверью, и Айс сквозь зарешеченное окошко видела лишь тонкое, скуластое лицо. Смесок? Полукровка?

Она не смогла определить, какие нации или, может быть, расы сплелись в его крови. Но она заметила, что он красив, этот чародей, пугало тюремной охраны. Он красив, несмотря на недельную щетину, на разбитые, вздувшиеся губы, несмотря на ссадины, на синяк, расплывшийся от левого глаза на полщеки. Интересно, это сделали при задержании или уже здесь, в тюрьме? Что там говорил десятник?

И голос, который хочется услышать снова. Обжигающе тёплый, ласкающий, как огоньки факелов, что мерцают в глубине чёрных весёлых глаз.

Это — чудовище?

Айс подавила желание вновь коснуться амулета. Чары тут ни при чём. Просто человек за дверью оказался неожиданно... человеческим. Она готовилась увидеть опасного монстра, может быть, с зубами, когтями и в клочьях свалявшейся шерсти, а, может, ещё более страшную тварь — монстра в человеческом облике. Благостного и разумного, спокойного, прагматичного, с душой, похожей на замёрзшее дерьмо, и с ледышками вместо глаз.

Он ждал. Он ждал, а она грелась в его взгляде, на несколько долгих секунд позабыв, зачем пришла сюда и что ей от него нужно.

— Меня зовут Айс, — вымолвила наконец, — Айс фон Вульф.

— О, — он чуть склонил голову к плечу, разглядывая её лицо, — так вот вы какая. Я представлял вас иначе.

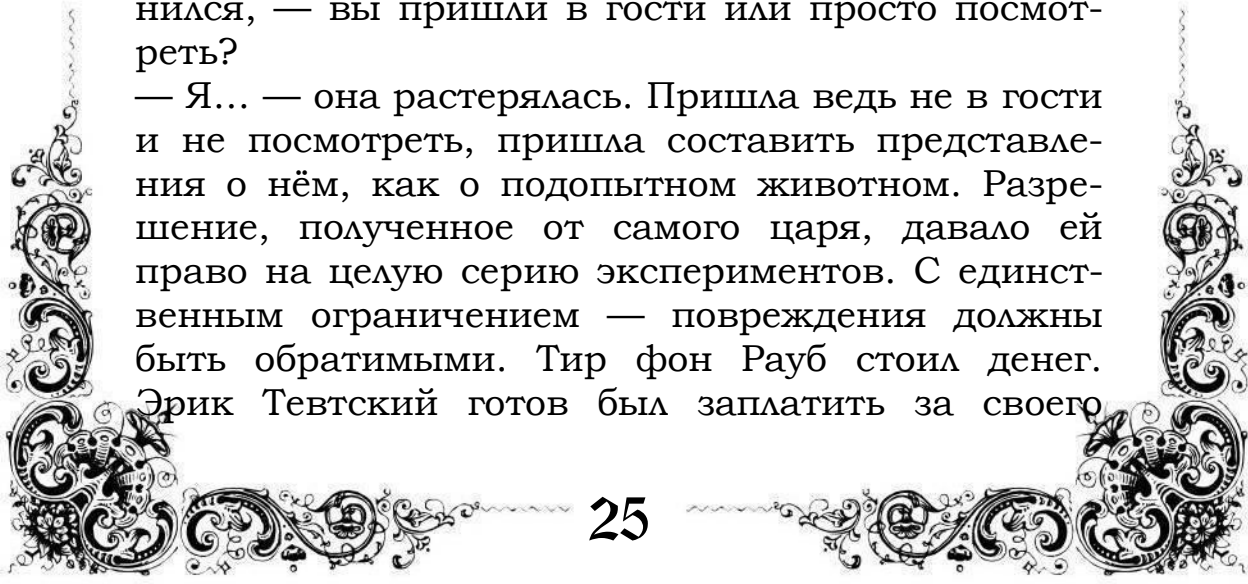
— Как?

— Иначе, — он улыбнулся. И улыбка оказалась такой, какую Айс ожидала увидеть — открытая, искренняя, лёгкая. Айс улыбнулась в ответ:

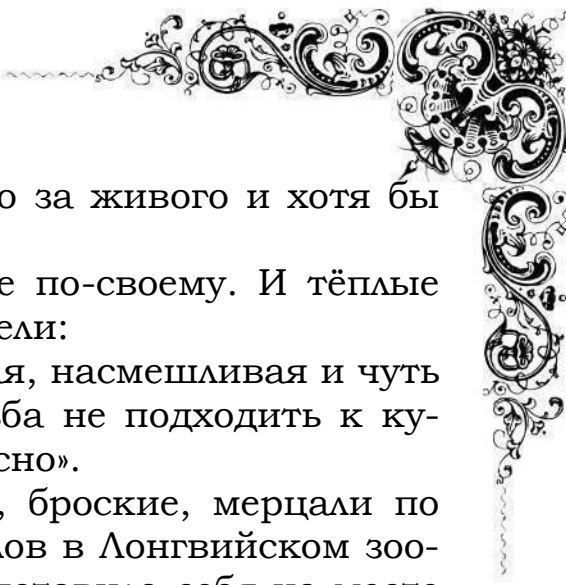
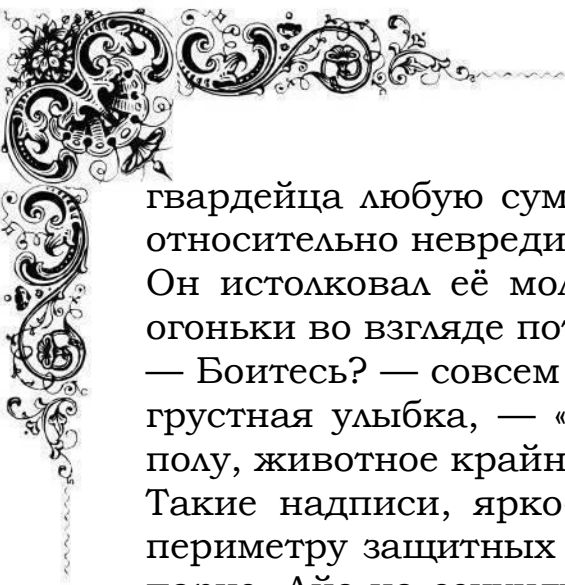
— Я тоже думала, что вы совсем другой.

— Что ж, рад познакомиться, — он легко поклонился, — вы пришли в гости или просто посмотреть?

— Я... — она растерялась. Пришла ведь не в гости и не посмотреть, пришла составить представления о нём, как о подопытном животном. Разрешение, полученное от самого царя, давало ей право на целую серию экспериментов. С единственным ограничением — повреждения должны быть обратимыми. Тир фон Рауб стоил денег. Эрик Тевтский готов был заплатить за своего

гвардейца любую сумму, но за живого и хотя бы относительно невредимого.

Он истолковал её молчание по-своему. И тёплые огоньки во взгляде потускнели:

— Боитесь? — совсем другая, насмешливая и чуть грустная улыбка, — «просьба не подходить к куполу, животное крайне опасно».

Такие надписи, ярко-алые, броские, мерцали по периметру защитных куполов в Лонгвийском зоопарке. Айс на секунду представила себя на месте фон Рауба. Зверь. В тёмной и тесной клетке. И решётчатое окошко, в которое изредка заглядывают любопытные, испуганные, злые глаза.

— Я не боюсь, — она покачала головой, — просто... я шла взглянуть на вас и ожидала увидеть совсем другое. Почему-то, — она не удержалась улыбнулась смущённо, — почему-то я думала, что вы похожи на чудовище.

— Любите смотреть на чудовищ? — спросил он, не обидно спросил, скорее, с искренним любопытством.

— Я их изучаю, — ответила Айс.

— Экзотология? — фон Рауб хмыкнул, — я полагаю, вы специалист по технической магии.

Слово, такое родное, и такое чуждое для этого мира. Откуда он знает?

— Я мастер, — сообщила Айс. Если он и это поймёт...

Он понял. Кивнул спокойно:

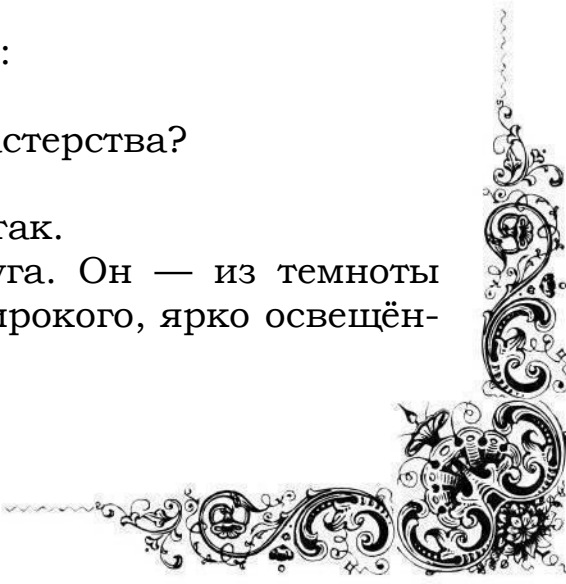
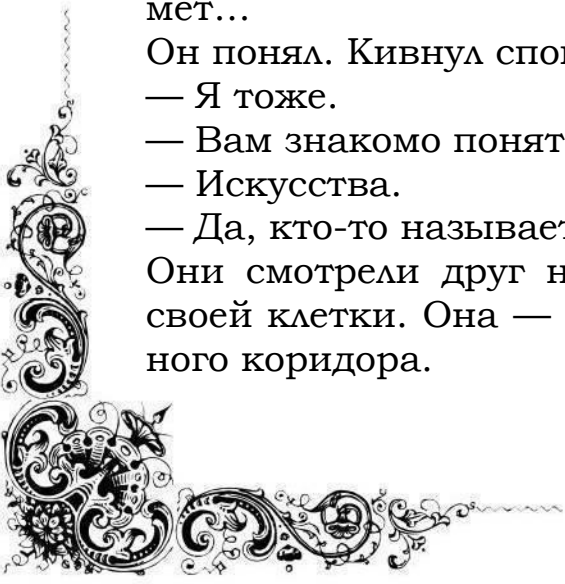
— Я тоже.

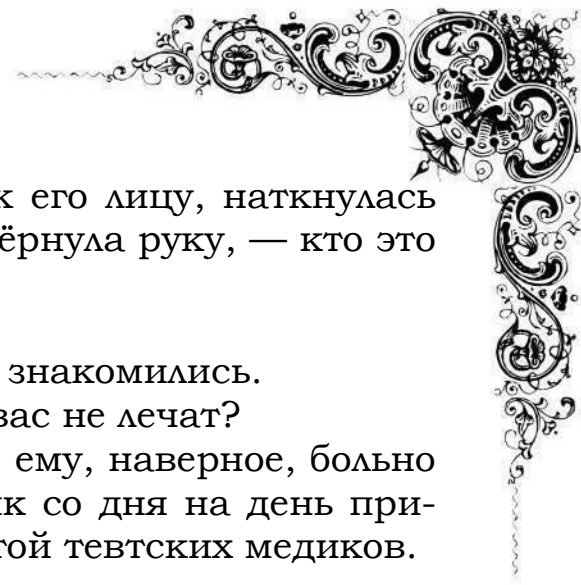
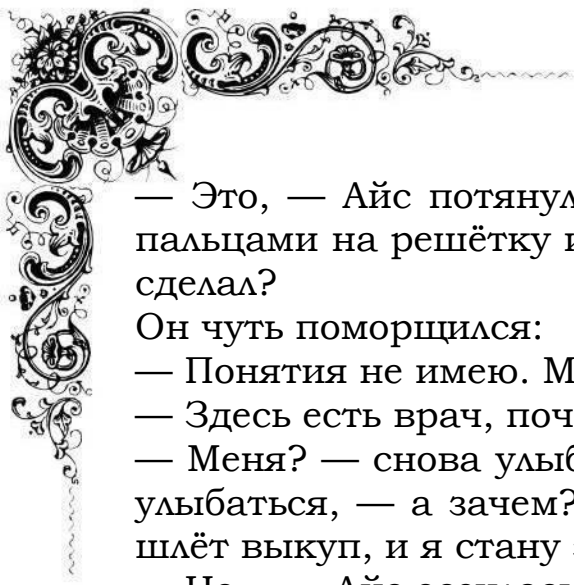
— Вам знакомо понятие Мастерства?

— Искусства.

— Да, кто-то называет это так.

Они смотрели друг на друга. Он — из темноты своей клетки. Она — из широкого, ярко освещённого коридора.

— Это, — Айс потянулась к его лицу, наткнулась пальцами на решётку и отдёрнула руку, — кто это сделал?

Он чуть поморщился:

— Понятия не имею. Мы не знакомились.

— Здесь есть врач, почему вас не лечат?

— Меня? — снова улыбка... ему, наверное, больно улыбаться, — а зачем? Эрик со дня на день пришлёт выкуп, и я стану заботой тевтских медиков.

— Но... — Айс осеклась.

Эрик, император тевтов, готов был выслать деньги в любую минуту, но царь медлил принять выкуп. Медлил, потому что она попросила хотя бы месяц на изучение редкого экземпляра. Царь прекрасно понимал, что чем позже Тир фон Рауб вернётся в армию, тем лучше.

Месяц. Целый месяц в тёмной, холодной клетке. Ей вновь захотелось коснуться его. Провести ладонями по лицу, заживляя ссадины, кончиками пальцев притронуться к разбитым губам.

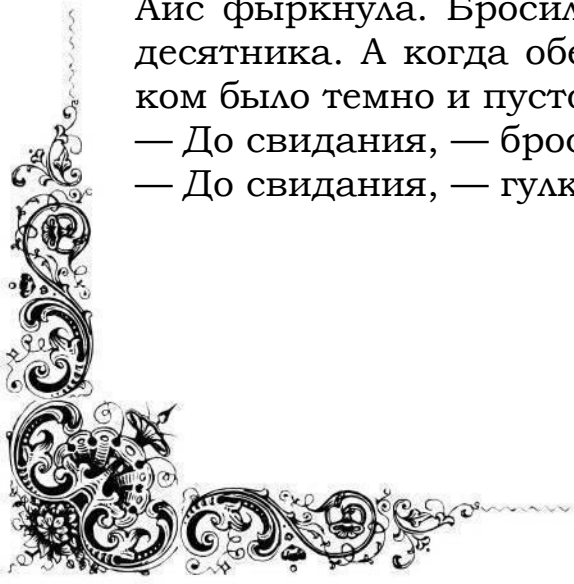
— Я... пойду, — она отступила на шаг, поймала себя на том, что судорожно стискивает в кулаке золотой ковчежец.

— Заходите ещё, — в чёрных глазах переливались огненные змейки, — гости здесь такая редкость. Остаётся беседовать с тараканами, а они немногим умнее охранников.

Айс фыркнула. Бросила взгляд на хмурую морду десятника. А когда обернулась к двери, за окошком было темно и пусто.

— До свидания, — бросила она наугад.

— До свидания, — гулко ответила тьма.

*

Айс фон Вульф. Айс де Фокс. Что ж, они подходят друг к другу, Лонгвиец и эта беловолосая тварь. Нет, они подходили бы друг к другу, не будь она такой замороженной. Рыба. Зубастая рыба с холодными пустыми глазами.

Она и в самом деле думает, что умеет улыбаться? Щерящийся клыками оскал — улыбка по-фоксовски. Но Лонгвиец-то зубы не показывает. А эта...

Интересно, забрасывая файерболы под колпак болида, она тоже улыбалась?

Зверь ходил по камере.

От стены к стене.

Кольцо с противным шуршащим скрежетом ездило по тросу.

От стены к стене.

К кольцу была прикреплена цепь. Другой её конец крепился к ошейнику.

Первыми до этого изыска додумались сипангцы. Но они, помнится, сделали ошейник посвободнее, и из него удалось выбраться, отделавшись ободранными ушами да болью в вывихнутой челюсти. Вынуть её из суставов получилось легко, а вот вправить — не сразу. Маловато опыта. Собственно, до того случая работать с лицевыми суставами как-то и не приходилось.

Сипангцы облажались. Зато уруки кое-чему на чужих ошибках научились и склепали ошейничек тик в тик. Ещё и с зубчиками по верхнему краю. Нет, жить-то они не мешают, в смысле зубчики, да и уруки, если уж на то пошло. Всякое в жизни бывает — сегодня они, завтра их. Их чаще, поэтому ребята спешат оттянуться, пока есть возможность.

Издержки профессии.

Работа опасная, зато увлекательная.

Интересно, она улыбалась?

О да. Улыбалась. Правда, совсем не так, как здесь.

Зверь помнил голос. Он его слышал, но не отвечал. Всё равно не смог бы ответить — в кабине один за другим взрывались файерболы, и всё, на что он был тогда способен, это орать в голос, считая, как одна за другой отщёлкиваются сторевшие жизни. Или молчать. Мёртво стиснув зубы и, опять же, считая.

Он молчал.

Потому что она слушала. Внимательно слушала.

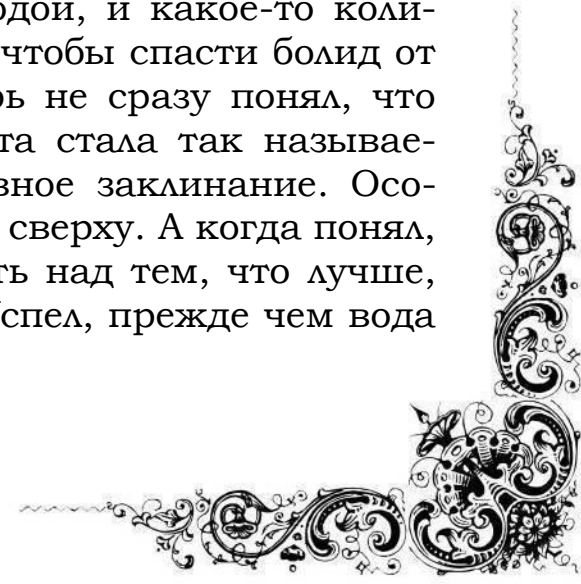
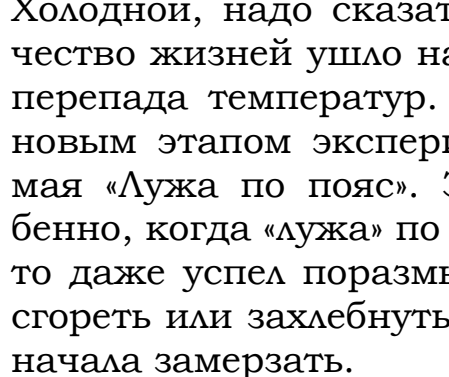
— Ну как, пилот? — взрыв, и горящая мазутная плёнка растекается по колпаку. Изнутри. — Как летается? Палёным не пахнет?

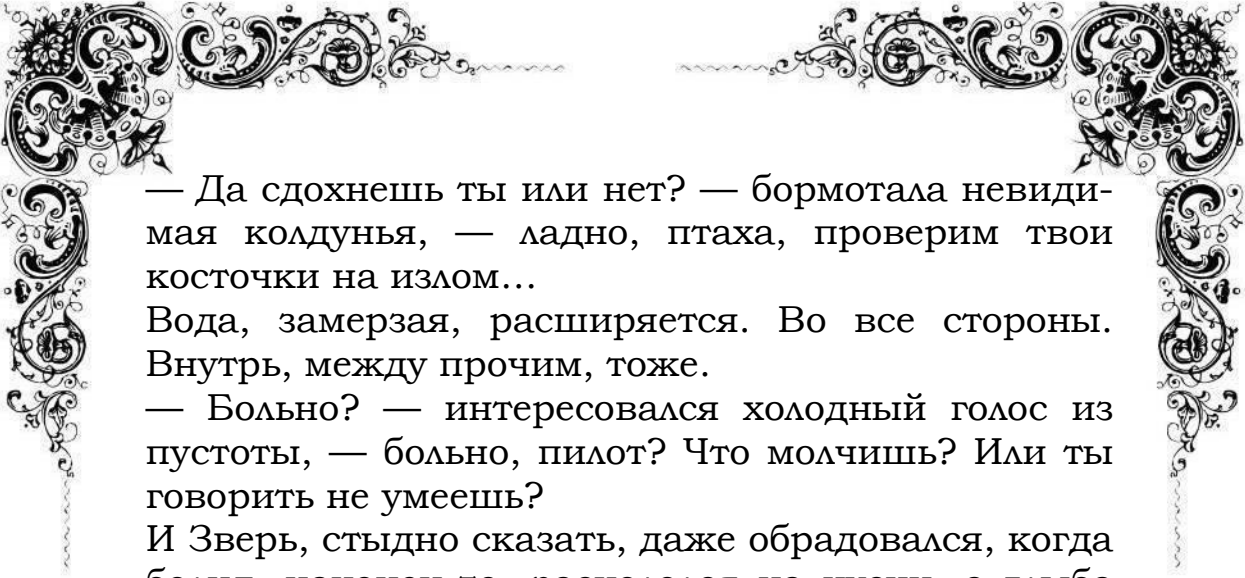
Он молчал. Раскалённые кнопки тлели под пальцами. Палёным пахло. Со всех сторон пахло. Но это-то ерунда, это не страшно, пока есть запас жизней, пока сохраняется неуязвимость, пока...

— Почему же ты не горишь, мразь? — это она уже не ему, это она бормотала себе под нос, нисколько не заботясь тем, слышит ли её кто-нибудь, — почему не горишь?..

И вместо огненного под колпаком взорвался ледяной шар.

Мгновением позже кабина наполнилась водой. Холодной, надо сказать, водой, и какое-то количество жизней ушло на то, чтобы спасти болид от перепада температур. Зверь не сразу понял, что новым этапом эксперимента стала так называемая «Лужа по пояс». Забавное заклинание. Особенно, когда «лужа» по пояс сверху. А когда понял, то даже успел поразмыслить над тем, что лучше, сгореть или захлебнуться. Успел, прежде чем вода начала замерзать.

— Да сдохнешь ты или нет? — бормотала невидимая колдунья, — ладно, птаха, проверим твои косточки на излом...

Вода, замерзая, расширяется. Во все стороны. Внутрь, между прочим, тоже.

— Больно? — интересовался холодный голос из пустоты, — больно, пилот? Что молчишь? Или ты говорить не умеешь?

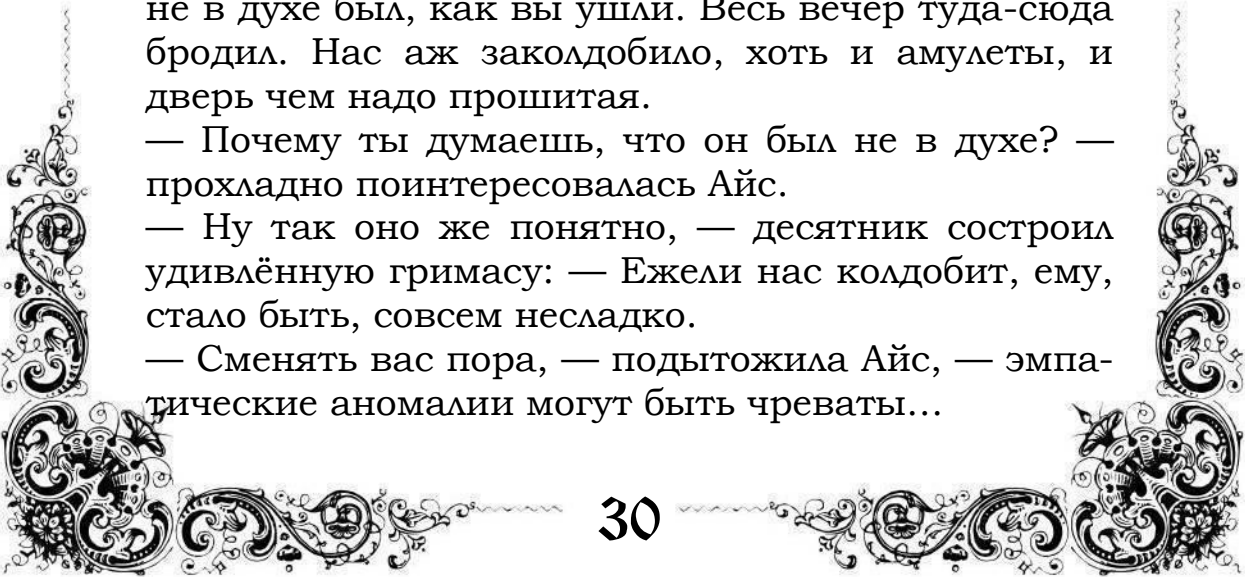
И Зверь, стыдно сказать, даже обрадовался, когда болид, наконец-то, раскололся на куски, а глыба льда с вмороженным в неё господином фон Раубом булькнула в реку вниз.

Оттуда его и выловили уручьи пилоты.

Положение унижительное, но лучше уж так, чем подохнуть в результате каких-то долбанных экспериментов совершенно удолбанной бабы.

И вот, пожалуйста, от стены к стене десять шагов. Кольцо шуршит по тросу. Ошейник — тик в тик. Зубчики, опять же. И Эрик не торопится выкупать драгоценного своего легата. И правильно делает. Это наука такая, на будущее: не попадайся, урод.

*

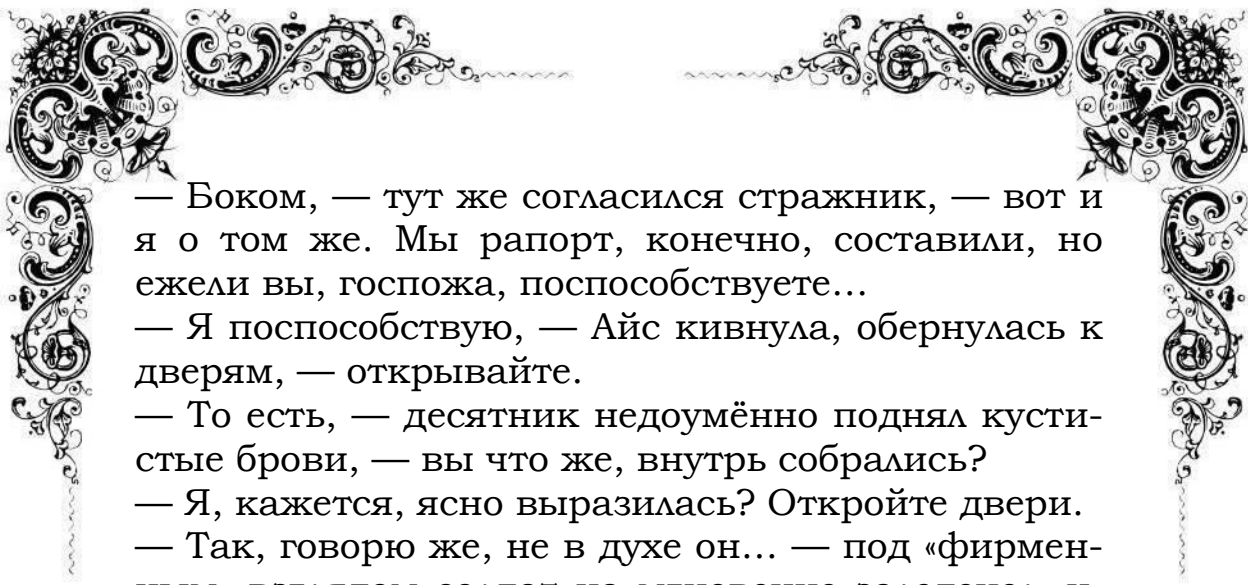

— День добрый, госпожа, — десятник отдал честь и указал на знакомую дверь, — вчера он шибко не в духе был, как вы ушли. Весь вечер туда-сюда бродил. Нас аж заколдобило, хоть и амулеты, и дверь чем надо прошита.

— Почему ты думаешь, что он был не в духе? — прохладно поинтересовалась Айс.

— Ну так оно же понятно, — десятник состроил удивлённую гримасу: — Ежели нас колдобит, ему, стало быть, совсем несладко.

— Сменять вас пора, — подытожила Айс, — эмпатические аномалии могут быть чреватые...

— Боком, — тут же согласился стражник, — вот и я о том же. Мы рапорт, конечно, составили, но ежели вы, госпожа, поспособствуете...

— Я поспособствую, — Айс кивнула, обернувшись к дверям, — открывайте.

— То есть, — десятник недоумённо поднял кустистые брови, — вы что же, внутрь собрались?

— Я, кажется, ясно выразилась? Откройте двери.

— Так, говорю же, не в духе он... — под «фирменным» взглядом солдат на мгновение заледенел, и, как только смог двинуться, тут же попятился, примирительно выставив ладони: — Ладно, госпожа. Конечно, госпожа. Как прикажете. Сейчас всё подготовим.

Из узенькой каморки, что соседствовала с камерой фон Рауба, донеслись скрежет и поскрипывание. Что-то там куда-то наматывалось, что-то откуда-то вытягивалось. Неприятные звуки. Видимо, дверь, помимо засовов, снабжена каким-нибудь хитрым механизмом.

Нет. Наверяд ли хитрым. Если верить слухам, для старогвардейца фон Рауба механизм чем хитрее, тем роднее. Якобы он с ними договариваться умеет. Сказки, конечно. Но на пустом месте сказок не бывает, а для здешнего народа суеверия зачастую понятнее и ближе истины.

— Прошу вас, — десятник поклонился, — вы, госпожа, если что, так дайте знать. Мы мигом. А то, хотите, я с вами парней отправлю.

— Не хочу, — отрезала Айс, — закройте за мной двери и оставайтесь на местах. Если мне что-то понадобится, я вас позову. Ясно?

— Так точно, — если стражник и обиделся на резкий тон, виду он не подал. И правильно. Ему по должности обижаться не положено. Ему положено приказы выслушивать и исполнять.

Айс перешагнула порог и остановилась, привыкая к темноте.

Дверь за её спиной с тихим шорохом повернулась в петли.

Где же... Тарсграе! Да вон, впереди, две яркие точки — жёлтые волчьи глаза... Нет, у волков они, вроде, зелёным горят.

Ф-фу, да не всё ли равно.

Он смотрит. Ждёт. Чего ждёт, почему не подойдёт ближе?

Айс выпустила из пальцев белый пушистый шарик, и тот взмыл к потолку, озарив камеру неярким, мягким светом.

— Ох, — сказала Айс. Рука её метнулась к губам, — ох, — повторила она. И покачала головой, — извините. Если бы я знала, я осталась бы снаружи.

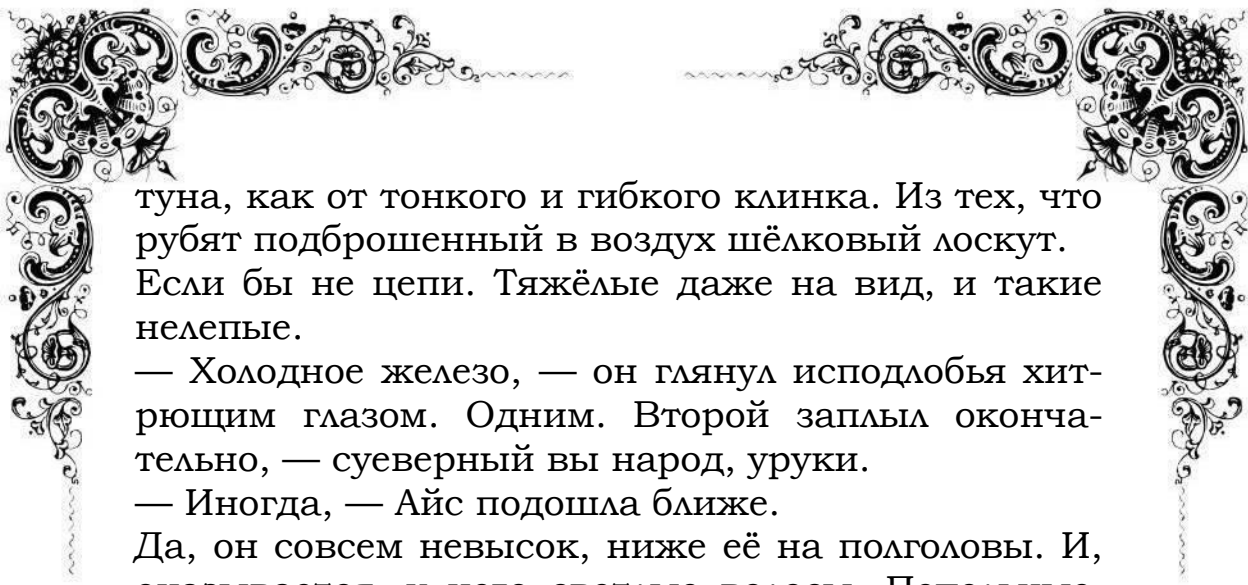
— Зато так я не опасен, — даже сейчас он улыбнулся. И улыбнулся, искренне, — ну, почти не опасен. Добрый день, госпожа фон Вульф.

— Добрый, — с запинкой ответила Айс.

— Я вас умоляю, не надо так смотреть, — голос его оставался мягким, чуть-чуть насмешливым, — это всего лишь необходимые меры предосторожности. Ничего страшного.

Да, наверное. Но не смотреть она не могла. Просто не получалось оторвать взгляд от прикованного к стене человека. Стальной ошейник. Стальной пояс. Стальные браслеты на запястьях. Цепочка от них пристёгнута к ошейнику. А от ошейника толстая цепь уходит куда-то в тёмную, глубокую дыру. Как раз над его головой.

Он, кстати, совсем невысок, этот Тир фон Рауб, чудовище из тевтских ВВС. Невысок и худощав, на взыскательный взгляд, так даже, пожалуй, слишком. Но слабым или хрупким отнюдь не кажется, скорее наоборот, впечатление от этого ле-

туна, как от тонкого и гибкого клинка. Из тех, что рубят подброшенный в воздух шёлковый лоскут. Если бы не цепи. Тяжёлые даже на вид, и такие нелепые.

— Холодное железо, — он глянул исподлобья хитрющим глазом. Одним. Второй заплыл окончательно, — суеверный вы народ, уруки.

— Иногда, — Айс подошла ближе.

Да, он совсем невысок, ниже её на полголовы. И, оказывается, у него светлые волосы. Пепельные. Это красиво.

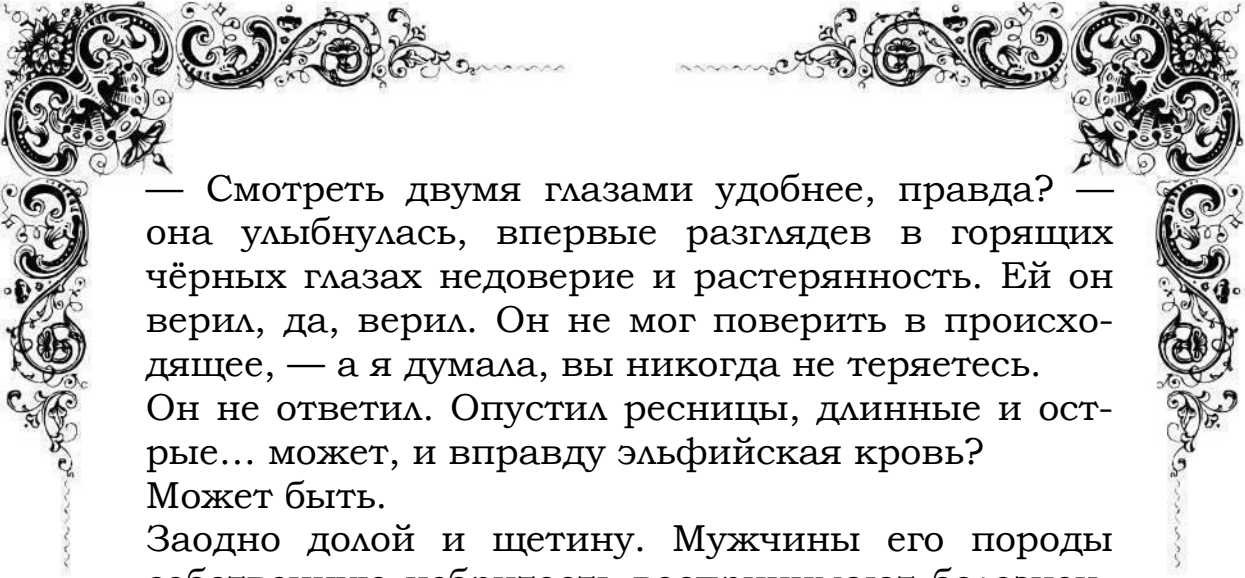
— Жаль вас разочаровывать, — фон Рауб покривился и вдруг, рывком, стал сантиметров на десять выше, — честное слово, госпожа фон Вульф, обычно я выгляжу несколько ухоженнее. Доказать это сейчас нет никакой возможности... — сквозь насмешку в тёплом голосе впервые проглянули досада и лёгкий стыд, — увы, вам остаётся поверить мне на слово.

— Я верю, — Айс разглядывала его, чуть смущаясь и напоминая себе, что она, в конце концов, учёный, а этот человек — любопытнейший экземпляр, представитель неведомого науке вида... — я верю, и даже могу себе это представить.

Ей хотелось сделать это вчера. Сегодня представилась возможность. Айс протянула руку и коснулась его лица. Увидела изумление в чёрном-чёрном, непроглядно чёрном взгляде. И шепнула:

— Хочу посмотреть, верны ли мои представления. Осторожно-осторожно. Чтобы не сделать больно. Хватит с него боли, честное слово, слишком много её для одного человека. Самыми кончиками пальцев... Безобразный синяк. Черты лица такие тонкие, острые скулы эльфийской лепки... У кого поднялась рука?

Вот. Так куда лучше.

— Смотреть двумя глазами удобнее, правда? — она улыбнулась, впервые разглядев в горящих чёрных глазах недоверие и растерянность. Ей он верил, да, верил. Он не мог поверить в происходящее, — а я думала, вы никогда не теряетесь.

Он не ответил. Опустил ресницы, длинные и острые... может, и вправду эльфийская кровь? Может быть.

Заодно долой и щетину. Мужчины его породы собственную небритость воспринимают болезненнее, чем, скажем, сложный перелом берцовой кости. Хуже для них разве что не очень свежее бельё.

Губы разбиты. Больно, да? Ничего, потерпи немножко, сейчас... а этот шрам, он не от удара. Айс знала, от чего остаются такие рубцы, и едва сама не прокусила губу от острой, болезненной жалости. Сейчас, когда с него слетела маска, она смогла заглянуть в его душу. В темноту, в холодную и сырую каменную тьму. Давит, со всех сторон давит, и солнца нет, нет ветра, нет даже звуков, кроме бесконечного, сводящего с ума журчания воды по холодным камням.

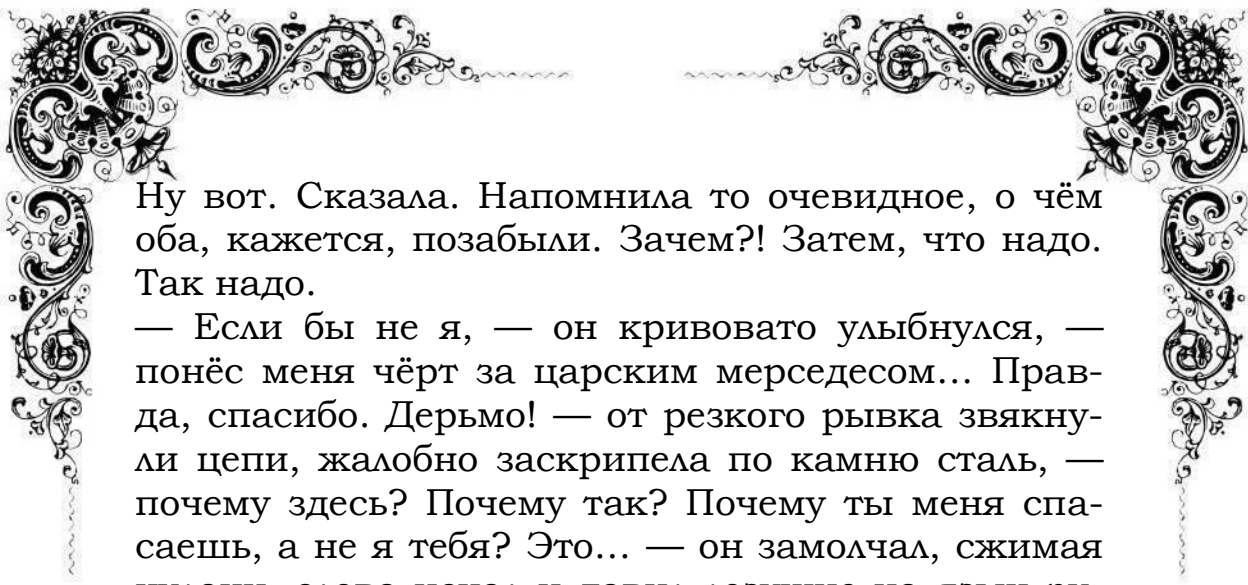
— Бедный мальчик, — Айс обняла пальцами его притянутые к подбородку ладони, такие узкие, красивые, длиннопалые кисти, — птаха, и косточки птичьи...

Он вздрогнул. На тонких запястьях арбалетными тетивами проступили напрягшиеся жилы. Дикий, запредельный какой-то ужас во взгляде.

Миг. И сгнуло наваждение. Погасло за опустившейся сеткой ресниц.

— Я... — голос хриплый, потерянный, — ...спасибо... право же, оно того не стоит...

— Так ты намного красивее, — она взъерошила его серебряные волосы, — разве плохо? А, кроме того, если бы не я, ты бы здесь не оказался.

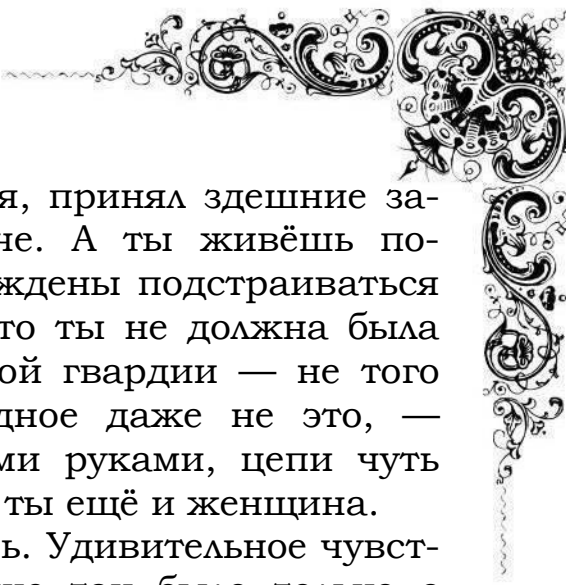
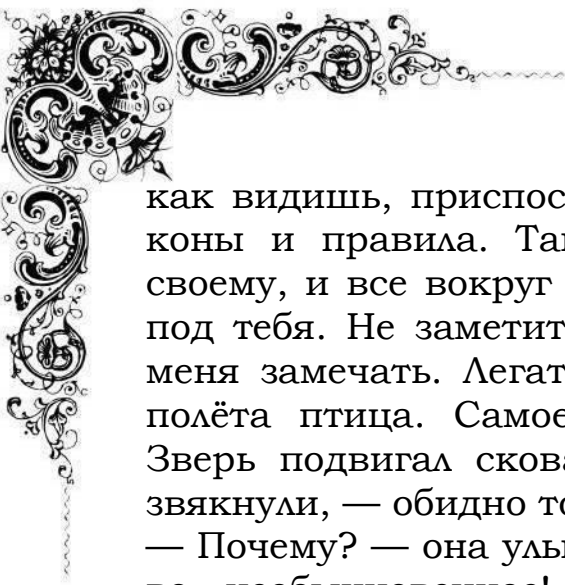
Ну вот. Сказала. Напомнила то очевидное, о чём оба, кажется, позабыли. Зачем?! Затем, что надо. Так надо.

— Если бы не я, — он кривовато улыбнулся, — понёс меня чёрт за царским мерседесом... Правда, спасибо. Дерьмо! — от резкого рывка звякнули цепи, жалобно заскрипела по камню сталь, — почему здесь? Почему так? Почему ты меня спасаешь, а не я тебя? Это... — он замолчал, сжимая кулаки, слова искал и давил лезущие на язык ругательства, — это неправильно, — выдохнул наконец.

— Зверь, — удивительно легко оказалось выговорить его имя, — это неправильно, да, но не окажись ты здесь, разве ты заметил бы меня?

Горько и больно, но правда редко бывает радостной. Айс фон Вульф, Айс де Фокс — урод-полукоровка, смесок, мутант. Эльрик, её сильный, добрый, любимый Эльрик слишком стар и слишком мудр, чтобы обращать внимание на внешность. А вот этот юный, красивый, эльфоглазый мальчик... нет, он, конечно, не стал бы кидать в неё камнями, как другие. Он лишь скользнул бы пренебрежительно взглядом и усмехнулся, поразившись такому уродству. Или — по ситуации — выдавил из себя несколько холодных и вежливых слов. Ещё неизвестно, что хуже. Иногда камни предпочтительнее. Тех, кто бросает, можно ударить в ответ.

— Не заметишь тебя? — он покачал головой, — это ты так шутишь? Айс, я мечтал познакомиться с того дня, как впервые о тебе услышал. Учёный, оперирующий понятиями, до которых здесь не дорастут никогда, маг, работающий с материями, о которых я уже не надеялся услышать, человек, представляющий мир так же, как я... Чёрт, — он усмехнулся, — мне с моих знаний толку мало. Я

как видишь, приспособился, принял здешние законы и правила. Так легче. А ты живёшь по-своему, и все вокруг вынуждены подстраиваться под тебя. Не заметишь... Это ты не должна была меня замечать. Легат старой гвардии — не того полёта птица. Самое обидное даже не это, — Зверь подвигал скованными руками, цепи чуть звякнули, — обидно то, что ты ещё и женщина.

— Почему? — она улыбалась. Удивительное чувство, необыкновенное! Раньше так было только с Эльриком. Он видел в ней женщину, сильный, мудрый, древний — он видел. Но этот мальчик...

— Да нипочему, — Зверь пренебрежительно поморщился, — просто лучше бы ты была заучившейся очкастой воблой.

— Думаешь? То есть ты предпочёл бы, чтобы здесь сейчас была такая вот вобла?

— Нет! — он поспешно замотал головой, — не надо. Ты можешь это устроить, я знаю, но... нет. Уж лучше я буду лелеять свои комплексы. Ну, там, простой пилот и настоящая леди, романтика, все дела.

— Ты не обычный пилот, — сказала Айс.

— А ты — уникальный маг, — Зверь вновь по-серьёзней, взглянул настороженно и тоскливо: — Что я для тебя? Объект исследований? Тема для пары страниц в очередной монографии?

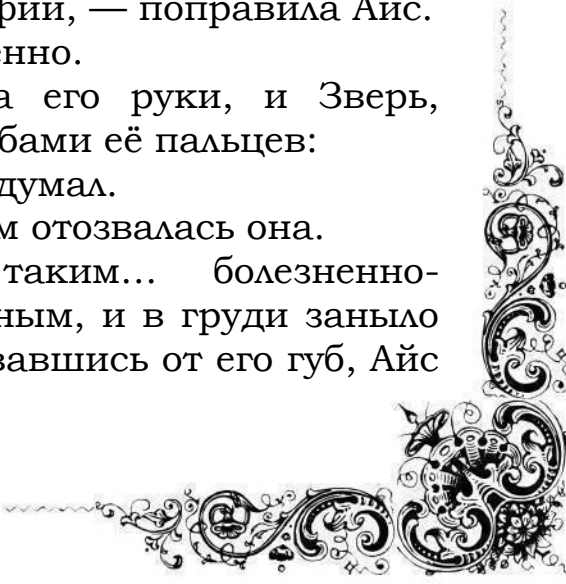
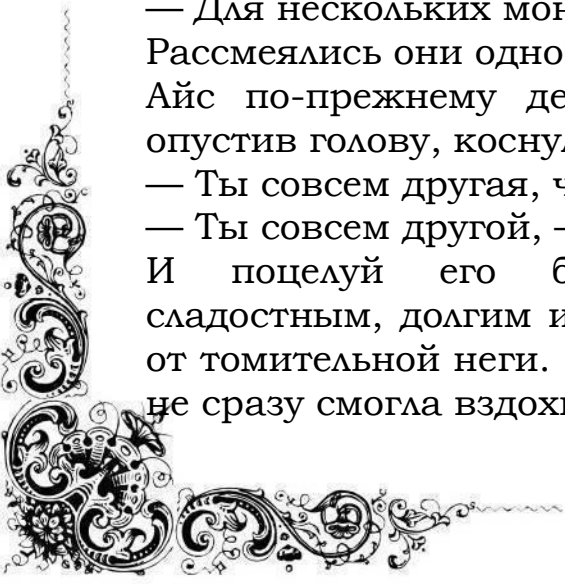
— Для нескольких монографий, — поправила Айс. Рассмеялись они одновременно.

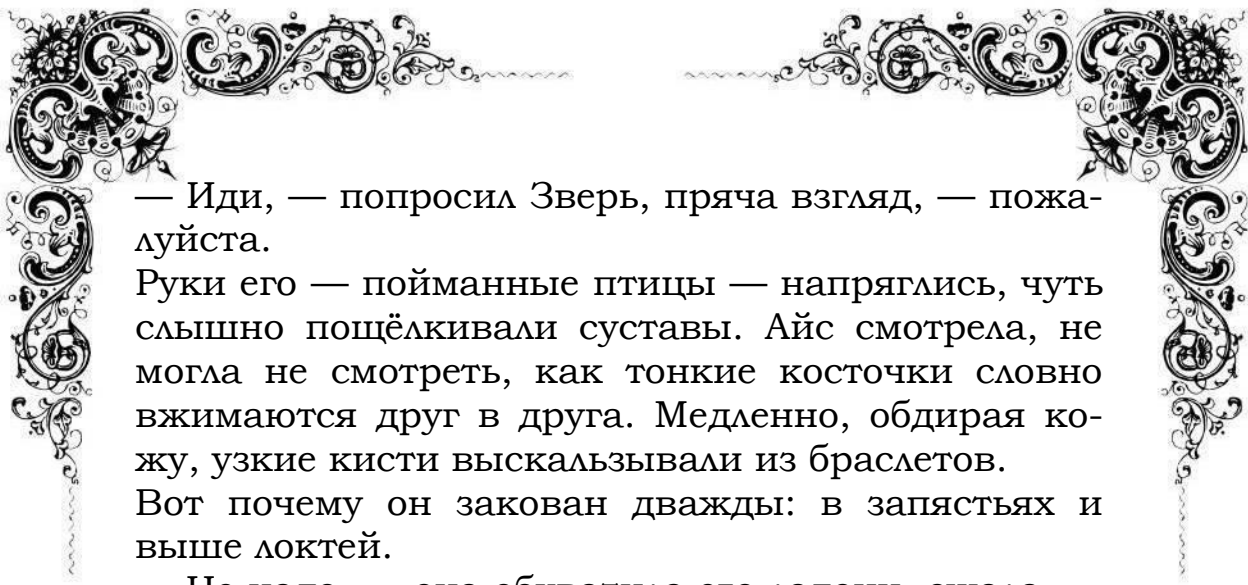
Айс по-прежнему держала его руки, и Зверь, опустив голову, коснулся губами её пальцев:

— Ты совсем другая, чем я думал.

— Ты совсем другой, — эхом отозвалась она.

И поцелуй его был таким... болезненно-сладостным, долгим и нежным, и в груди заныло от томительной неги. Оторвавшись от его губ, Айс не сразу смогла вздохнуть.

— Иди, — попросил Зверь, пряча взгляд, — пожалуйста.

Руки его — пойманные птицы — напряглись, чуть слышно пощёлкивали суставы. Айс смотрела, не могла не смотреть, как тонкие косточки словно вжимаются друг в друга. Медленно, обдирая кожу, узкие кисти выскальзывали из браслетов.

Вот почему он закован дважды: в запястьях и выше локтей.

— Не надо, — она обхватила его ладони, сжала, — не надо, Зверь. Тебя накажут за это. Я... я поговорю с царём, обещаю, он примет выкуп. Завтра или, может, через день. Не позже. Ты потерпи, ладно? Осталось совсем не долго. Ты же не хочешь вернуться домой калекой? Они ведь ждут только повода, Зверь. Чем дольше ты не сможешь летать, тем им лучше. Потерпи.

Айс поцеловала его высокий, горячий лоб. Губами притронулась к длинным, колким ресницам.

— Всё будет хорошо, — прошептала уверенно.

Он улыбнулся ей одними глазами. Сквозь ласковые звёздочки зрачков глядела звериная тоска.

— Всё будет хорошо, — повторила Айс.

И быстро пошла к дверям.

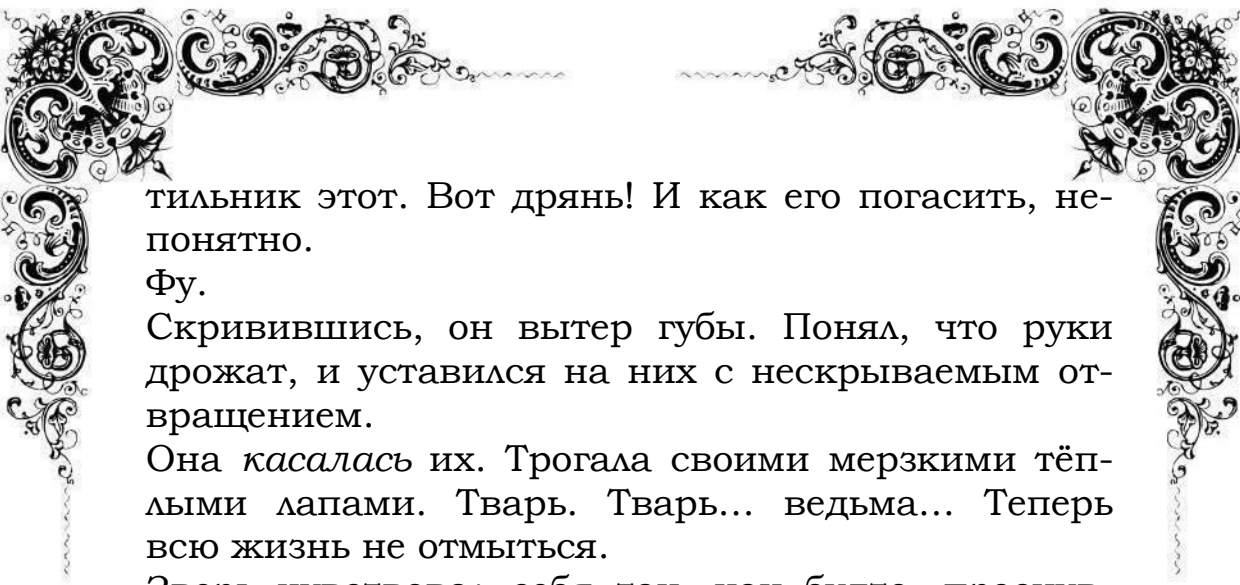
Мохнатый шарик остался висеть под потолком, по-прежнему озаряя камеру мягким и добрым светом.

Пусть.

Сам Зверь в жизни не попросил бы её об этом, но Айс-то знала, как страшно ему оставаться в глухой и холодной темноте.

*

Первую минуту Зверь отчаянно отплёвывался. Её вкус, её запах. Кажется, никогда теперь не забыть. Ещё и клыки... У-у, нелюдь... Ведьма! Све-

тильник этот. Вот дрянь! И как его погасить, непонятно.

Фу.

Скривившись, он вытер губы. Понял, что руки дрожат, и уставился на них с нескрываемым отвращением.

Она касалась их. Трогала своими мерзкими тёплыми лапами. Тварь. Тварь... ведьма... Теперь всю жизнь не отмыться.

Зверь чувствовал себя так, как будто, проснувшись, обнаружил на лице таракана. Мерзко. До тошноты, до дрожи.

«Прекрати истерику!» — приказал он себе. И прекратил. Не то чтобы совсем, но хотя бы дрожать перестал.

Ведьма.

Всё. Хватит.

Зверь прислушался к тому, что делалось снаружи. Ведьма ушла. Осталась охрана.

А у тварюки куча комплексов, что при её внешности, конечно, вполне ожидаемо. Получилось чуток подзарядиться. И подлечила, опять же — не надо тратить драгоценные крохи Силы на приведение себя в порядок. Может, грохнуть всё на светильник? Да ну его, не факт, что получится. Можно сделать хитрее.

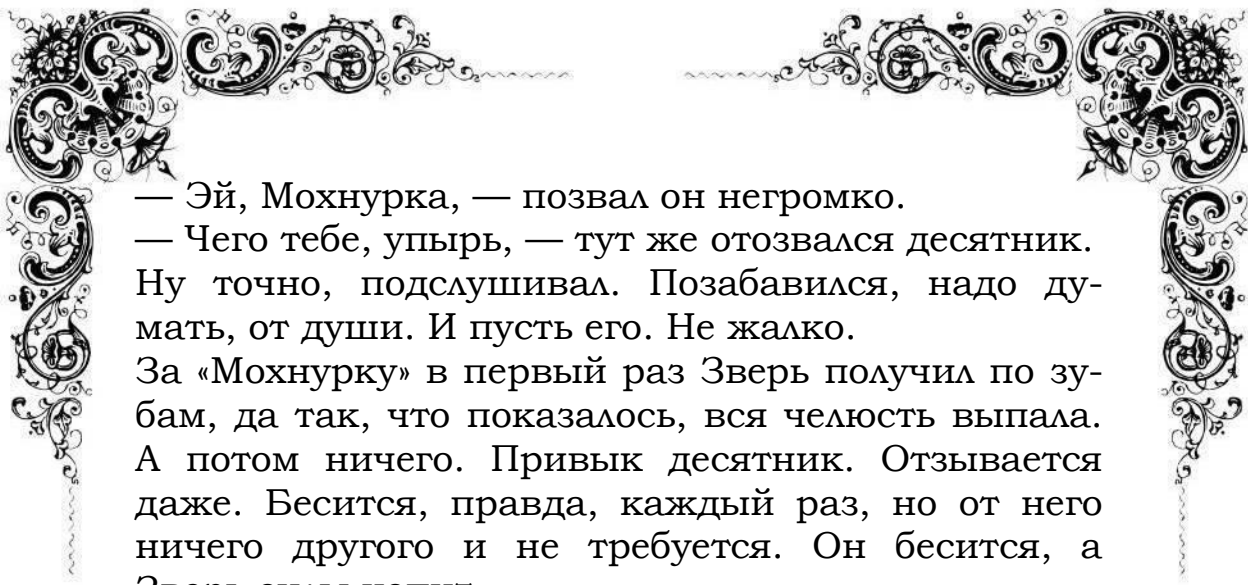
— Всё через жопу, — грустно пробормотал Зверь, — бардак в армии.

Он вздохнул, расслабился, поймал в себе слабые токи Силы. Как мало её! Настолько привык уже работать, не считая и не оглядываясь, что собирать энергию по капле казалось унижительным.

А куда деваться? Чёртова сучка чуть не ухайдакала своими экспериментами. То ей, понимаешь, горит плохо. То мёрзнет хреново. То, значит, кости дробятся медленно.

Вот мразь!

— Эй, Мохнурка, — позвал он негромко.

— Чего тебе, упырь, — тут же отозвался десятник. Ну точно, подслушивал. Позабавился, надо думать, от души. И пусть его. Не жалко.

За «Мохнурку» в первый раз Зверь получил по зубам, да так, что показалось, вся челюсть выпала. А потом ничего. Привык десятник. Отзывается даже. Бесится, правда, каждый раз, но от него ничего другого и не требуется. Он бесится, а Зверь силы копит.

Да к тому же, а как ещё его называть, ежели он весь, с головы до ног шерстистый? Подчинённые начальника за глаза «Гладким» зовут. Льстят безбоязненно, потому как они рядовые, а он — десятник. Ну, а Зверь, тот с чинами не считается. Зверь всегда правду в глаза... Ага, а Зверю за это в зубы...

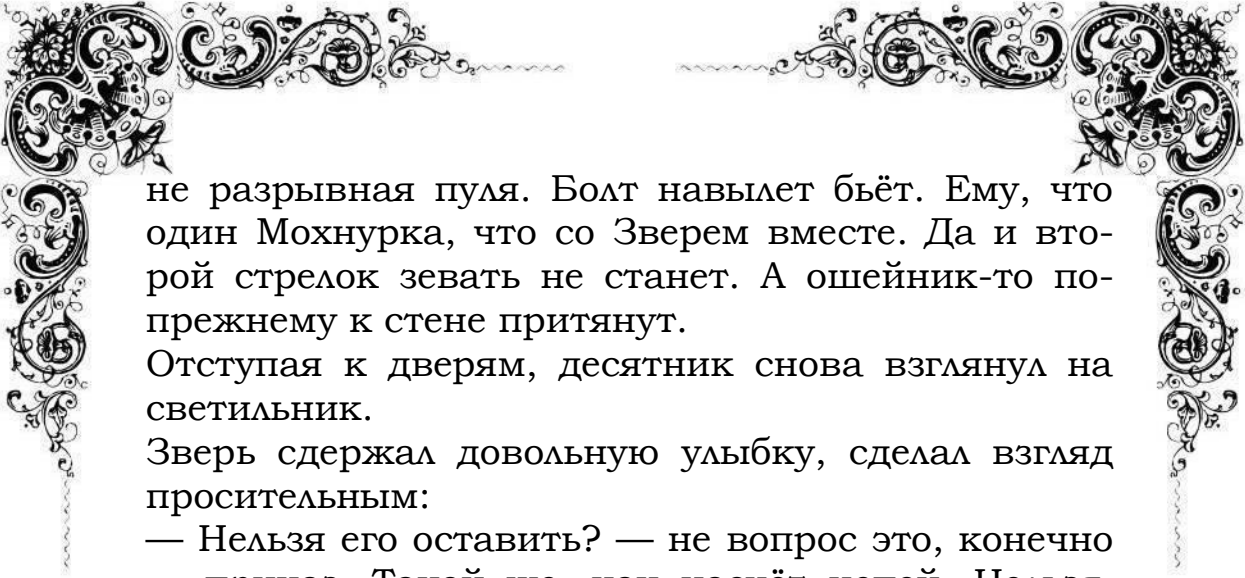
— Цепиними, — он не просил и даже не напоминал. Он приказывал. Силу — по капле. Здесь много и не надо, Мохнурка — человек военный, приказы выполнять привык.

Десятник — сам! лично! возник на пороге. Уставился на святающийся шарик под потолком. У десятника две программы в конфликт вошли, одна — старая: свет в камере быть не должен. Вторая — новая: цепи снять.

— Сюда, — напомнил о себе Зверь, звякнув кандалами.

Мохнурка вошёл, следом за ним в дверь просочились двое рядовых с арбалетами. Перестраховщики. Ну куда, спрашивается, бедный Зверь отсюда денется? Впрочем, памятуя все сказки... из которых большая часть — правда... Делся бы, будь силенок чуть-чуть побольше.

Вот сейчас бы кандалами да Мохнурке по башке, его телом от выстрела закрыться, посмертный дар забрать... Ага. Только болт арбалетный — это вам

не разрывная пуля. Болт навылет бьёт. Ему, что один Мохнурка, что со Зверем вместе. Да и второй стрелок зевать не станет. А ошейник-то по-прежнему к стене притянут.

Отступая к дверям, десятник снова взглянул на светильник.

Зверь сдержал довольную улыбку, сделал взгляд просительным:

— Нельзя его оставить? — не вопрос это, конечно — приказ. Такой же, как насчёт цепей. Нельзя, мол, лампочку оставлять. Но это Мохнурка приказ слышит, а лопушата с арбалетами слышат просьбу. Робкую такую.

— Нельзя, — отрезал десятник. И вся компания вымелась за дверь.

Ну вот. Порядок. Сейчас пришлют мага, он свет выключит, и будет совсем хорошо...

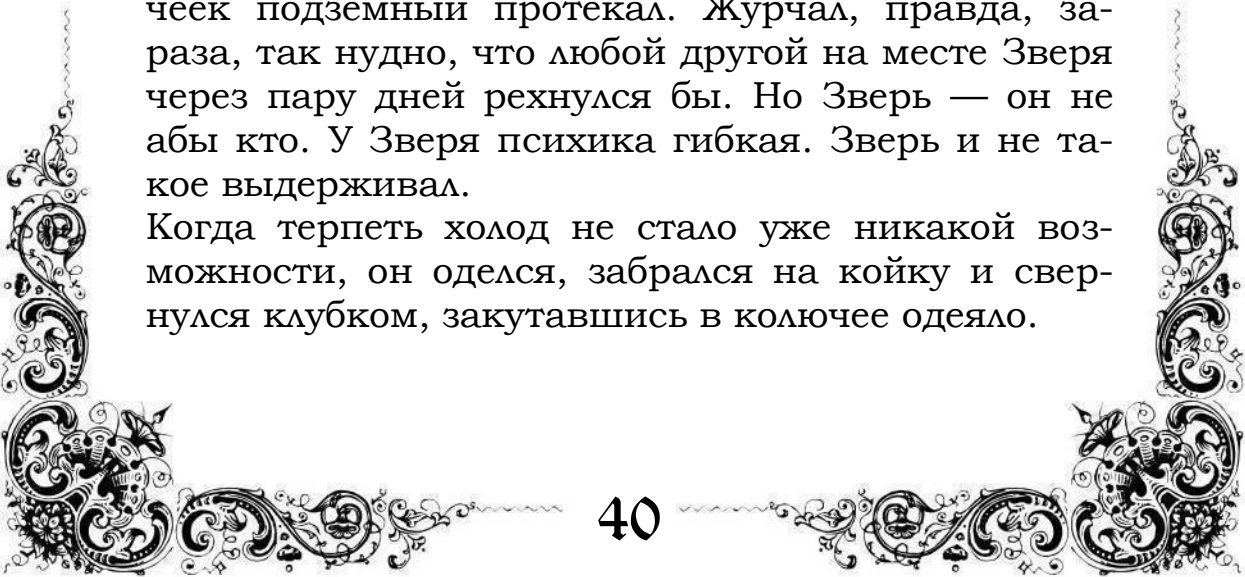
— Стопор убери, — напомнил Зверь закрывшейся двери.

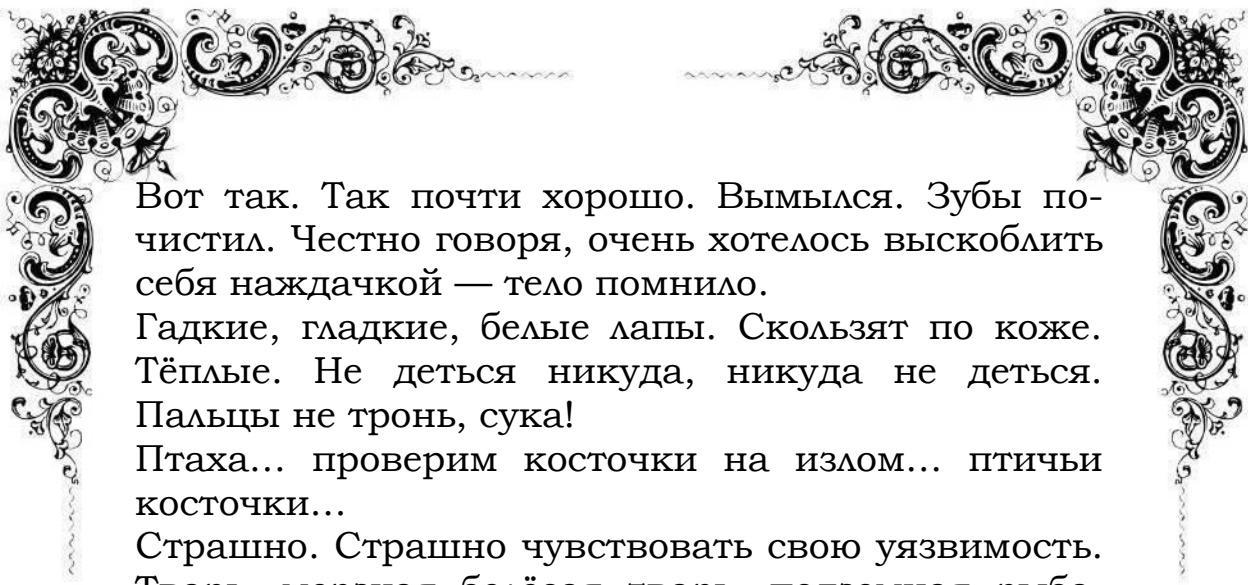
— Понял! — рявкнул Мохнурка.

И Зверь едва не укусил сам себя со злости. Думать надо, когда приказываешь. Меру знать. Этак в следующий раз десятник ему честь отдаст при встрече. И что тогда люди подумают?

Потом он остервенело отмывался под ледяной водой. Уруки, в общем, зверушки не злые. Отвели камеру со всеми удобствами. Через неё даже ручеёк подземный протекал. Журчал, правда, зараза, так нудно, что любой другой на месте Зверя через пару дней рехнулся бы. Но Зверь — он не абы кто. У Зверя психика гибкая. Зверь и не такое выдерживал.

Когда терпеть холод не стало уже никакой возможности, он оделся, забрался на койку и свернулся клубком, закутавшись в колючее одеяло.

Вот так. Так почти хорошо. Вымылся. Зубы почистил. Честно говоря, очень хотелось выскоблить себя наждачкой — тело помнило.

Гадкие, гладкие, белые лапы. Скользят по коже. Тёплые. Не деться никуда, никуда не деться. Пальцы не тронь, сука!

Птаха... проверим косточки на излом... птичьи косточки...

Страшно. Страшно чувствовать свою уязвимость. Тварь, мерзкая белёсая тварь, подземная рыба, безглазая... Неба не видит. Лапы её на коже, мерзкие, гладкие лапы, тёплые...

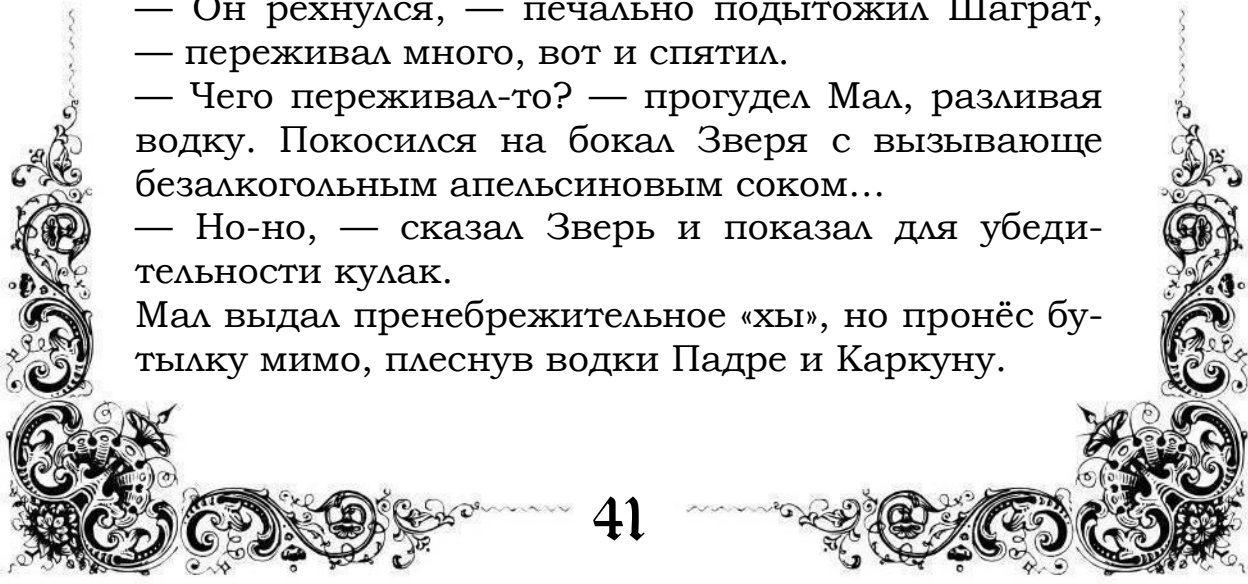
Свернувшись под одеялом, Зверь уже не пытался унять дрожь. Это пройдёт. Пройдёт само. Со временем.

Царь примет выкуп. Завтра. Или через день. Господи, пусть это случится завтра! Потому что иначе она заявится снова. Она придёт.

Зверь уткнулся лбом в колени и закрыл глаза.

Если она придёт... если она придёт завтра, она уже не сможет жить без него. Только бы выбраться отсюда, а уж там, под небом, эта тварь поймёт, с кем связалась. Поймёт. Ради этого, право же, стоило потерпеть.

*

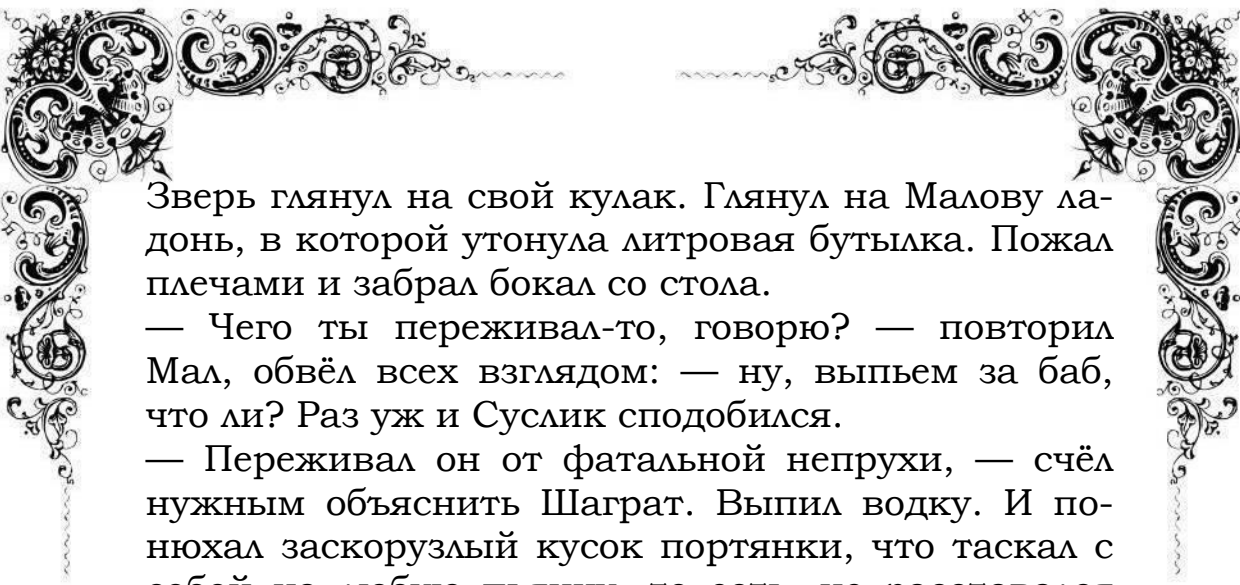

— Он рехнулся, — печально подытожил Шаграт, — переживал много, вот и спятил.

— Чего переживал-то? — прогудел Мал, разливая водку. Покосился на бокал Зверя с вызывающе безалкогольным апельсиновым соком...

— Но-но, — сказал Зверь и показал для убедительности кулак.

Мал выдал пренебрежительное «хы», но пронёс бутылку мимо, плеснув водки Падре и Каркуну.

Зверь глянул на свой кулак. Глянул на Малову ладонь, в которой утонула литровая бутылка. Пожал плечами и забрал бокал со стола.

— Чего ты переживал-то, говорю? — повторил Мал, обвёл всех взглядом: — ну, выпьем за баб, что ли? Раз уж и Суслик сподобился.

— Переживал он от фатальной непрухи, — счёл нужным объяснить Шаграт. Выпил водку. И понюхал заскорузлый кусок портянки, что таскал с собой на любую пьянку, то есть, не расставался никогда, — а непруха у Суслика была с бабами. Вот Падра скажет, Падра у нас умный, от непрухи с бабами кто хочешь рехнётся. А эта рыба на Суслика повелась, потому что у неё с мужиками непруха. На что хочешь спорю. На неё даже у меня не встанет. На неё только у Лонгвийца встать могло, потому что у Лонгвийца всегда стоит. На всё. А Лонгвиец с ней развёлся.

— Убедительно излагаешь, сыне, — кивнул Падре, похрустывая солёным огурчиком, — вот и встретились два одиночества. Суслик, покайся, неужели у тебя на неё стоит?

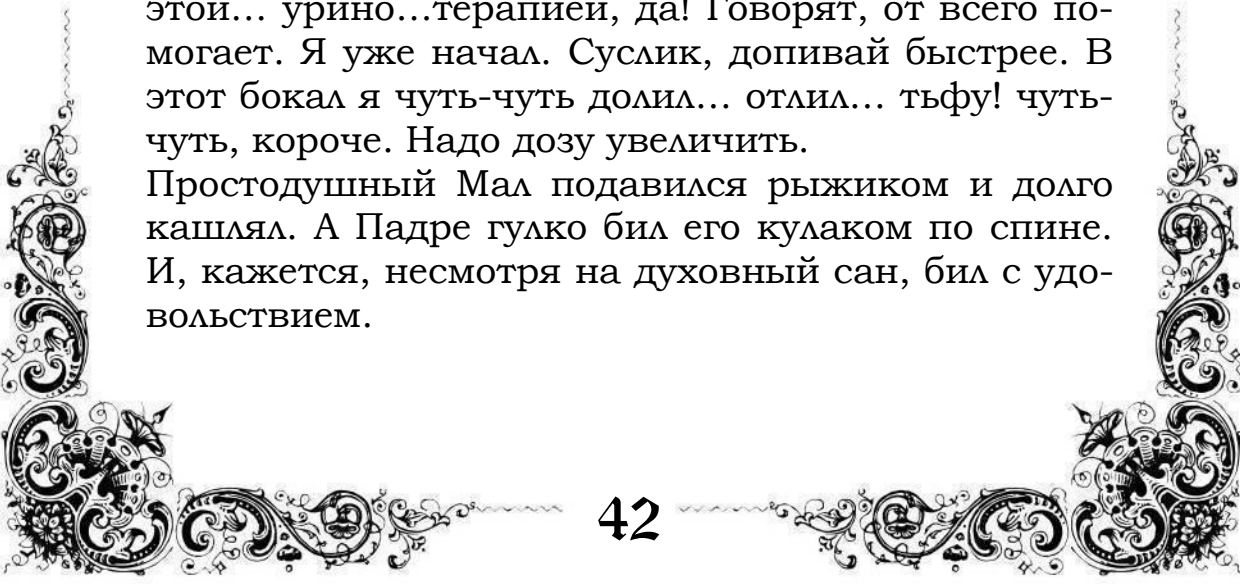
— Как скала, — Зверь оскалился поверх бокала.

— М-да, — вздохнул Мал.

Добрый Каркун сочувственно похлопал Зверя по плечу.

— Лечить его надо, — предложил Шаграт, — этой... урино...терапией, да! Говорят, от всего помогает. Я уже начал. Суслик, допивай быстрее. В этот бокал я чуть-чуть долил... отлил... тьфу! чуть-чуть, короче. Надо дозу увеличить.

Простодушный Мал подавился рыжиком и долго кашлял. А Падре гулко бил его кулаком по спине. И, кажется, несмотря на духовный сан, бил с удовольствием.

*

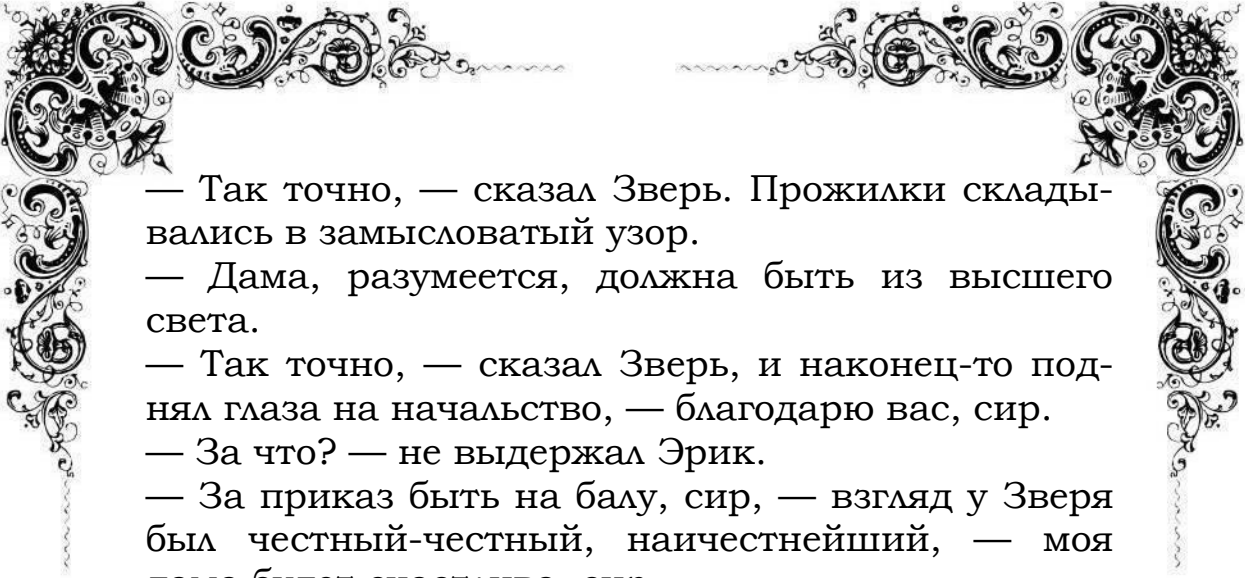
Обсуждению зверского душевного здоровья предшествовала душераздирающая сцена на лётном поле. Его Величество Император Тевтский продемонстрировал остолбеневшим гвардейцам сверкающий золотом «болид», который выкрали-таки у уручьего царя. Выкрали не пилоты — пехотинцы. Бессменная и Бессмертная гвардия, не разлей вода враги всем, кто летает в небе или плавает в море.

Злорадно полюбовавшись своими пилотами, Эрик вызвал из строя господина легата и долго, проникновенно смотрел ему в лицо. Зверь мог поклясться, что взгляд этот нанёс ему морального ущерба на сумму куда большую, чем та, что император отдал в качестве выкупа. Честное слово, он предпочёл бы этому взгляду пару недель в обществе Айс. Но Айс не было поблизости, и пришлось целую минуту сверлить глазами пуговицу на груди императорской форменки. Пуговица была костяная. Гладкая. С чуть заметной щербинкой на краю. Зверь эту пуговицу запомнил прекрасно. Она снилась ему всю следующую ночь.

— Я долго думал, легат, что бы с вами сделать, — доверительно сказал император, — посадить на губу на десять лет; заставить, наконец, жениться на всю жизнь; запретить летать на месяц... последний вариант показался мне слишком жестоким, первые два излишне мягкими. Через три недели Рождественский бал, на котором вы, с моего позволения и с учётом вашего вероисповедания, имели право не присутствовать. Так вот, на сей раз я желаю вас там видеть.

— Так точно, — сказал Зверь, разглядывая прожилки на полированной кости пуговицы.

— Вы должны быть на балу с дамой.

— Так точно, — сказал Зверь. Прожилки складывались в замысловатый узор.

— Дама, разумеется, должна быть из высшего света.

— Так точно, — сказал Зверь, и наконец-то поднял глаза на начальство, — благодарю вас, сир.

— За что? — не выдержал Эрик.

— За приказ быть на балу, сир, — взгляд у Зверя был честный-честный, наичестнейший, — моя дама будет счастлива, сир.

— Вернитесь в строй, — рявкнул император.

— Так точно!

*

Айс узнала о том, что царь принял выкуп, лишь на следующий день после того, как Зверя с рук на руки передали тевтскому представителю. Всё получилось очень быстро. Узнав о том, что Тир фон Рауб не интересуется госпожой фон Вульф в качестве экспоната, царь, кажется, даже вздохнул с облегчением. И то сказать — миллион золотом в казне куда приятнее, а, главное, безопаснее, чем живой старогвардеец в подвале. Даже в цепях. Даже в ошейнике. Даже за тремя засовами на стальной двери.

Ну его, право же, к чёрту!

Деньги, судя по всему, привезли всего через пару часов после визита Айс к царю. И тут же обменяли на Зверя. И Айс поначалу не нашла в себе сил порадоваться за него, она расстроилась чуть не до слёз, как девчонка расстроилась из-за того, что не смогла попрощаться. Хотя бы увидеть ещё раз. Увидеть, как он улыбается. Голос услышать.

Не получилось.

Не успела.

А теперь — всё.

Зверь наверняка забыл о ней, как только поднялся на борт тевтской «платформы».

Нет. Не забыл. Не сможет он её забыть.

Ведь было же, сейчас уже и не верится, но было. Совсем близко — факельные огни в узких чёрных глазах. Горячие, сухие губы. Чуть заметный — сердце стучает болезненно — рубчик под кожей. Такой остаётся, если сильно, насквозь прикусить губу. Когда больно.

«ты совсем другая, чем я думал...»

«ты совсем другой...»

Айс не умела плакать. Ни от боли, ни от досады, ни от щемящей пустоты в душе.

Айс метала ножи в полированную, сплошь покрытую тонкой резьбой двустворчатую дверь. Это успокаивало. А если кто-нибудь войдёт не вовремя — впредь будет наука: стучаться надо.

*

Три дня спустя, поздним вечером, постучали не в дверь, а в окно.

Седьмой этаж... Выше покоев Айс были лишь царские апартаменты — мода такая в мире, чем знатнее, тем дальше от земли забираются. Мода на небо. На пилотов.

Но вот снова вежливый стук в стекло.

Погасив свет, Айс, не приближаясь к окну, взглядом распахнула створки.

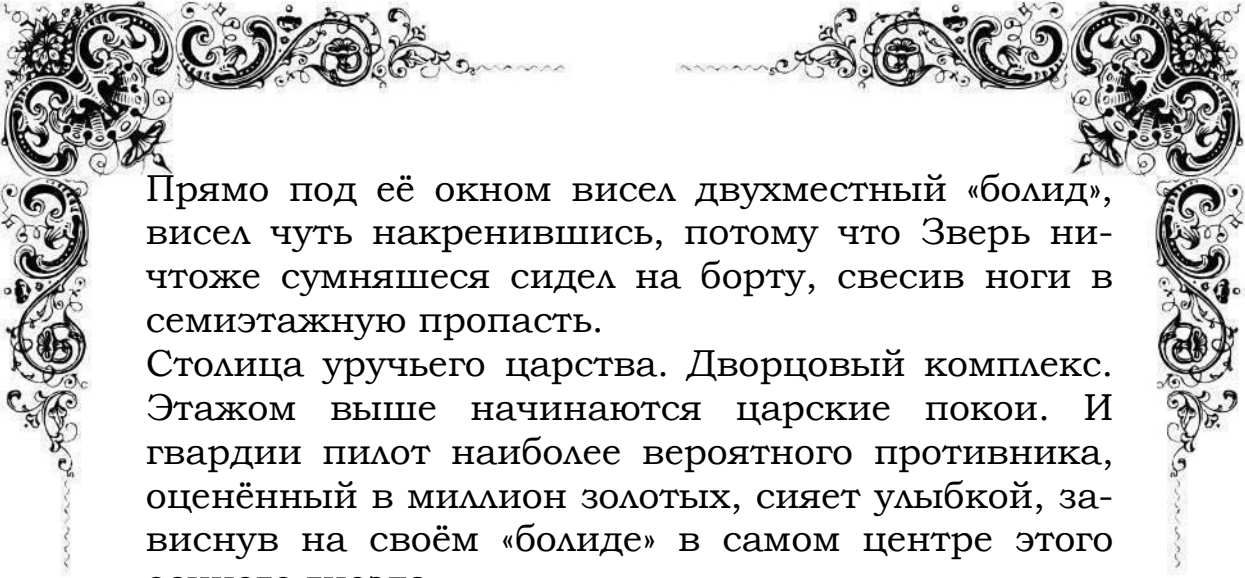
— Привет, — сказал Зверь.

И улыбнулся — белые зубы ярко сверкнули в полутьме.

— Тарсграе, — только и выговорила Айс.

Прямо под её окном висел двухместный «болид», висел чуть накренившись, потому что Зверь ни-чтоже сумняшеся сидел на борту, свесив ноги в семиэтажную пропасть.

Столица уручьего царства. Дворцовый комплекс. Этажом выше начинаются царские покои. И гвардии пилот наиболее вероятного противника, оценённый в миллион золотых, сияет улыбкой, зависнув на своём «болиде» в самом центре этого осиногo гнезда.

— Ты с ума сошёл, — Айс подбежала к окну, — ты ненормальный, ты... нет, ты правда, сумасшедший! Что? — она недоумённо осеклась, когда Зверь протянул ей руку.

— Пойдём, — сказал он, — ты же не собираешься провести вечер в этой дыре?

— Куда? — очень умно спросила Айс.

— В Цесарру, — удивился Зверь, — куда же ещё везти настоящую леди? Нет, можно в Лонгви, но я Лонгви не люблю. Впрочем, если ты настаиваешь...

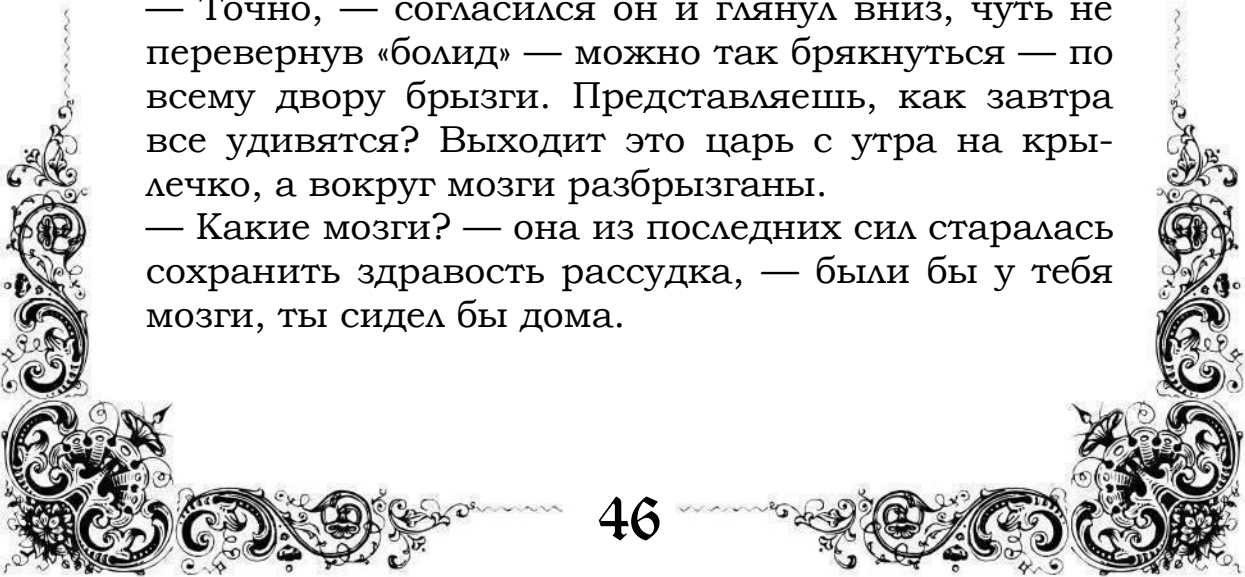
— Ты хоть знаешь, сколько здесь охраны? — поинтересовалась она.

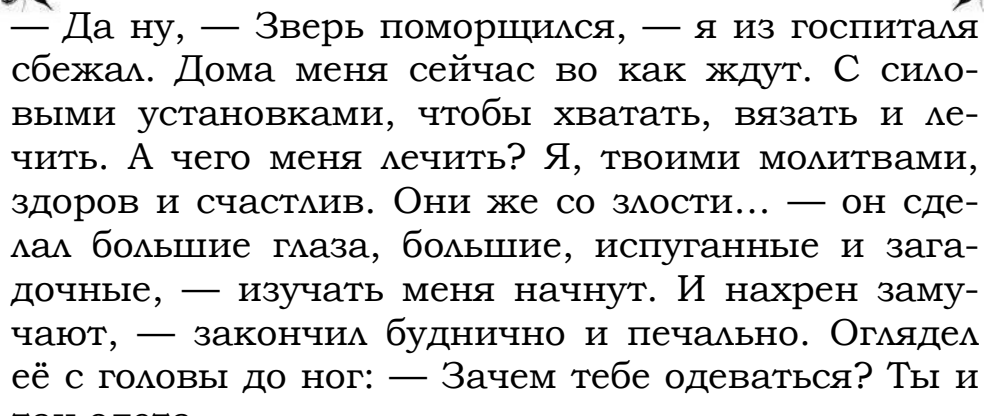
— Приблизительно. Давай руку.

— Подожди, я же не одета... Нет, о чём я вообще... Великая Тьма, Зверь, ты совершеннейший псих... Здесь опасно!

— Точно, — согласился он и глянул вниз, чуть не перевернув «болид» — можно так брякнуться — по всему двору брызги. Представляешь, как завтра все удивятся? Выходит это царь с утра на крылечко, а вокруг мозги разбрызганы.

— Какие мозги? — она из последних сил старалась сохранить здравость рассудка, — были бы у тебя мозги, ты сидел бы дома.

— Да ну, — Зверь поморщился, — я из госпиталя сбежал. Дома меня сейчас во как ждут. С силовыми установками, чтобы хватать, вязать и лечить. А чего меня лечить? Я, твоими молитвами, здоров и счастлив. Они же со злости... — он сделал большие глаза, большие, испуганные и загадочные, — изучать меня начнут. И нахрен замучают, — закончил буднично и печально. Оглядел её с головы до ног: — Зачем тебе одеваться? Ты и так одета.

Айс посмотрела на свои потёртые замшевые штаны, на мужскую рубашку и вздохнула:

— Подожди. Я быстро.

— Ага, — проворчал Зверь, скатываясь внутрь «болида», — как же. Знаем мы это быстро.

*

В перерыве между полётами, стояло «Блуднице» влететь в ангар, как «болид» тут же подхватили, перевернули, вытряхнули Зверя на пол:

— Кто она? Колись, Суслик!

— А ба-боч-ка крыльшками бяк-бяк-бяк-бяк... — пропел Зверь, не вставая.

Оглядел склонившиеся над ним лица. Покачал головой:

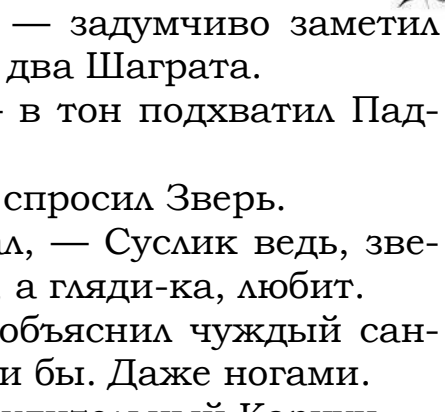
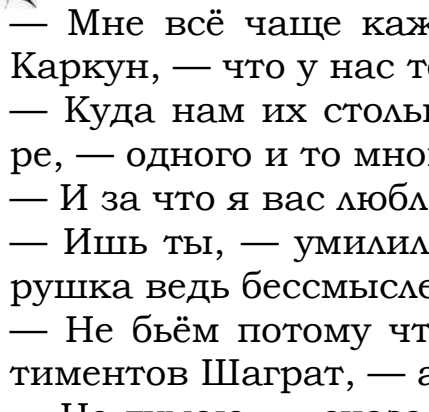
— А за ней воробушек прыг-прыг-прыг-прыг...

— Та-ак, — сказал Мал.

— Он её, голубушку, шмяк-шмяк-шмяк-шмяк...

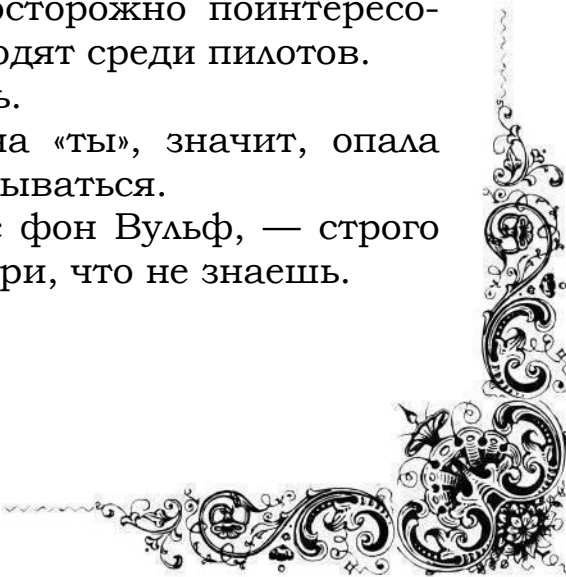
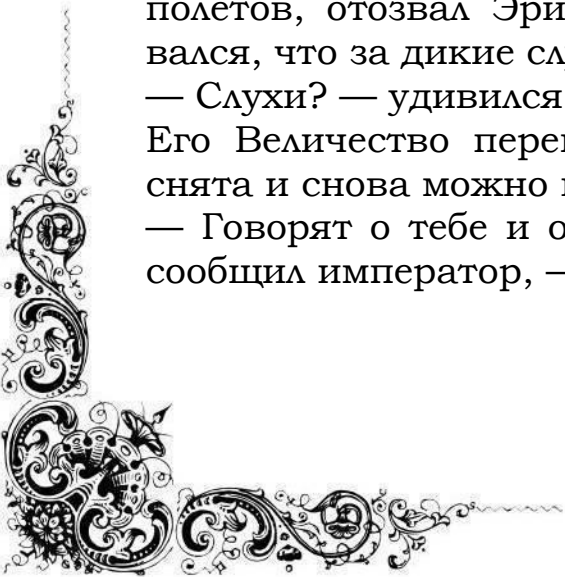
— Упорствует, — выдал Падре коронное словечко палачей-дознатчиков, — придётся воздействовать.

— Не надо! — сказал Зверь, — не надо воздействовать. Во-первых, я навру. Во-вторых, убегу. В-третьих, наябедничаю.

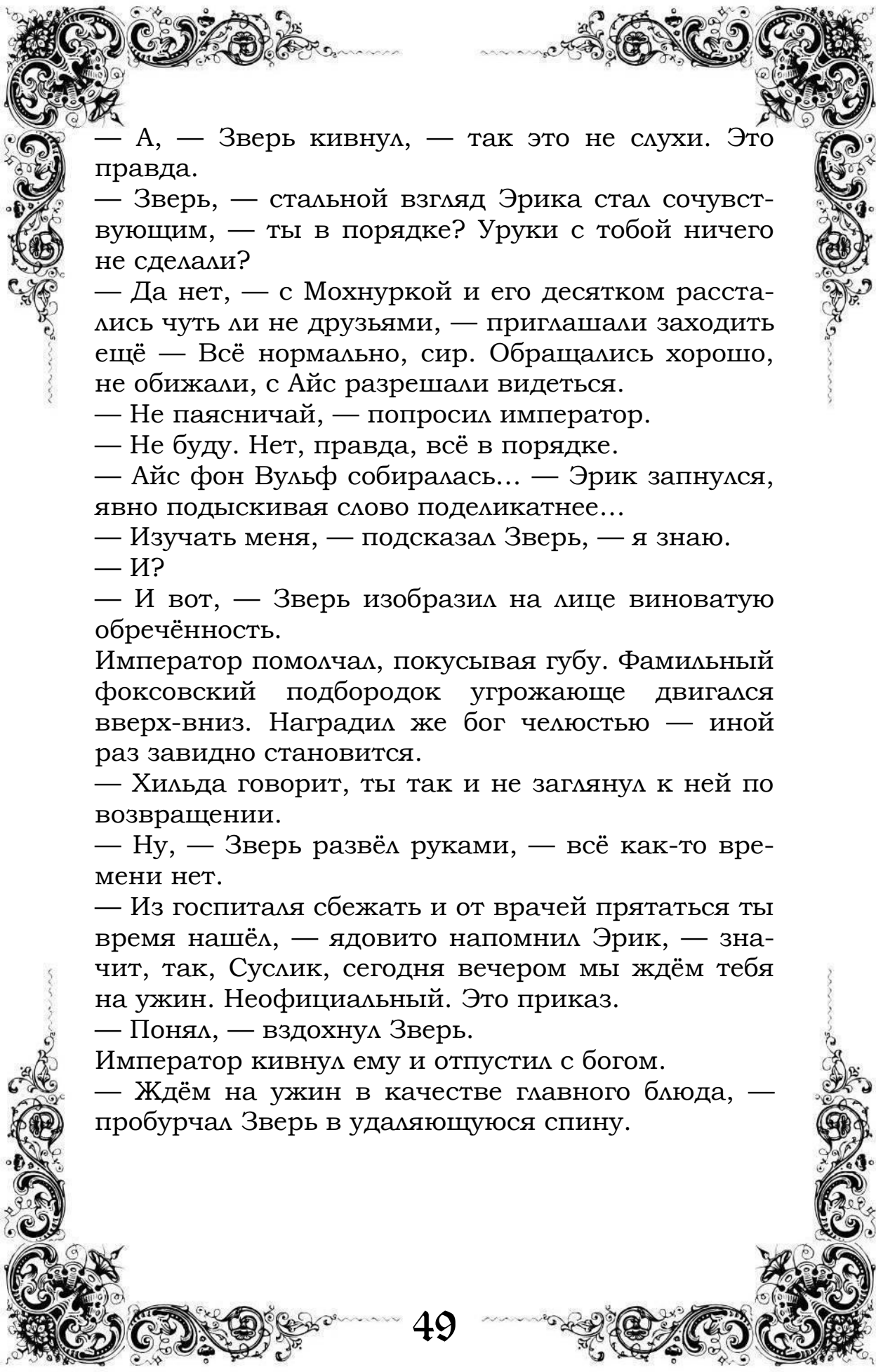

— Мне всё чаще кажется, — задумчиво заметил Каркун, — что у нас теперь два Шаграта.
— Куда нам их столько? — в тон подхватил Падре, — одного и то много.
— И за что я вас люблю? — спросил Зверь.
— Ишь ты, — умилился Мал, — Суслик ведь, зверушка ведь бессмысленная, а гляди-ка, любит.
— Не бьём потому что, — объяснил чуждый сантиментов Шаграт, — а могли бы. Даже ногами.
— Не думаю, — сказал рассудительный Каркун, — Скорее уж, Суслик нас. С ним же легат Бессмертных персонально занимается.
— Это Айс фон Вульф, — сообщил Зверь. И сам удивился, так тихо вдруг стало.
— Ты, Суслик, шутишь так? — осторожно спросил Мал.
— Не-а, — Зверь встал, — не шучу. Тема закрыта и обсуждению не подлежит.

*

Не подлежит обсуждению! Ну да! Весь оставшийся день, весь вечер и, наверное, всю ночь в «Антиграве» только эта тема и обсуждалась. На разные лады, разными голосами, с выстраиванием самых разных предположений и домыслов. Зверь в «Антиграве» не был. Его, по окончании полётов, отозвал Эрик и осторожно поинтересовался, что за дикие слухи ходят среди пилотов.
— Слухи? — удивился Зверь.
Его Величество перешёл на «ты», значит, опала снята и снова можно выделяться.
— Говорят о тебе и об Айс фон Вульф, — строго сообщил император, — не ври, что не знаешь.

— А, — Зверь кивнул, — так это не слухи. Это правда.

— Зверь, — стальной взгляд Эрика стал сочувствующим, — ты в порядке? Уруки с тобой ничего не сделали?

— Да нет, — с Мохнуркой и его десятком расстались чуть ли не друзьями, — приглашали заходить ещё — Всё нормально, сир. Обращались хорошо, не обижали, с Айс разрешали видаться.

— Не паясничай, — попросил император.

— Не буду. Нет, правда, всё в порядке.

— Айс фон Вульф собиралась... — Эрик запнулся, явно подыскивая слово поделикатнее...

— Изучать меня, — подсказал Зверь, — я знаю.

— И?

— И вот, — Зверь изобразил на лице виноватую обречённость.

Император помолчал, покусывая губу. Семейный фоксовский подбородок угрожающе двигался вверх-вниз. Наградил же бог челюстью — иной раз завидно становится.

— Хильда говорит, ты так и не заглянул к ней по возвращении.

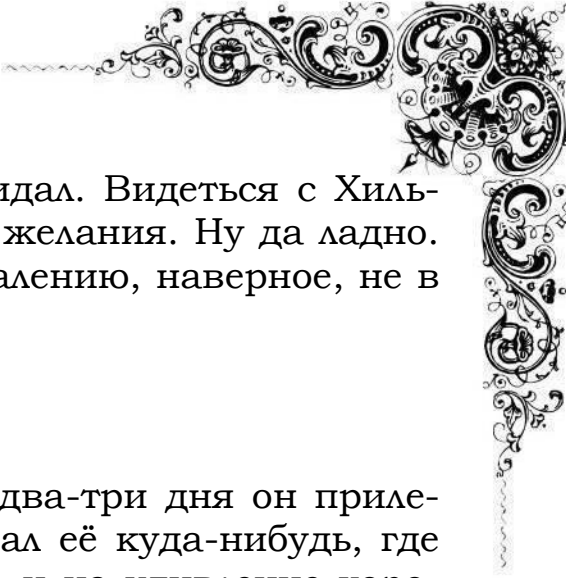
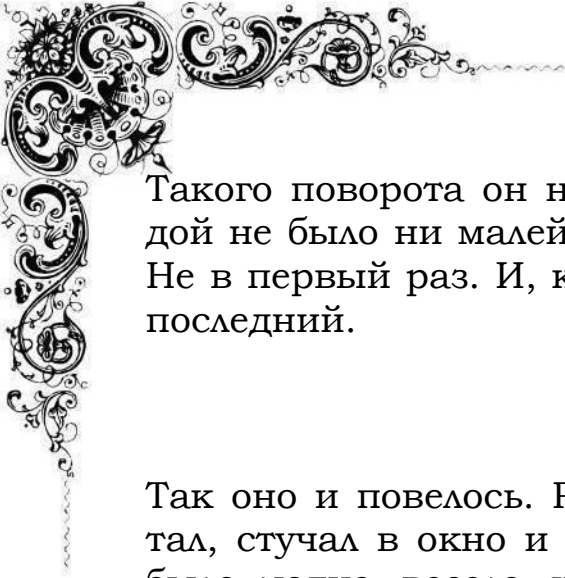
— Ну, — Зверь развёл руками, — всё как-то времени нет.

— Из госпиталя сбежать и от врачей прятаться ты время нашёл, — ядовито напомнил Эрик, — значит, так, Суслик, сегодня вечером мы ждём тебя на ужин. Неофициальный. Это приказ.

— Понял, — вздохнул Зверь.

Император кивнул ему и отпустил с богом.

— Ждём на ужин в качестве главного блюда, — пробурчал Зверь в удаляющуюся спину.

Такого поворота он не ожидал. Видеться с Хильдой не было ни малейшего желания. Ну да ладно. Не в первый раз. И, к сожалению, наверное, не в последний.

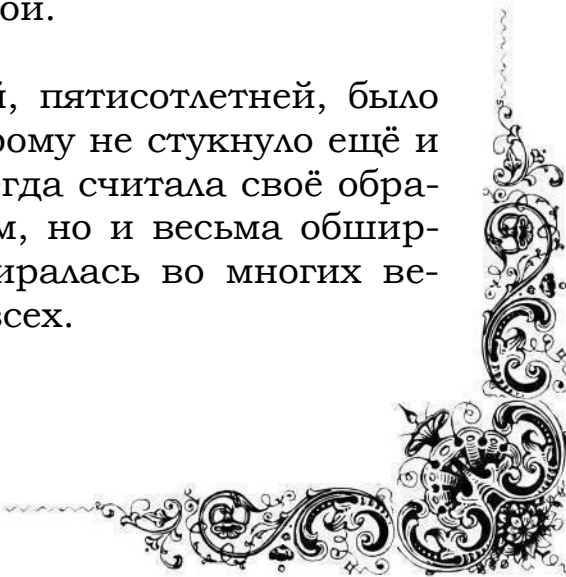
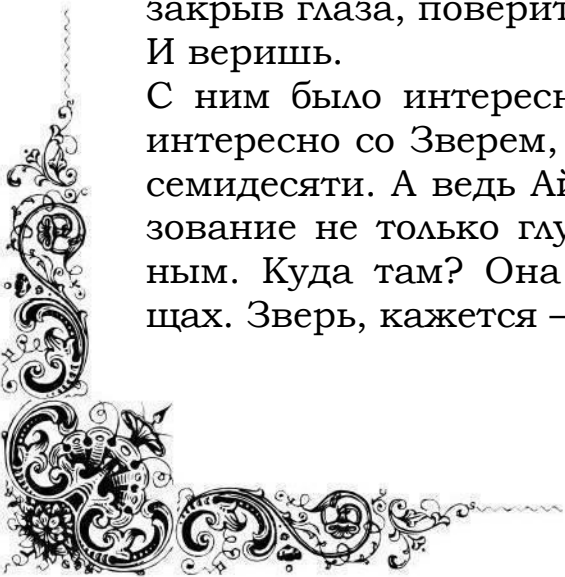
*

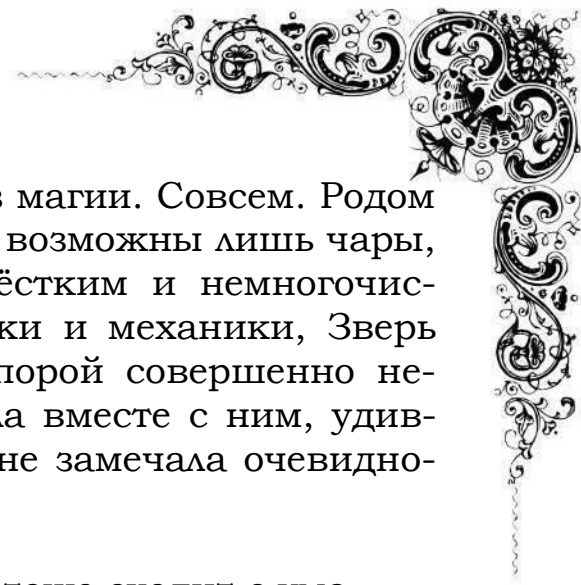
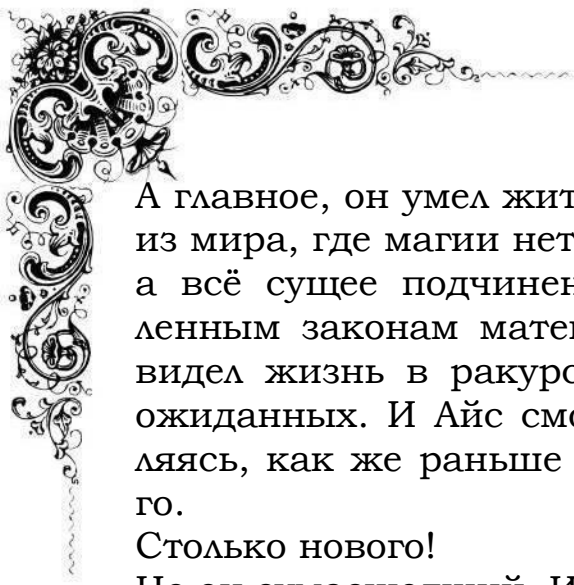
Так оно и повелось. Раз в два-три дня он прилетал, стучал в окно и забирал её куда-нибудь, где былолюдно, весело, шумно и на удивление хорошо. Айс до встречи с Эльриком поверить не могла в то, что ей может быть хорошо среди толпы веселящихся людей. И уж тем более она не могла поверить, что ей может быть хорошо в таком месте не с мужем, а с весёлым и совершенно сумасшедшим чародеем. Настоящим чародеем, тварью, которая даже просто быть не имеет права.

Чем-то они походили друг на друга. Её Эльрик, Торанго, очень старьй, очень спокойный, очень опасный. И её Зверь — совсем мальчишка, улыбочивый, безбашенный и совершенно безобидный. Во всяком случае, пока он на земле, а не в небе. Может быть, они походили друг на друга непоколебимой уверенностью в себе. В своей силе. Потрясающей уверенностью, от которой полшага до нахальства, но... полшага. И она никогда не нарушается, эта тонкая грань, граница. И хочется, закрыв глаза, поверить самой.

И веришь.

С ним было интересно. Ей, пятисотлетней, было интересно со Зверем, которому не стукнуло ещё и семьдесят. А ведь Айс всегда считала своё образование не только глубоким, но и весьма обширным. Куда там? Она разбиралась во многих вещах. Зверь, кажется — во всех.

А главное, он умел жить без магии. Совсем. Родом из мира, где магии нет, где возможны лишь чары, а всё сущее подчинено жёстким и немногочисленным законам математики и механики, Зверь видел жизнь в ракурсах, порой совершенно неожиданных. И Айс смотрела вместе с ним, удивляясь, как же раньше она не замечала очевидного.

Столько нового!

Но он сумасшедший. И она тоже сходит с ума.

— Перестань, — не выдержала однажды Айс, не выдержала противоречия между разумом и эмоциями. Было утро. Зверь привёз её домой и как раз собирался откланяться, — перестань. Не прилетай сюда. Давай купим дом где-нибудь в городе, лучше вообще не в столице. Там будет безопасно.

— Ты высоты боишься? — удивился Зверь, по обыкновению балансирующий на борту «болида», — если хочешь, мы можем ходить через дверь. Я хоть вспомню, как это — ногами по лестнице.

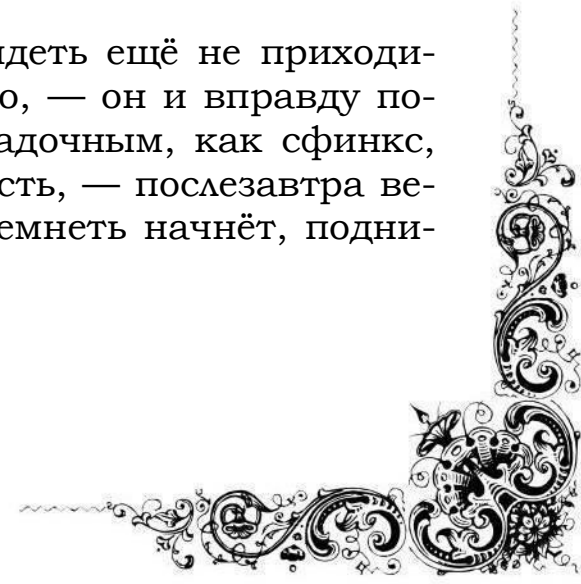
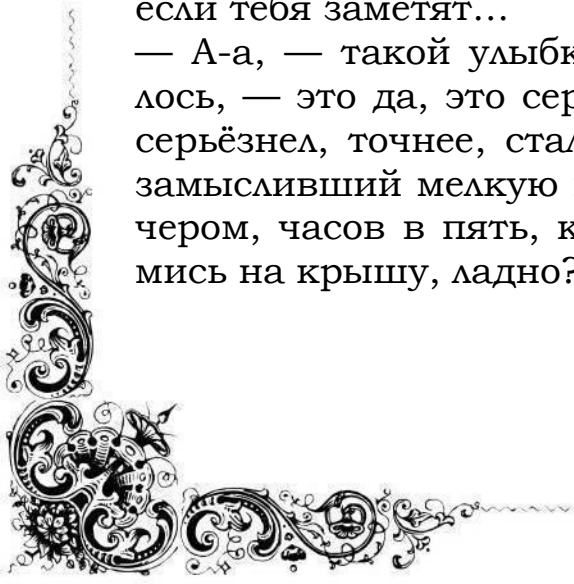
«Ещё не хватало!»

Айс отчётливо представила, как он ведёт её к лифту, чинно раскланиваясь по дороге с охреневающей лейб-гвардией.

А ведь может!

— Я за тебя боюсь, — досадливо бросила она, — если тебя заметят...

— А-а, — такой улыбки видеть ещё не приходилось, — это да, это серьёзно, — он и вправду посерьёзней, точнее, стал загадочным, как сфинкс, замысливший мелкую пакость, — послезавтра вечером, часов в пять, как темнеть начнёт, поднимись на крышу, ладно?

— Зачем?

— Увидишь.

Зверь поцеловал её пальцы, брякнулся в кресло и стартовал, рывком машины захлопнув колпак.
Пижон!

*

В «Антиграв» его однажды просто приволокли. Силой.

Заботливые старпёры насели со всех сторон, лезли пальцами в душу, пили водку и объясняли Зверю, какой он дурак, и как с этим бороться. Когда захмелели слегка, шуточки кончились, и обсуждение пошло всерьёз. Что вообще-то было не принято. Потому что обсуждать женщин, своих или чужих — моветон. Этого даже пехотинцы себе не позволяют. Гвардия, во всяком случае.

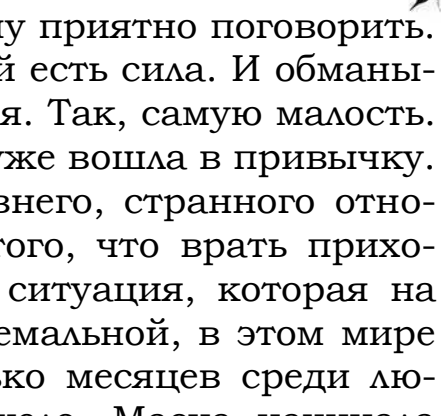
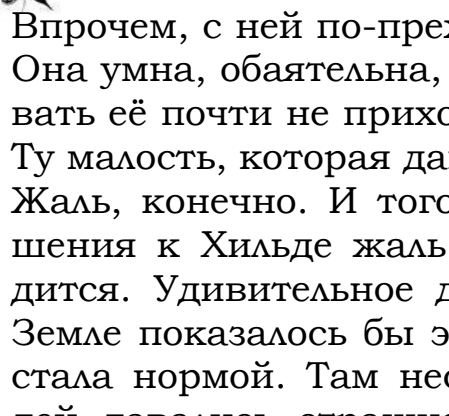
— Но тут случай особый, — разъяснил де Буа, примчавшийся из-за особенности случая из своего Лонгви, — во-первых, женщина у тебя — это противоестественно, а во-вторых, какая же она женщина, Суслик, она — рыба мороженая.

Буратино противоречия в собственных утверждениях не разглядел. Зверь разглядел, но указывать на них не стал. Он вообще помалкивал, сидел себе у стеночки, крутил в пальцах бокал с соком и в разговоры не вникал.

Думал.

О Хильде. Когда-то было что-то... Хильда была для него чем-то особенным. Она и сейчас особенная, но сейчас это, скорее, знание, чем понимание. Со стороны Зверя — знание. То есть умом своим звериным осознаёт он прекрасно, что Хильда на весь мир одна, другой такой нет и быть не может. А чутьё звериное молчит. Чутью Хильда больше не интересна.

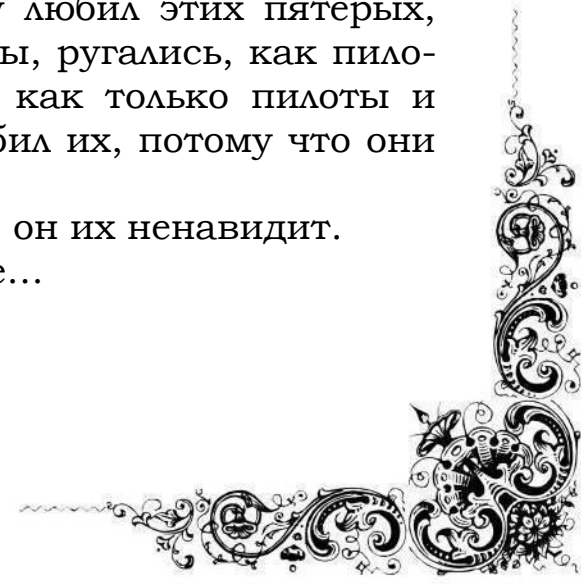
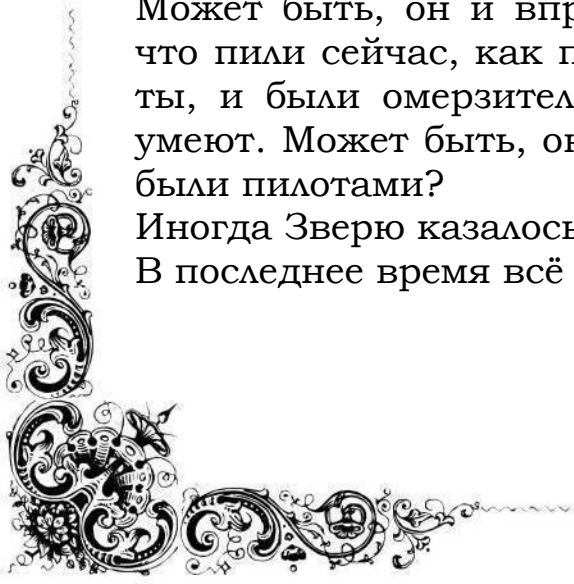

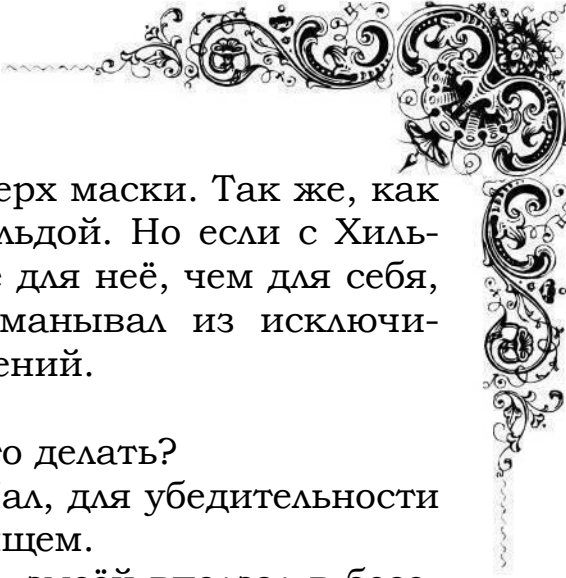
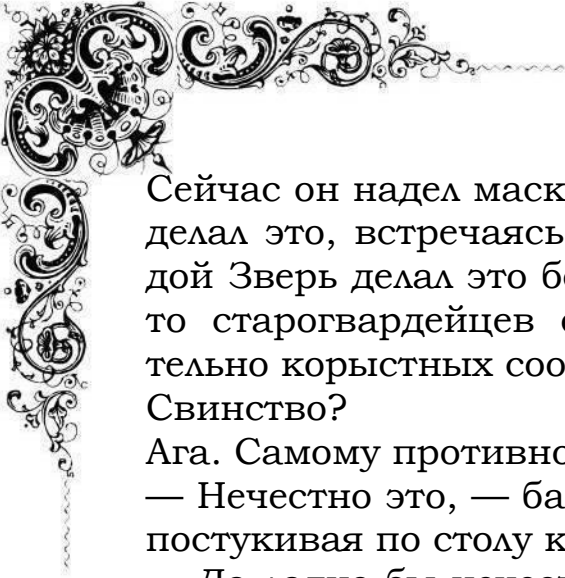
Впрочем, с ней по-прежнему приятно поговорить. Она умна, обаятельна, в ней есть сила. И обманывать её почти не приходится. Так, самую малость. Ту малость, которая давно уже вошла в привычку. Жаль, конечно. И того, давнего, странного отношения к Хильде жаль. И того, что врать приходится. Удивительное дело: ситуация, которая на Земле показалась бы экстремальной, в этом мире стала нормой. Там несколько месяцев среди людей давались страшно тяжело. Маска начинала давить, ложь становилась едкой, как кислота, и единственным утешением было неизбежное убийство, ради которого всё всегда и делалось. А когда случилось так, что и убивать стало некого, Зверь чуть не рехнулся. Да ладно, «чуть»! Уж самому-то себе мог бы и не врать.

А здесь он жил в окружении людей и нелюдей не первый десяток лет. Врал всё время... скажем так, с некоторых пор начал врать всё время. Маска... нет, не приросла, просто возможность снять её выпадала очень редко. И цели, ради которой стоило бы терпеть всё это, не было. Однако терпел. Почему? Кто знает? Может быть, потому что выбранная маска нравилась. Маски, они должны нравиться, иначе их не надеть. Но эта нравилась по-настоящему, то есть убеждать себя в её необходимости почти никогда не приходилось.

Может быть, он и вправду любил этих пятерых, что пили сейчас, как пилоты, ругались, как пилоты, и были омерзительны, как только пилоты и умеют. Может быть, он любил их, потому что они были пилотами?

Иногда Зверю казалось, что он их ненавидит. В последнее время всё чаще...

Сейчас он надел маску поверх маски. Так же, как делал это, встречаясь с Хильдой. Но если с Хильдой Зверь делал это больше для неё, чем для себя, то старогвардейцев он обманывал из исключительно корыстных соображений.

Свинство?

Ага. Самому противно. А что делать?

— Нечестно это, — басил Мал, для убедительности постукивая по столу кулачищем.

— Да ладно бы нечестно, — змеёй вползал в беседу де Буа, — тут всё куда серьёзнее. Речь идёт о попрании традиций. Эта дрянь на святое покусилась.

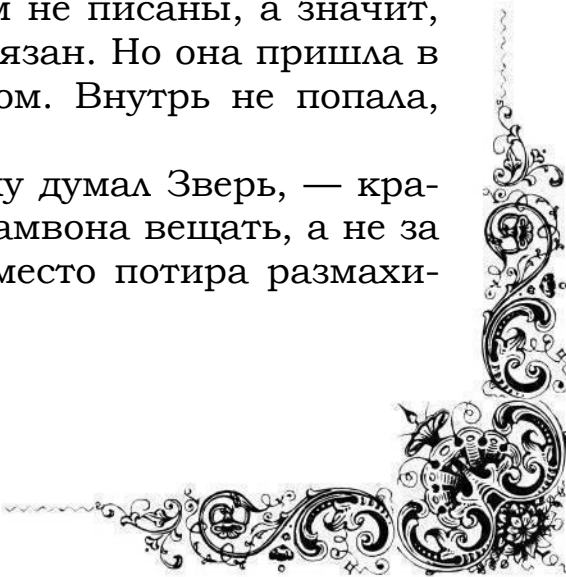
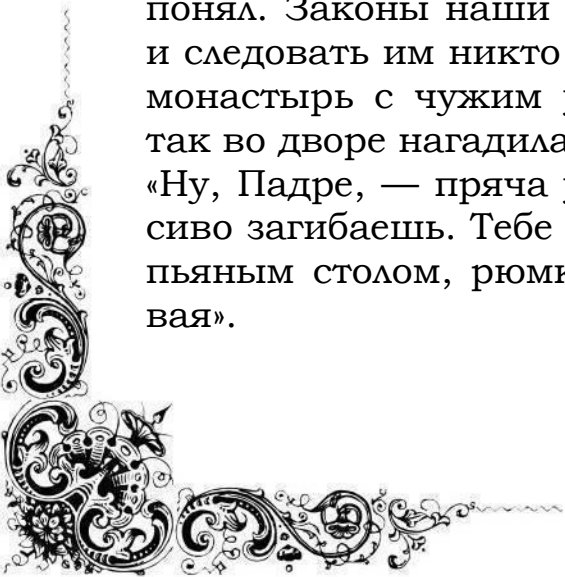
— На Суслика, что ли? — Шаграт оглядел Зверя с сомнением.

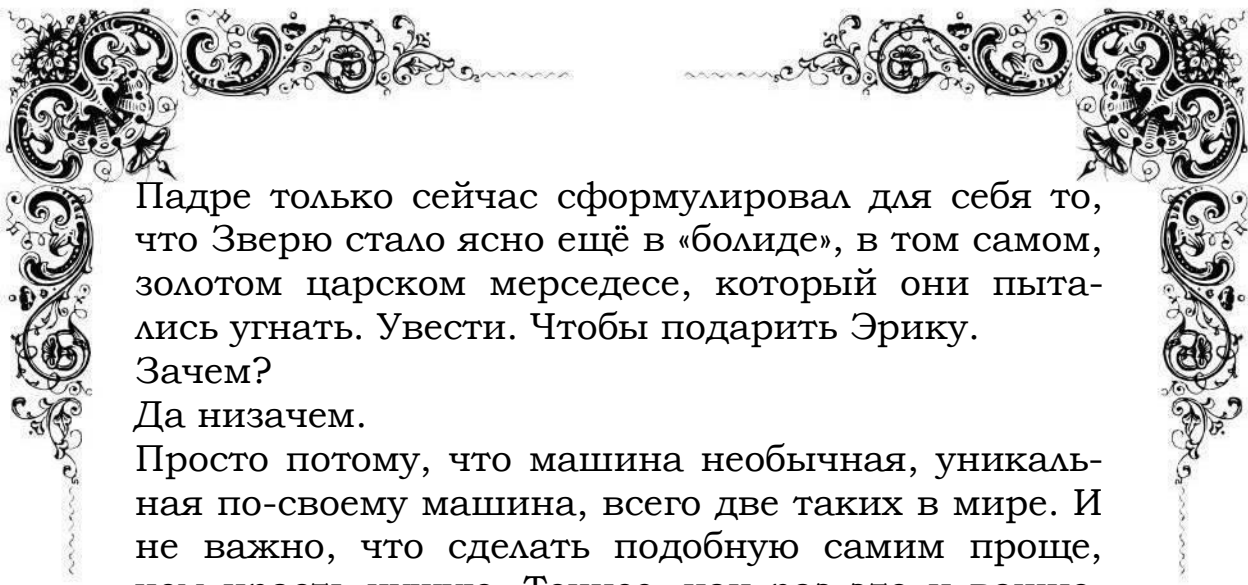
— На нас, — Буратино экспрессивно взмахнул рукой, сбил рюмку, подхватил её не глядя, — на наши законы.

— А-а, — Шаграт глубокомысленно кивнул, — а я уж подумал. На нас. Ха! Не дадимся.

— А ведь прав Буратино, — с неожиданной экспрессией произнёс Падре, — я вот сидел, дети мои, слушал вас, и сформулировать пытался. Верно всё. Это отродье в небо сунулось, никаких на то прав не имея, ибо ползать рождено. Я б понял ещё, если бы она умела летать, или, ладно, если б она была просто приличным пилотом. Я бы понял. Законы наши никем не писаны, а значит, и следовать им никто не обязан. Но она пришла в монастырь с чужим уставом. Внутрь не попала, так во дворе нагадила...

«Ну, Падре, — пряча улыбку думал Зверь, — красиво загибаешь. Тебе бы с амвона вещать, а не за пьяным столом, рюмкой вместо потира размахивая».

Падре только сейчас сформулировал для себя то, что Зверю стало ясно ещё в «болиде», в том самом, золотом царском мерседесе, который они пытались угнать. Увести. Чтобы подарить Эрику. Зачем?

Да низачем.

Просто потому, что машина необычная, уникальная по-своему машина, всего две таких в мире. И не важно, что сделать подобную самим проще, чем красть чужую. Точнее, как раз это и важно. Кураж. «Придите и возьмите» — именно это сказали уруки, созданием золотого «болида». «Придём и возьмём» — без колебаний ответили старогвардейцы, взявшись разрабатывать план. Разумеется, вслух или письменно, в общем, вербально, никто ничего не говорил. Но вербально и незачем — все и так всё понимают.

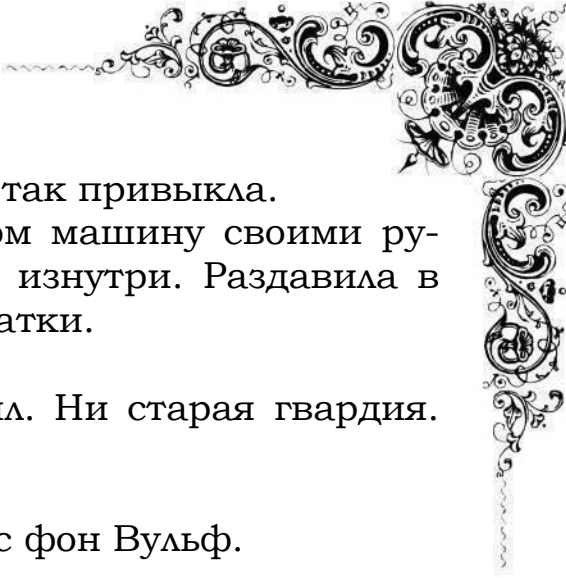
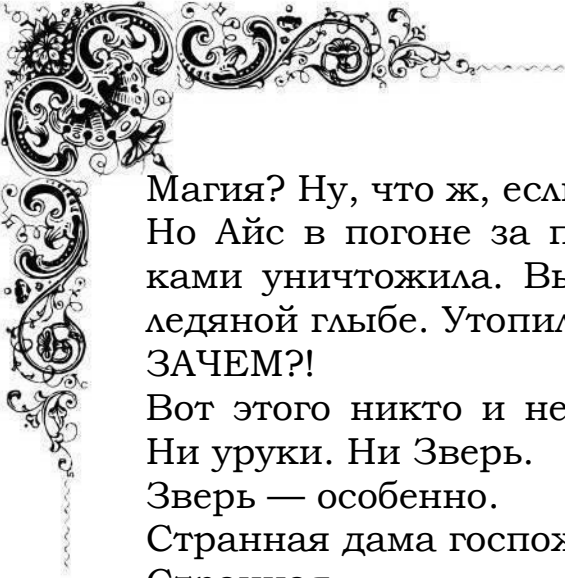
Старогвардейцы пришли за «болидом». Уруки их ждали. Ну и что? Когда это кому мешало? В общей суматохе Зверь машину поднял.

Взлетел.

Ловите, господа! Ловите ветер в поле — Зверя в небе. Ха!

Кинулись ловить. А как же? Таковы правила. Те самые неписанные законы, о которых сказал Падре.

Старая гвардия летает лучше, уруков — больше. Всё честно. Всё было честно, пока не вмешалась со своей магией Айс фон Вульф. Доминик сказал, что понял бы, умей она летать. Зверь не был столь требователен. Он понял бы, впишись она ради машины. Всё-таки её рук детище, её игрушка, её подарок царю. Могло заесть, а когда заедает — все средства хороши. Даже те, что против правил.

Магия? Ну, что ж, если она так привыкла.
Но Айс в погоне за пилотом машину своими руками уничтожила. Выжгла изнутри. Раздавила в ледяной глыбе. Утопила остатки.
ЗАЧЕМ?!

Вот этого никто и не понял. Ни старая гвардия. Ни уруки. Ни Зверь.

Зверь — особенно.

Странная дама госпожа Айс фон Вульф.

Странная.

Познакомившись с ней поближе, дабы определить линию поведения, Зверь сделал кое-какие выводы и прояснил для себя многие странности этой ведьмы. Он мог бы поделиться сейчас, поскольку выводы эти органично дополняли разглагольствования Шаграта. Тот, в силу особенностей воспитания, не скупился на эпитеты. Но — рано, рано. Потом, может быть. Да и то не факт.

Айс фон Вульф. Бедная, затравленная девочка, одна против целого враждебного мира, где если не съешь ты — съедят тебя. Съедят, да ещё и добавки попросят.

Суслик, счастье моё, тебе это никого не напоминает?

Не напоминало.

Хотя бы потому, что Суслик там или нет, а страшнее Зверя на Земле зверя не было. С детства. самого раннего.

Айс презирали.

Его — любили.

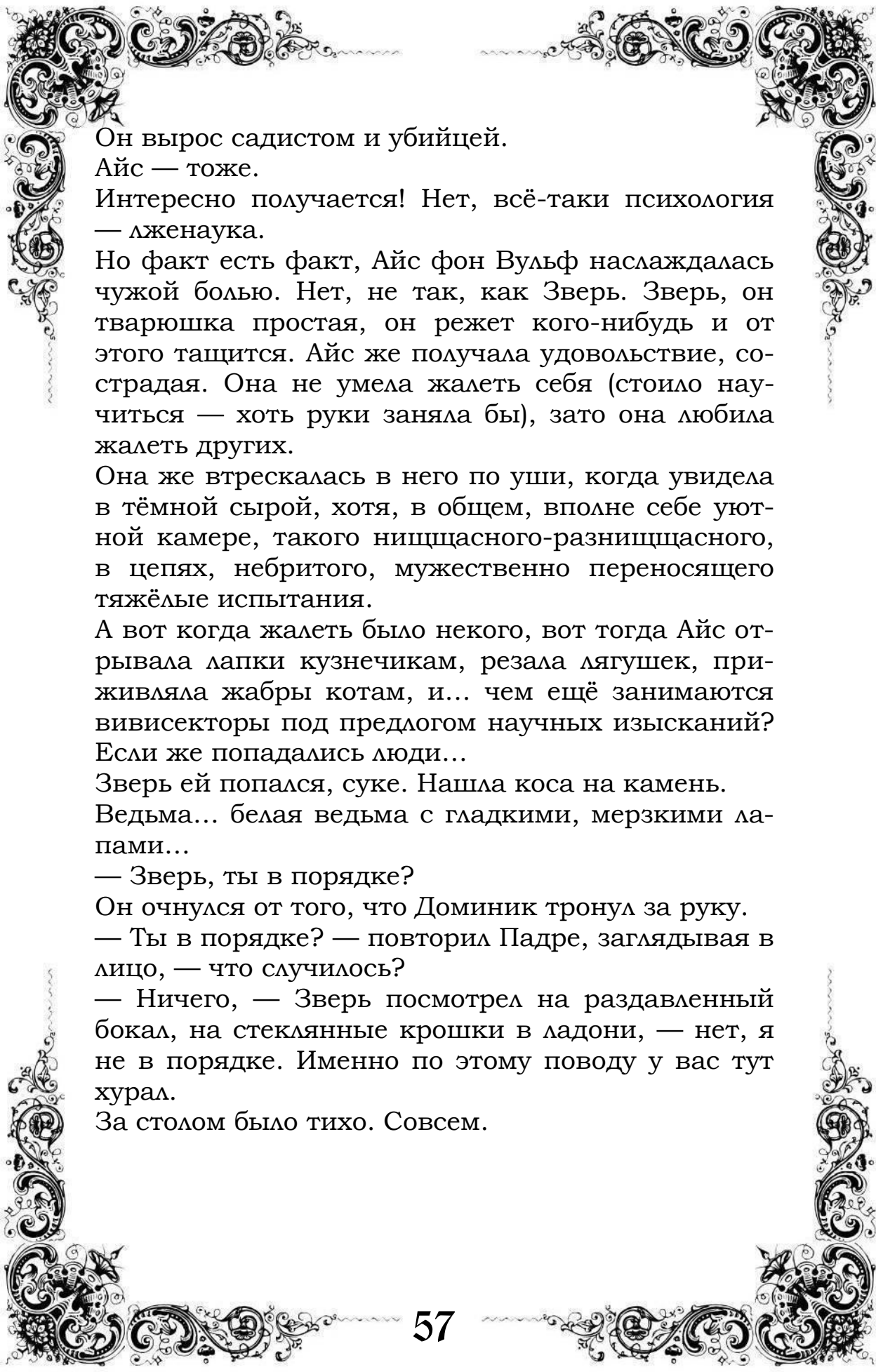
Айс ненавидели.

Его — обожали.

Айс боялись.

Его — боготворили.

Он вырос садистом и убийцей.

Айс — тоже.

Интересно получается! Нет, всё-таки психология — лженаука.

Но факт есть факт, Айс фон Вульф наслаждалась чужой болью. Нет, не так, как Зверь. Зверь, он тварюшка простая, он режет кого-нибудь и от этого тащится. Айс же получала удовольствие, страдая. Она не умела жалеть себя (стоило научиться — хоть руки заняла бы), зато она любила жалеть других.

Она же втрескалась в него по уши, когда увидела в тёмной сырой, хотя, в общем, вполне себе уютной камере, такого нищщасного-разнищщасного, в цепях, небритого, мужественно переносящего тяжёлые испытания.

А вот когда жалеть было некого, вот тогда Айс отрывала лапки кузнечикам, резала лягушек, приживляла жабры котам, и... чем ещё занимаются вивисекторы под предлогом научных изысканий? Если же попадались люди...

Зверь ей попался, суке. Нашла коса на камень.

Ведьма... белая ведьма с гладкими, мерзкими лапами...

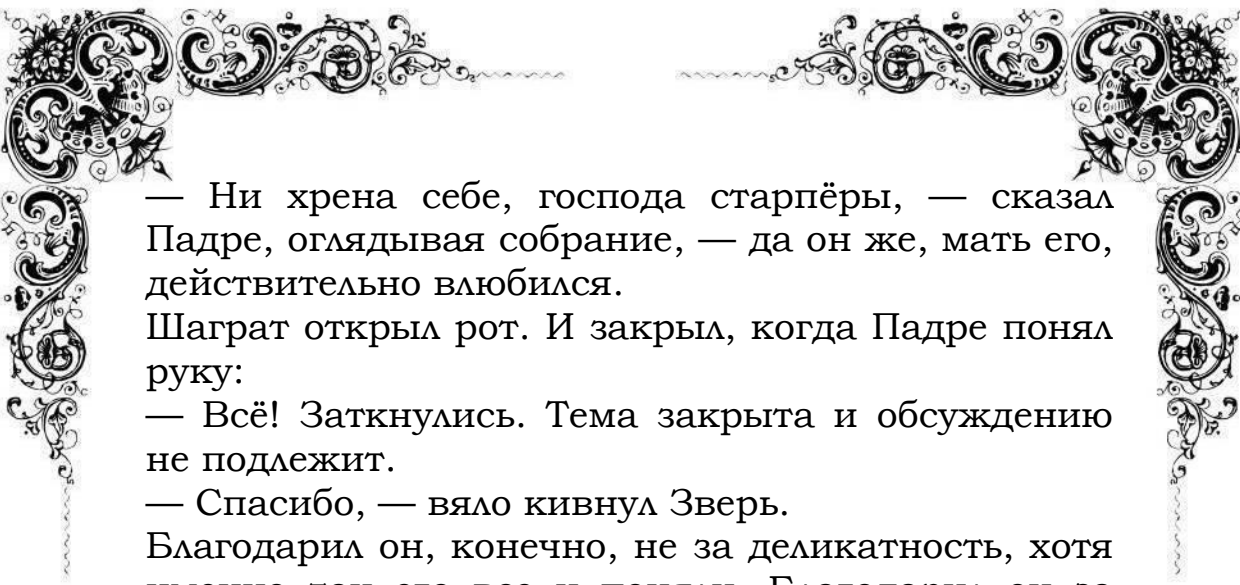
— Зверь, ты в порядке?

Он очнулся от того, что Доминик тронул за руку.

— Ты в порядке? — повторил Падре, заглядывая в лицо, — что случилось?

— Ничего, — Зверь посмотрел на раздавленный бокал, на стеклянные крошки в ладони, — нет, я не в порядке. Именно по этому поводу у вас тут хурал.

За столом было тихо. Совсем.

— Ни хрена себе, господа старпёры, — сказал Падре, оглядывая собрание, — да он же, мать его, действительно влюбился.

Шаграт открыл рот. И закрыл, когда Падре понял руку:

— Всё! Заткнулись. Тема закрыта и обсуждению не подлежит.

— Спасибо, — вяло кивнул Зверь.

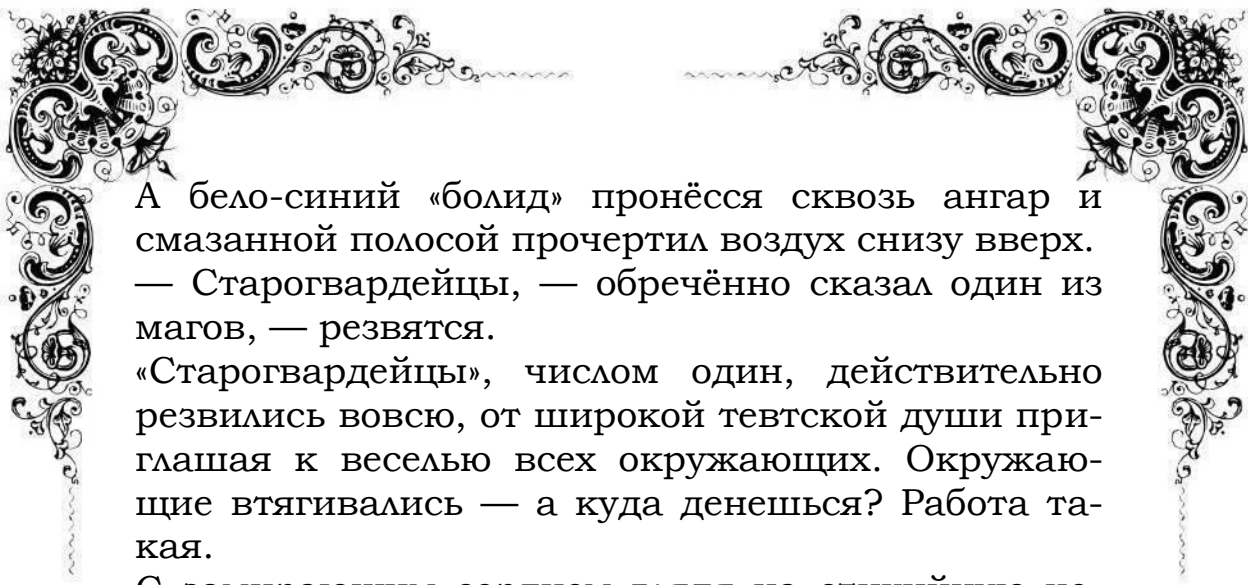
Благодарил он, конечно, не за деликатность, хотя именно так его все и поняли. Благодарил он за проделанную работу. Слухи пошли. Поползли слухи. Слухи дойдут до Айс. И Айс будет реагировать.

*

Через два дня она, закутавшись в шубку, прогуливалась по крыше дворца в компании ещё нескольких магов и с нестерпимым любопытством ожидала, когда же пробьют пять часы на центральной башне. Маги совершали послеобеденный моцион, подпитываясь от проходившего над дворцом силового потока, и Айс вежливо поддерживала профессиональную беседу, с лёгким раздражением думая, что обсуждать тонкости своей работы с «тупоголовым воякой» куда интереснее. Хотя бы потому, что он, во-первых, умеет слушать. Во-вторых, понимает, о чём она говорит, без дополнительной расшифровки терминов.

А с первым ударом часов из чистого неба молнией высверкнул «болид». Бело-синий, хищный и страшный. Маги и Айс одновременно кинулись к парашюту. Чужая машина провалилась вниз, к самой земле. Бесшумно сорвались из под днища закрученные в спираль стальные копыя, с грохотом вылетела дверь ангара с машинами дежурных пилотов. С неба уже сыпалось боевое охранение.

Охречение.

А бело-синий «болид» пронёсся сквозь ангар и смазанной полосой прочертил воздух снизу вверх. — Старогвардейцы, — обречённо сказал один из магов, — резвятся.

«Старогвардейцы», числом один, действительно резвились вовсю, от широкой тевтской души приглашая к веселью всех окружающих. Окружающие втягивались — а куда денешься? Работа такая.

С замирающим сердцем глядя на стихийную чехарду, на пляску «болидов», от которой рябило в глазах, Айс ругательски ругала Зверя, давила в себе желание в голос кричать от восторга, и где-то на краю сознания недоумевала: почему же маги бездействуют? Понятно, почему она сама ничего не предпринимает, потому что там, в небе, Зверь, её Зверь, хвастливый, как мальчишка и сумасшедший, как... как старогвардеец. Но эти-то, они-то почему стоят, разинув рты, и вместе с ней любуются рвущим небо танцем над головой?

Безумная круговерть носилась над дворцом минут десять. Потом машина Зверя сверкнула в последний раз и просто исчезла.

Испарилась.

— Фон Рауб, — тоном знатока сказал кто-то из магов. — Один. Не стрелял. Просто повиделываться прилетел. Уж не для вас ли, сударыня?

— Не думаю, — холодно произнесла Айс.

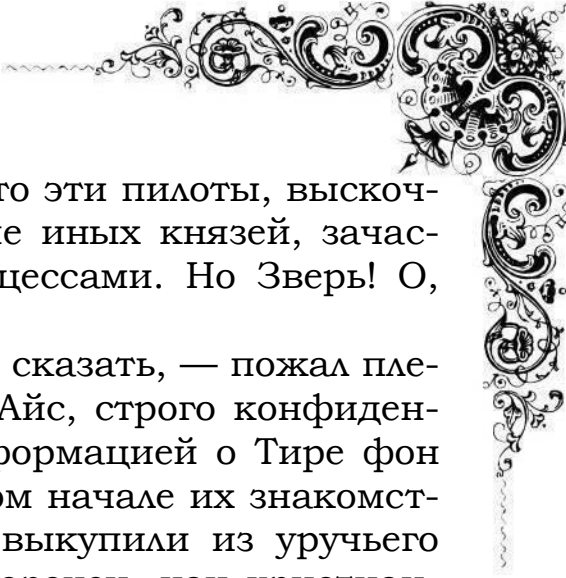
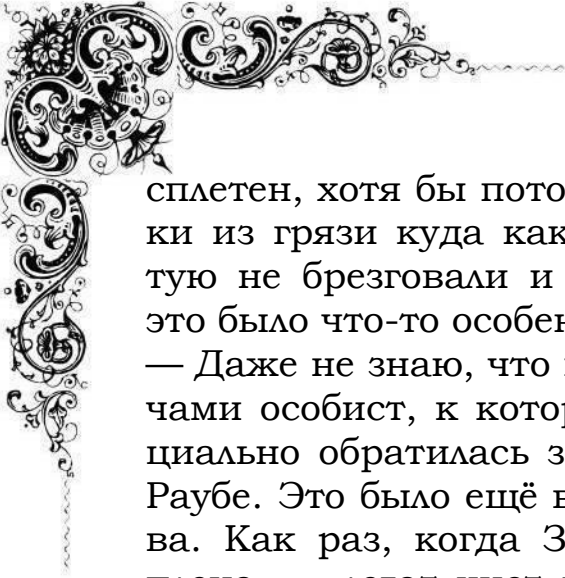
Её собеседник лишь поднял брови и улыбнулся.

Все всё знают! Все! Что за мир такой идиотский?!

*

Впрочем, всеобщая осведомлённость в какой-то степени была даже лестной. Многочисленные и стремительно меняющиеся увлечения старогвардейцев и так-то были темой для великосветских

слетен, хотя бы потому, что эти пилоты, выскочки из грязи куда как выше иных князей, зачастую не брезговали и принцессами. Но Зверь! О, это было что-то особенное.

— Даже не знаю, что вам и сказать, — пожал плечами особист, к которому Айс, строго конфиденциально обратилась за информацией о Тире фон Раубе. Это было ещё в самом начале их знакомства. Как раз, когда Зверя выкупили из уручьего плена, — легат чист и непорочен, как христианский ангел. Может статься, он, как ангел, бесполой. В связях с женщинами не замечен. В связях с мужчинами тоже. В обществе активно муссируются слухи о том, что фон Рауб педераст, но фактического материала у нас нет, за исключением утверждений самого фон Рауба и Шаграта, его... э-э... так сказать...

— Я поняла, — кивнула Айс.

— Он был женат, — продолжил особист, — Катрин фон Рауб погибла от рук наёмных убийц. Заказчиком, не без оснований, полагали самого фон Рауба, но после ментоскопии обвинение было снято.

— Не без оснований? — повторила Айс, — можно подробнее?

В конце концов, она выбила себе разрешение ознакомиться с документами лично. Спасибо царю. Его Величество в лепёшку готов был разбиться для своего лучшего мага.

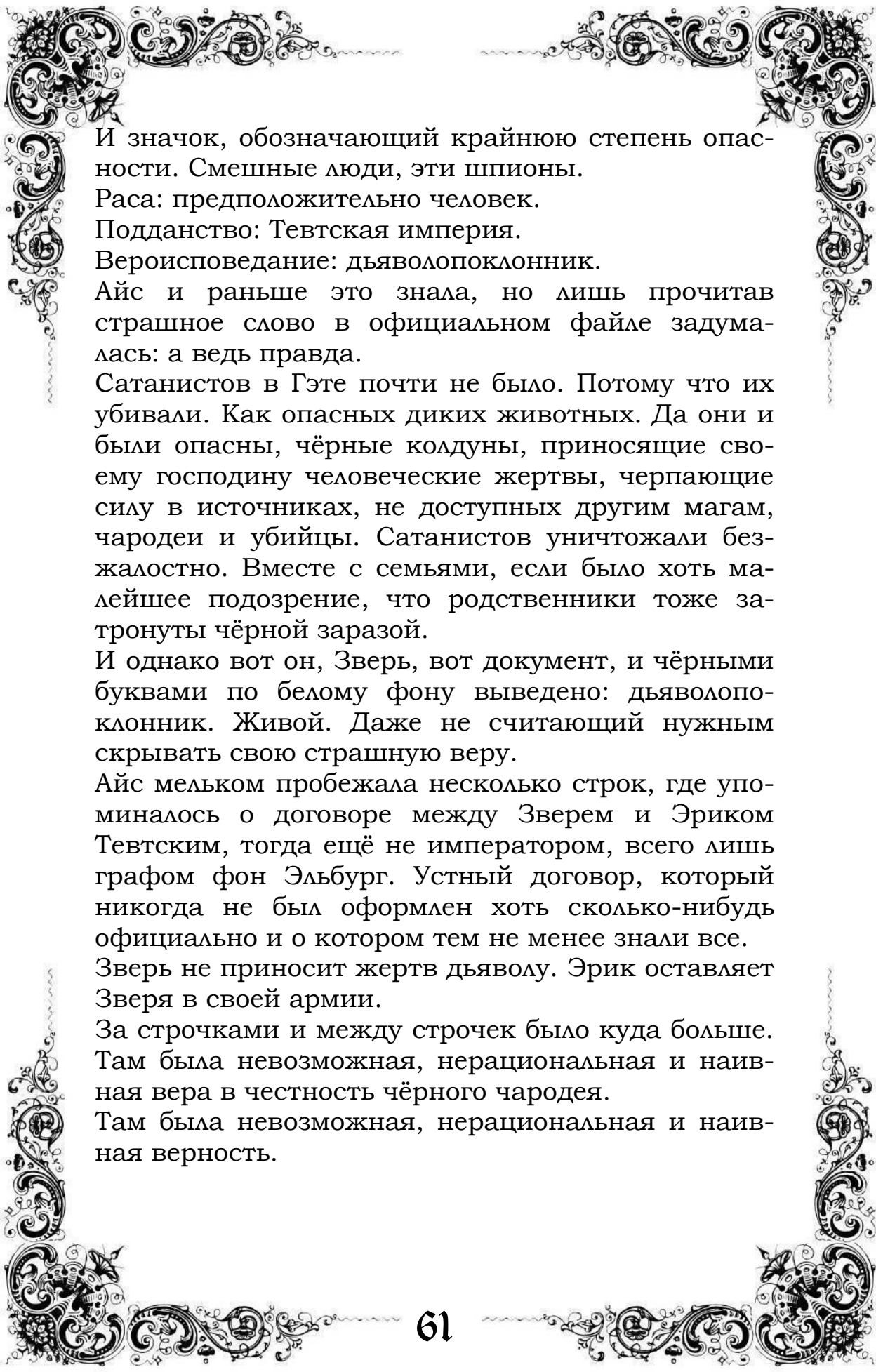
Итак, Тир фон Рауб. Зверь. Прозвище — Суслик.

Что за манера у этих вояк награждать друг друга дурацкими кличками?

Примечание: нестареющий.

Примечание: чародей.

И значок, обозначающий крайнюю степень опасности. Смешные люди, эти шпионы.

Раса: предположительно человек.

Подданство: Тевтская империя.

Вероисповедание: дьяволопоклонник.

Айс и раньше это знала, но лишь прочитав страшное слово в официальном файле задумалась: а ведь правда.

Сатанистов в Гэте почти не было. Потому что их убивали. Как опасных диких животных. Да они и были опасны, чёрные колдуны, приносящие своему господину человеческие жертвы, черпающие силу в источниках, не доступных другим магам, чародеи и убийцы. Сатанистов уничтожали безжалостно. Вместе с семьями, если было хоть малейшее подозрение, что родственники тоже затронуты чёрной заразой.

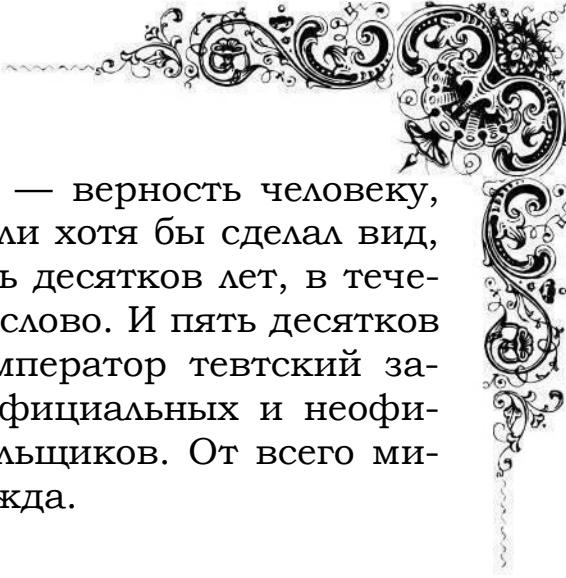
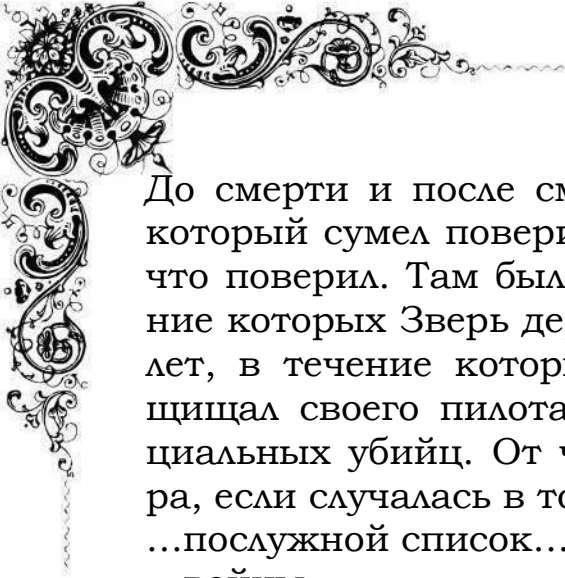
И однако вот он, Зверь, вот документ, и чёрными буквами по белому фону выведено: дьяволопоклонник. Живой. Даже не считающий нужным скрывать свою страшную веру.

Айс мельком пробежала несколько строк, где упоминалось о договоре между Зверем и Эриком Тевтским, тогда ещё не императором, всего лишь графом фон Эльбург. Устный договор, который никогда не был оформлен хоть сколько-нибудь официально и о котором тем не менее знали все.

Зверь не приносит жертв дьяволу. Эрик оставляет Зверя в своей армии.

За строчками и между строчек было куда больше. Там была невозможная, нерациональная и наивная вера в честность чёрного чародея.

Там была невозможная, нерациональная и наивная верность.

До смерти и после смерти — верность человеку, который сумел поверить, или хотя бы сделал вид, что поверил. Там были пять десятков лет, в течение которых Зверь держал слово. И пять десятков лет, в течение которых император тевтский защищал своего пилота от официальных и неофициальных убийц. От чистильщиков. От всего мира, если случалась в том нужда.

...послужной список...

...войны...

...разовые операции... Ничего себе — операции! Похищение символов власти Микадо — самая первая. После этой дикой выходки старая гвардия стала тем, что она есть сейчас: шесть пилотов, один из которых в свободное от полётов время управляет империей.

...так... истероидный тип, эмоционально несдержан, впечатлителен, крайне жесток...

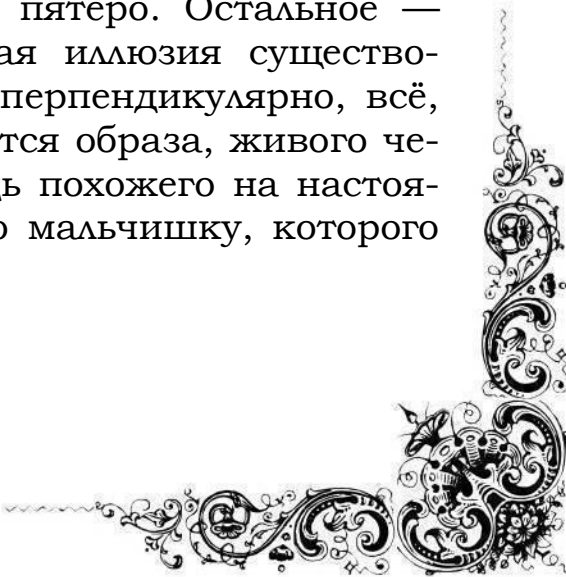
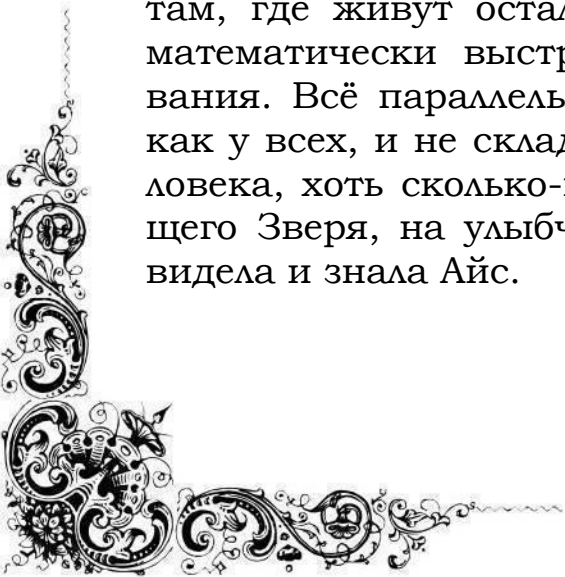
Айс слышала где-то, что жестокость — следствие трусости. Что по-настоящему смелые люди жестокими не бывают.

Раньше она в это утверждение верила. Теперь — перестала.

Старая гвардия.

Лёгкое раздражение.

Потому что кажется, что вне старогвардейцев Зверя как бы и нет. Кажется, что он живёт лишь там, где живут остальные пятеро. Остальное — математически выстроенная иллюзия существования. Всё параллельно и перпендикулярно, всё, как у всех, и не складывается образа, живого человека, хоть сколько-нибудь похожего на настоящего Зверя, на улыбчивого мальчишку, которого видела и знала Айс.

Где он? Где Зверь в этих сухо изложенных файлах?

Женщины?

Ага, вот она, Катрин фон Рауб, в девичестве Катрин Зельц, простолюдинка из семьи какого-то Эльбургского садовника. Два месяца была любовницей Зверя... сбежала...

Почему?!

Она вообразила себе, что Зверь собирается её убить. Ну как же, сатанист! Как его угораздило связаться с такой идиоткой?

Полтора года Зверь искал эту дуру по всему миру. Искал её или своего сына? Катрин была беременна.

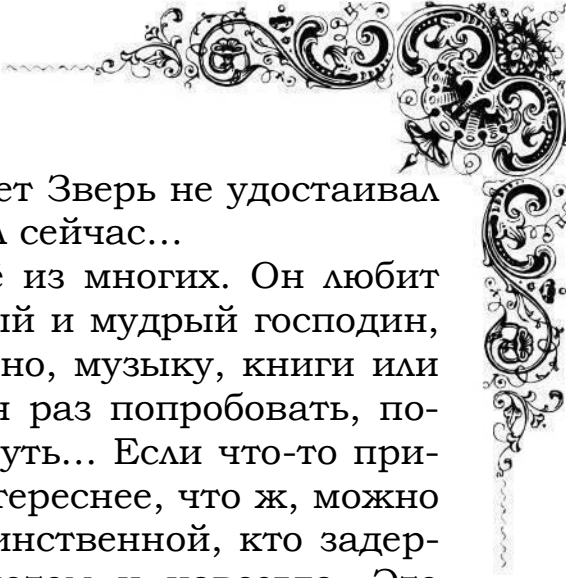
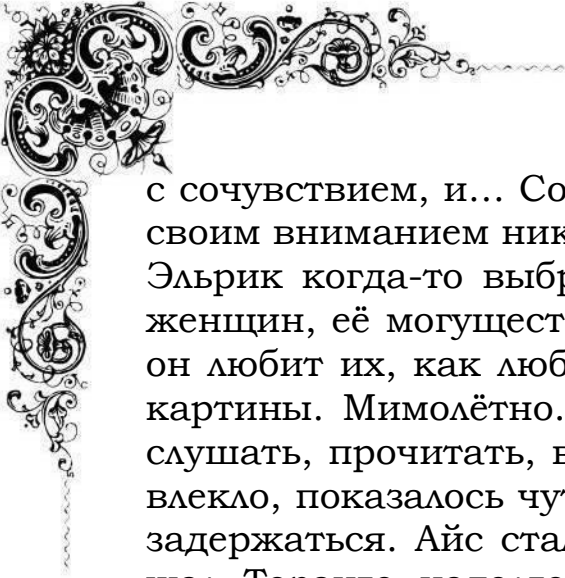
Полтора года! Весь мир вверх дном из-за какой-то кретинки! Да подумай, сын! Зверь, слава богу, не шефанго. Неужели дело в женщине?

Любовь?

Катрин погибла через три года после замужества. Хм, замужества. С точки зрения христиан, она и замужем-то не была. Жила во грехе...

Почему в убийстве подозревали Зверя? Почему Катрин решила, что он хочет её смерти? Что там, чёрт побери, было на самом деле?.. Ладно, это на потом, с этим можно разобраться позже. Главное — дальше. Главное, это то, что после смерти Катрин, то есть сорок лет, четыре десятилетия, у Зверя не было постоянной женщины. Ни одной. Раз в месяц — дом терпимости. И всё. Зверь даже не скрывал, что с удовольствием обходился бы без этого, но... куда деваться, есть такая страшная штука — гормоны.

И вдруг она, Айс, и его «болид» за окном, и плевать на охрану, и ради неё сумасшедшая чехарда в небе над царским дворцом, и огоньки факелов в чёрных глазах, и удивлённо перешёптываются люди, и женщины смотрят не то с завистью, не то

с сочувствием, и... Сорок лет Зверь не достаивал своим вниманием никого. А сейчас...

Эльрик когда-то выбрал её из многих. Он любит женщин, её могущественный и мудрый господин, он любит их, как любят вино, музыку, книги или картины. Мимолётно. Один раз попробовать, послушать, прочесть, взглянуть... Если что-то привлекло, показалось чуть интереснее, что ж, можно задержаться. Айс стала единственной, кто задержал Торанго надолго. А потом и навсегда. Это льстило ей, было приятно, чуть щекотало нервы. Это делало её особенной. Лучшей.

А Зверь не выбирал, не пробовал, не одаривал даже взглядом — просто не замечал. Не желал видеть женщин. Не желал знать, нужны ли они для чего-то, кроме как для успокоения гормональных всплесков. Зверь... Это даже не льстило, это... чуть-чуть пугало. А ещё было радостно. Очень.

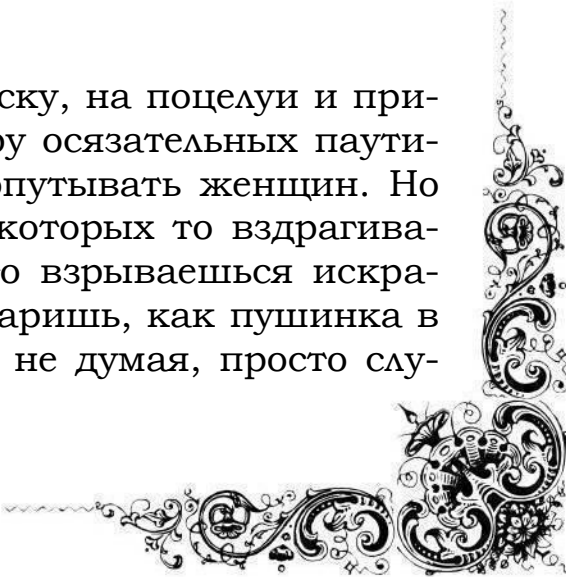
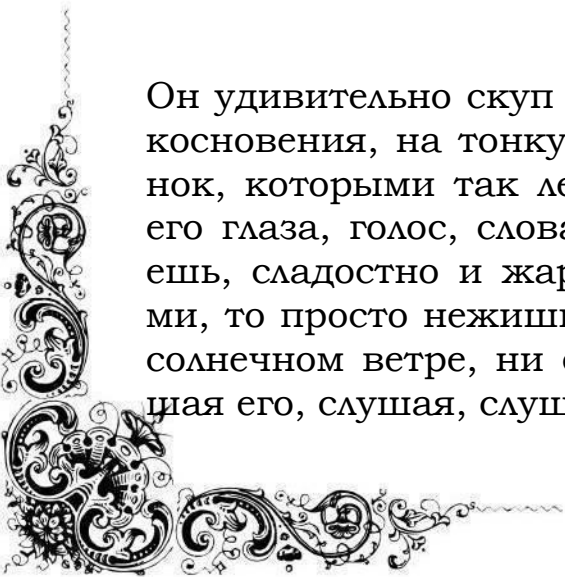
— Почему? — спросила однажды Айс, забыв про строгий уговор молчать во время полёта, — почему я?

Зверь лишь молча посмотрел на неё. И улыбнулся. И почему-то Айс захотелось, чтобы он никогда больше не улыбался *так*.

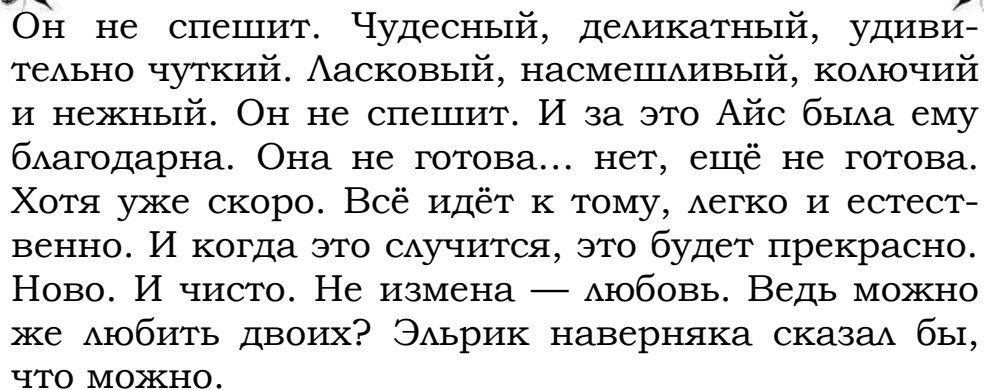
Раса: предположительно человек...

Предположительно.

*

Он удивительно скуп на ласку, на поцелуи и прикосновения, на тонкую игру осязательных паутинок, которыми так легко опутывать женщин. Но его глаза, голос, слова, от которых то вздрагиваешь, сладостно и жарко, то взрываешься искрами, то просто нежишься, паришь, как пушинка в солнечном ветре, ни о чём не думая, просто слушающая его, слушающая, слушающая...

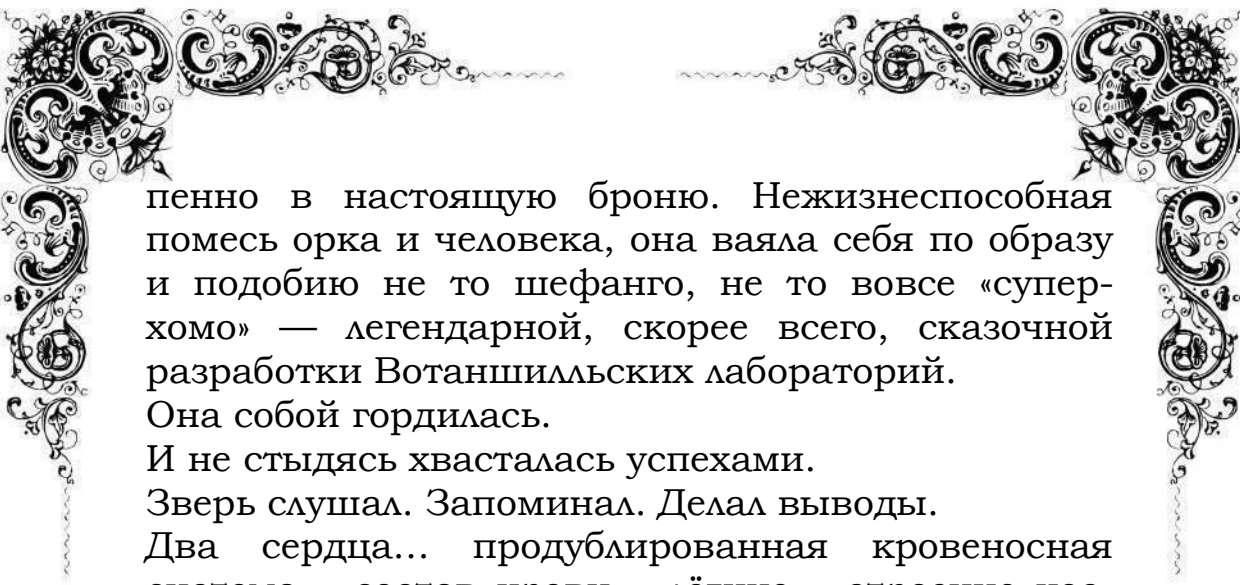
Он не спешит. Чудесный, деликатный, удивительно чуткий. Ласковый, насмешливый, колючий и нежный. Он не спешит. И за это Айс была ему благодарна. Она не готова... нет, ещё не готова. Хотя уже скоро. Всё идёт к тому, легко и естественно. И когда это случится, это будет прекрасно. Ново. И чисто. Не измена — любовь. Ведь можно же любить двоих? Эльрик наверняка сказал бы, что можно.

*

Она не готова... ещё не готова. Хотя уже скоро. Всё идёт к тому, легко и естественно. И когда это случится, это будет прекрасно. Ново.

Единственное, что было трудно, это касаться её. Маска удерживалась с трудом, из под неё с рычанием такое рвалось — самому страшно делалось. Впрочем, если всё и дальше будет развиваться по сценарию, до физической близости дело не дойдёт. Контролировать себя до такой степени просто не получится. Зверь до сих пор вздрагивал, вспоминая один-единственный визит Айс в его камеру... Теперь-то, слава богу, он не был скован и незащищен, но Суслики — тварюшки впечатлительные, с тонкой душевной организацией. Одного раза им, Сусликам, хватает обычно надолго, если не навсегда.

Эта ведьма сама не представляла, насколько она опасна. Как данность принимала свою нечеловеческую силу, подвижность, скорость реакции, невероятную, почти пилотскую координацию. Принимала как данность, да ещё и работала над своим телом почти также безжалостно, как над образцами в лабораториях. Усиливала мышцы. Повышала скорость прохождения нервных импульсов. Изменяла состав кожи, превращая её посте-

пенно в настоящую броню. Нежизнеспособная помесь орка и человека, она ваяла себя по образу и подобию не то шефанго, не то вовсе «супер-хомо» — легендарной, скорее всего, сказочной разработки Вотаншилльских лабораторий.

Она собой гордилась.

И не стыдясь хвасталась успехами.

Зверь слушал. Запоминал. Делал выводы.

Два сердца... продублированная кровеносная система... состав крови... лёгкие... строение костей...

Слушал и понимал, что шансов против *этого* у него нет, не только в прямой стычке — вообще нет.

Зверь чувствовал себя пауком, поймавшим здоровенную осу. Только паук, наверное, был бы не рад — тут ведь неизвестно, кто добыча, он или страшная тварь, завязшая в паутине. А Зверь был доволен.

Кураж.

Это не только в небе, это и на земле возможно.

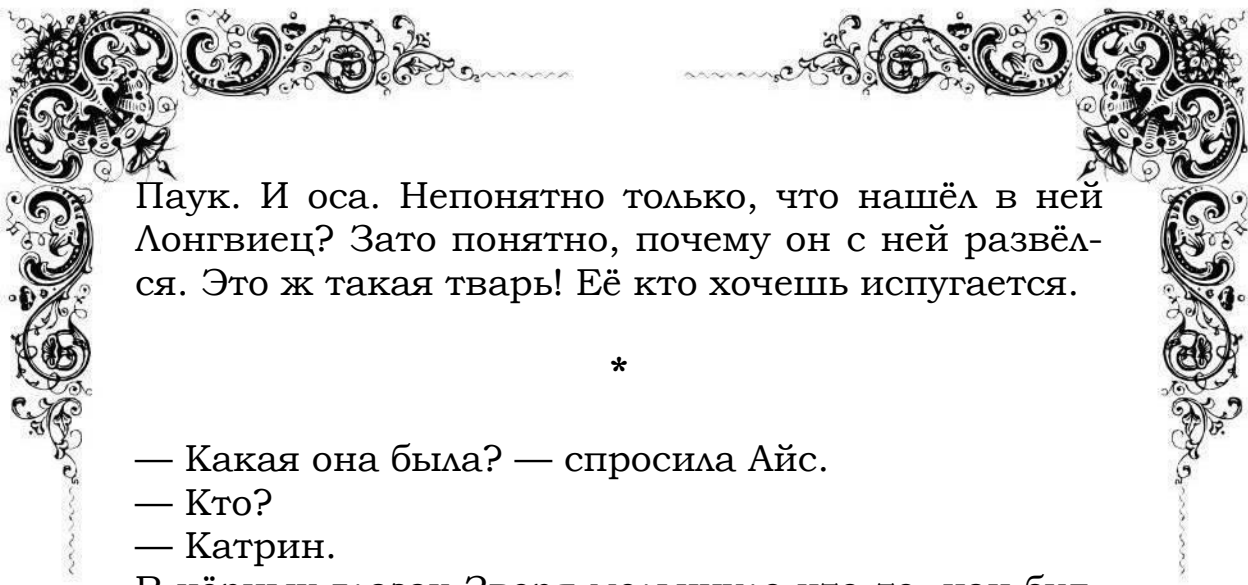
Кураж.

Виток за витком тонюсенькие нити паутины. Виток за витком. Подойти ближе, коснуться лапами, и тут же — в сторону, подальше, переждать, пережить инстинктивный ужас, и вновь приблизиться, накинуть ещё одну нить, ещё одну петельку.

Интересно.

Он привязывал её к себе, приучал, и всех вокруг приучал к тому, что Айс фон Вульф, Айс де Фокс — его, Зверя, женщина и добыча. Чтобы на Рождественском балу, — господи, как же он ненавидел все эти развесёлые тусовки! — уже никто ничему не удивлялся. Чтобы Айс чувствовала себя комфортно. Чтобы поверила в себя и в него окончательно и навсегда.

Паук. И оса. Непонятно только, что нашёл в ней Лонгвиец? Зато понятно, почему он с ней развёлся. Это ж такая тварь! Её кто хочешь испугается.

*

— Какая она была? — спросила Айс.

— Кто?

— Катрин.

В чёрных глазах Зверя мелькнуло что-то, как будто снова вспыхнули в темноте огоньки факелов. Айс успела подумать, что, наверное, затрагивать эту тему не стоило. Как видно, сорок лет — недостаточный срок, чтобы воспоминания стали просто воспоминаниями.

— Она была сильной, — легко сказал Зверь, — она любила меня.

— А ты?

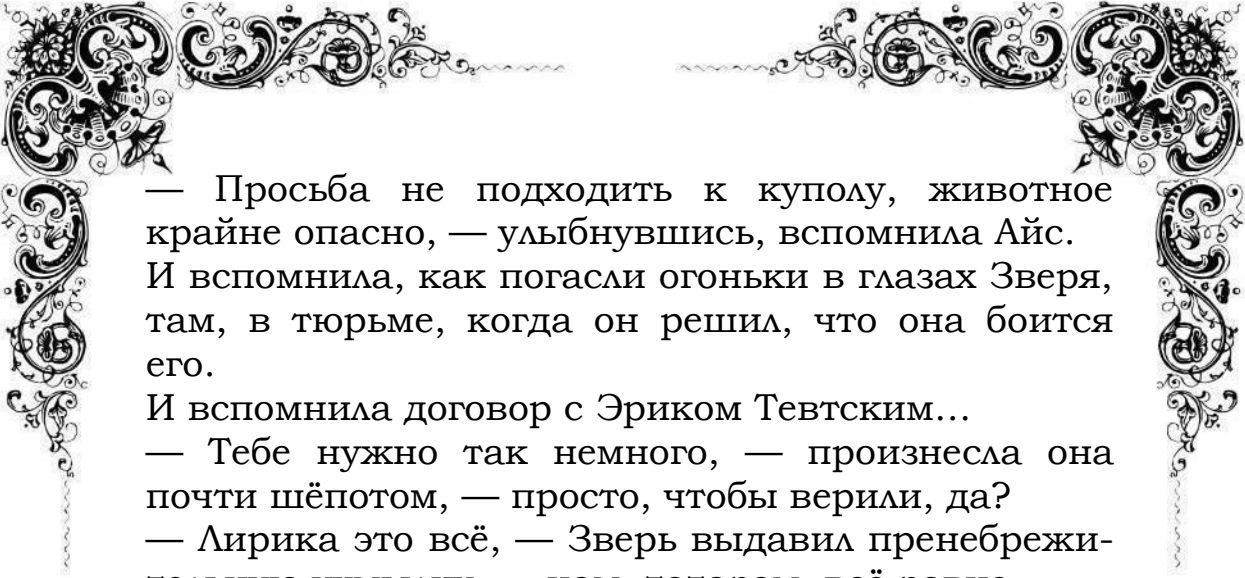
— Она мне так и не поверила, — он весело хмыкнул, — знаешь, очень умная была женщина. Страшная смесь разума и интуиции. Катрин прекрасно умела пользоваться и тем и другим, в сочетании и по отдельности.

— Не поверила, — повторила Айс, — но она ведь стала твоей женой?

— Нет, — Зверь качнул головой, — хотя, видит бог, когда-то я хотел этого.

— Как же?..

— Да вот так, — он смотрел на неё с чуть насмешливым пониманием, — она жила в моём доме, она воспитывала моего сына, и она не была моей женой. Мне нельзя верить, госпожа фон Вульф, — произнёс чуть нараспев, — нельзя. Я — убийца. Вы видели в файле пометочку: крайне опасен?

— Просьба не подходить к куполу, животное крайне опасно, — улыбнувшись, вспомнила Айс. И вспомнила, как погасли огоньки в глазах Зверя, там, в тюрьме, когда он решил, что она боится его.

И вспомнила договор с Эриком Тевтским...

— Тебе нужно так немного, — произнесла она почти шёпотом, — просто, чтобы верили, да?

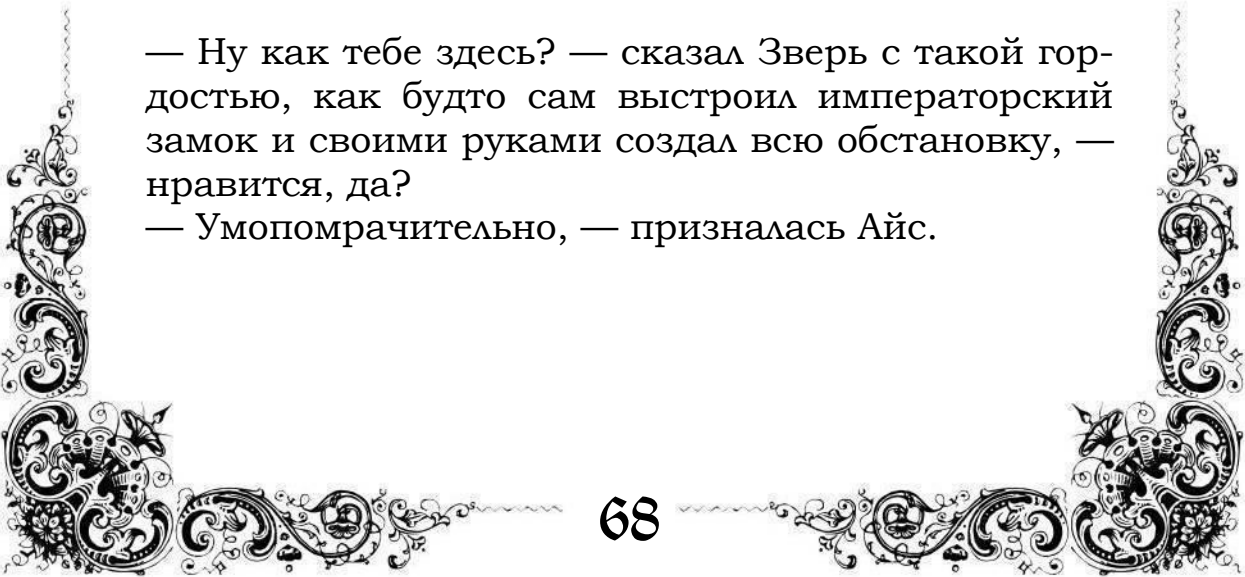
— Лирика это всё, — Зверь выдавил пренебрежительную ухмылку, — нам, татарам, всё равно.

— А я тебе верю, — просто сказала Айс.

*

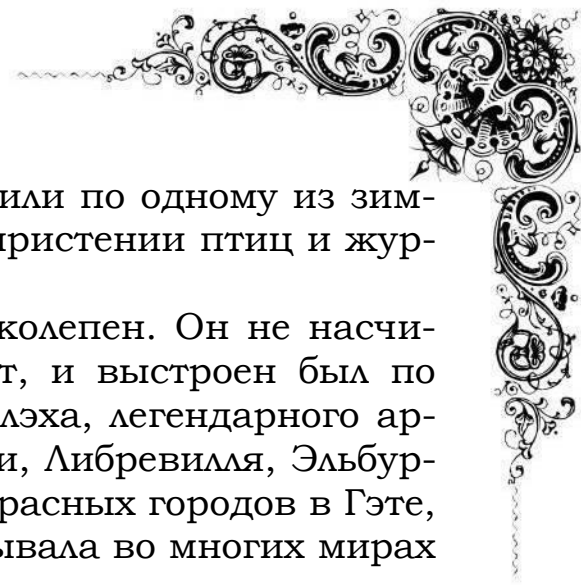
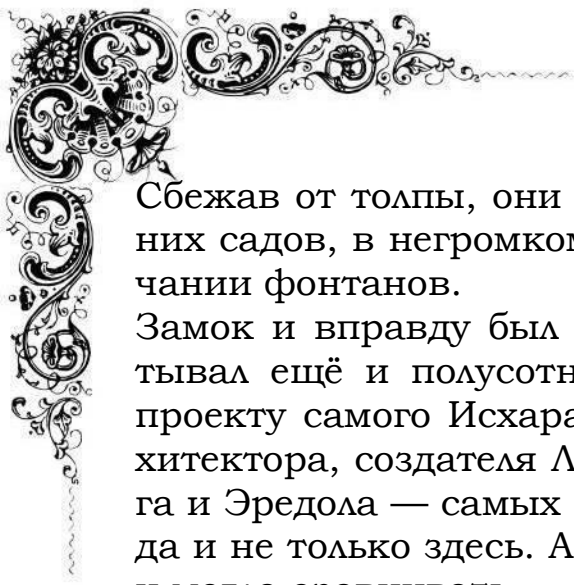
На следующий день ей пришло приглашение на Рождественский бал в замке Его Величества Императора Тевтской империи Эрика I. И, кажется, даже царь обзавидовался. Потому что его, царя, к императору тевтов уж точно никто не пригласил. Выкуп за старогвардейцев нужно принимать, когда предлагают, а не две недели спустя. Его императорскому величеству Эрику Тевтскому здоровье и безопасность старогвардейцев куда важнее, чем взаимоотношения с наиболее вероятным противником.

*

— Ну как тебе здесь? — сказал Зверь с такой гордостью, как будто сам выстроил императорский замок и своими руками создал всю обстановку, — нравится, да?

— Умопомрачительно, — призналась Айс.

Сбежав от толпы, они бродили по одному из зимних садов, в негромком свиристении птиц и журчании фонтанов.

Замок и вправду был великолепен. Он не насчитывал ещё и полусотни лет, и выстроен был по проекту самого Исхара И'Слэха, легендарного архитектора, создателя Лонгви, Либревилля, Эльбурга и Эредола — самых прекрасных городов в Гэте, да и не только здесь. Айс бывала во многих мирах и могла сравнивать.

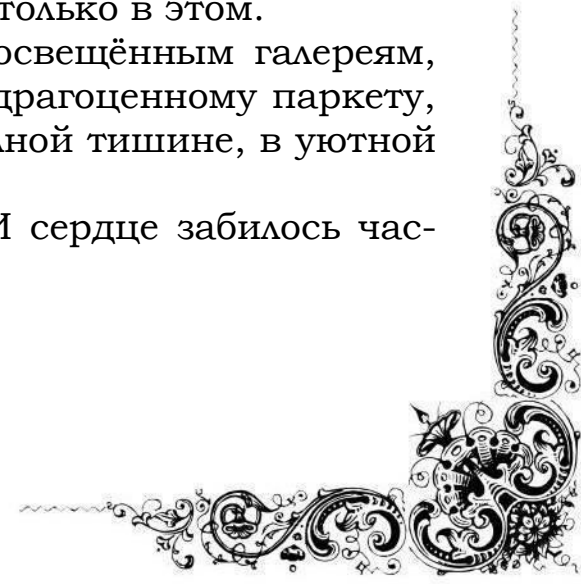
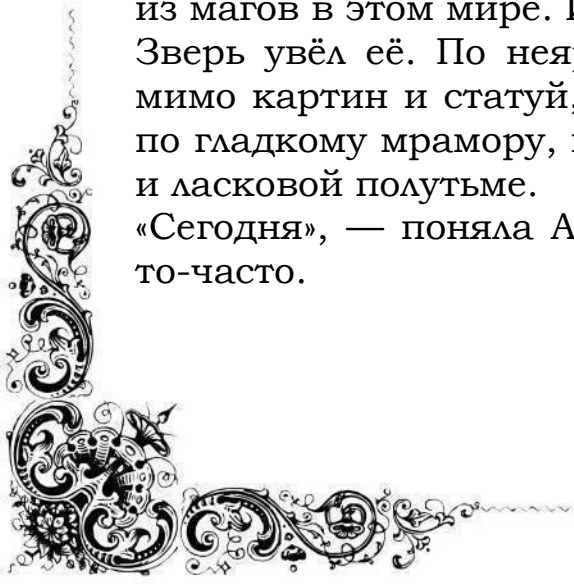
Замок был великолепен. Люди, что собрались здесь на Рождественский бал, были под стать замку. Начиная с хозяина и заканчивая ректором магического института Холланго. Даже старогвардейцы, которых Айс заочно невзлюбила, оказались на высоте. Все они были с ней крайне вежливы, а вежливость отца Доминика, была, кажется, даже искренней.

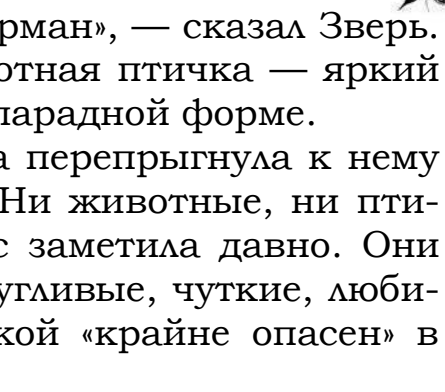
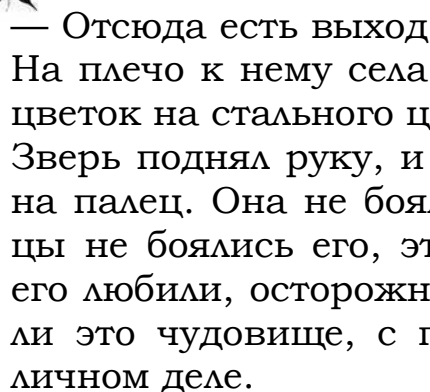
Да, здесь было хорошо.

Но очень скоро Зверь увёл её от людей, от шумного и весёлого сборища, где все знали всех, и сильные мира сего запросто общались с сильнейшими, и она, Айс, была на равных с ними, и уж, конечно, далеко позади оставила всех присутствующих дам. Потому что дамы эти были так, лишь приложением к своим спутникам. А она — о, она блистала сама по себе. Айс фон Вульф — сильнейший из магов в этом мире. И не только в этом.

Зверь увёл её. По неярко освещённым галереям, мимо картин и статуй, по драгоценному паркету, по гладкому мрамору, в полной тишине, в уютной и ласковой полутьме.

«Сегодня», — поняла Айс. И сердце забилось часто-часто.

— Отсюда есть выход в «карман», — сказал Зверь. На плечо к нему села крохотная птичка — яркий цветок на стального цвета парадной форме. Зверь поднял руку, и птаха перепрыгнула к нему на палец. Она не боялась. Ни животные, ни птицы не боялись его, это Айс заметила давно. Они его любили, осторожные, пугливые, чуткие, любили это чудовище, с пометкой «крайне опасен» в личном деле.

Когда-то Айс сравнила его с птицей. Тонкокостный, лёгкий, летающий — ну, кто он ещё.

И сейчас она улыбнулась, глядя на Зверя, и на яркий комочек перьев, курлычущий у его лица:

— Птаха. И за что тебя Зверем назвали?

— Сусликом, — напомнил он, — назвали Сусликом. Зверь — это имя. А Суслик — это звучит гордо. Страшнее Суслика, чтоб ты знала, твари нет и не будет.

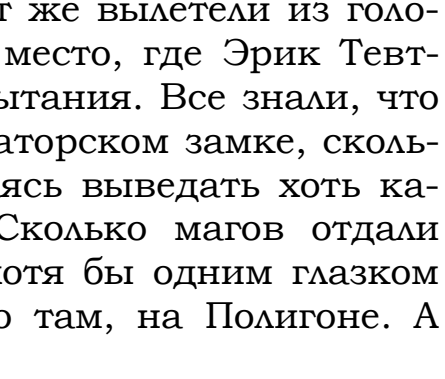
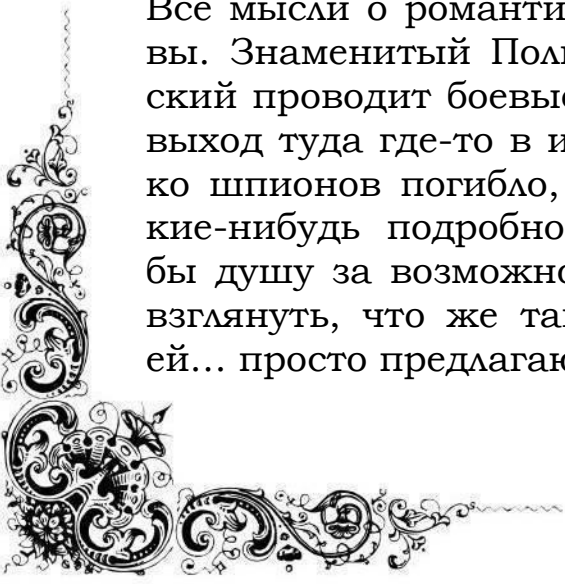
— Почему?

— Ты у них зубы видела? — хмыкнул Зверь, — а когти? А прячутся как! И хвоста нет — не поймашь.

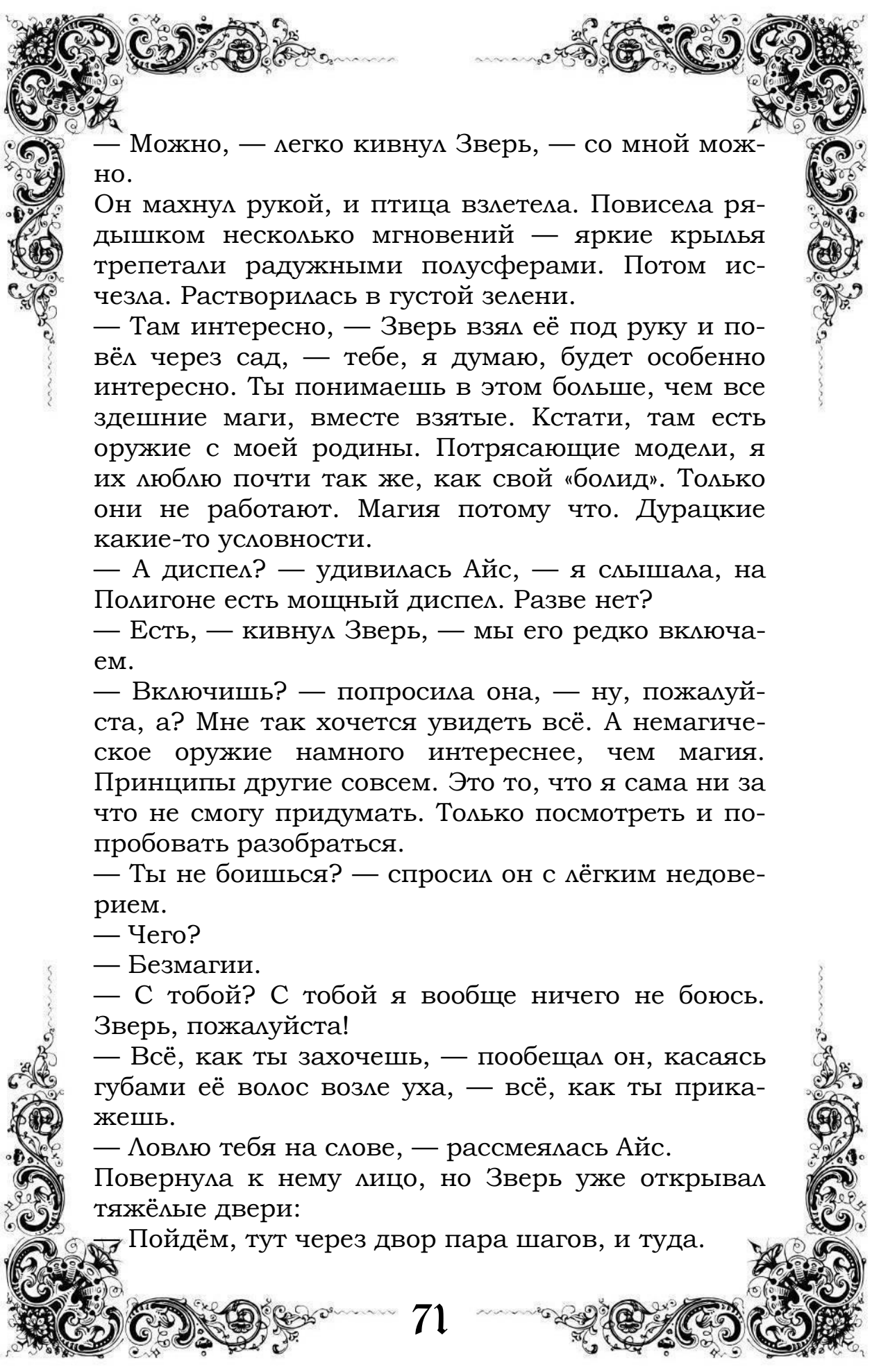
— Ладно, — покладисто согласилась Айс, — как скажешь. Что за «карман»?

— Мы испытываем там новое оружие. Хочешь взглянуть?

— А... можно?!

Все мысли о романтике тут же вылетели из головы. Знаменитый Полигон, место, где Эрик Тевтский проводит боевые испытания. Все знали, что выход туда где-то в императорском замке, сколько шпионов погибло, пытаясь выведать хоть какие-нибудь подробности! Сколько магов отдали бы душу за возможность хотя бы одним глазком взглянуть, что же там, что там, на Полигоне. А ей... просто предлагают.

— Можно, — легко кивнул Зверь, — со мной можно.

Он махнул рукой, и птица взлетела. Повисела рядышком несколько мгновений — яркие крылья трепетали радужными полусферами. Потом исчезла. Растворилась в густой зелени.

— Там интересно, — Зверь взял её под руку и повёл через сад, — тебе, я думаю, будет особенно интересно. Ты понимаешь в этом больше, чем все здешние маги, вместе взятые. Кстати, там есть оружие с моей родины. Потрясающие модели, я их люблю почти так же, как свой «болид». Только они не работают. Магия потому что. Дурацкие какие-то условности.

— А диспел? — удивилась Айс, — я слышала, на Полигоне есть мощный диспел. Разве нет?

— Есть, — кивнул Зверь, — мы его редко включаем.

— Включишь? — попросила она, — ну, пожалуйста, а? Мне так хочется увидеть всё. А немагическое оружие намного интереснее, чем магия. Принципы другие совсем. Это то, что я сама ни за что не смогу придумать. Только посмотреть и попробовать разобраться.

— Ты не боишься? — спросил он с лёгким недоверием.

— Чего?

— Безмагии.

— С тобой? С тобой я вообще ничего не боюсь. Зверь, пожалуйста!

— Всё, как ты захочешь, — пообещал он, касаясь губами её волос возле уха, — всё, как ты прикажешь.

— Ловлю тебя на слове, — рассмеялась Айс.

Повернула к нему лицо, но Зверь уже открывал тяжёлые двери:

— Пойдём, тут через двор пара шагов, и туда.

*

— Всё очень просто, — объяснял Зверь, что-то нажимая, чем-то щёлкая, что-то куда-то вставляя. Айс это вовсе не казалось простым, но она внимательно смотрела, запоминала, слушала незнакомые слова: порох, капсюль, боёк... обойма, ага, обойма, это понятно, взрыв — ну, тоже ясно.

— Вот так, — сказал Зверь очень буднично. Улыбнулся.

Айс узнала улыбку. Ту, страшную улыбку.

Успела узнать.

И выстрелил.

*

Всё-таки автомат Калашникова — штука хоть и устаревшая, но действенная. Особенно если разрывными. Да в голову. Хоть ты тридцать три раза маг, хоть ты тысячу раз хомо-супер, а череп у тебя всё равно взорвётся — любо-дорого посмотреть.

Так и получилось.

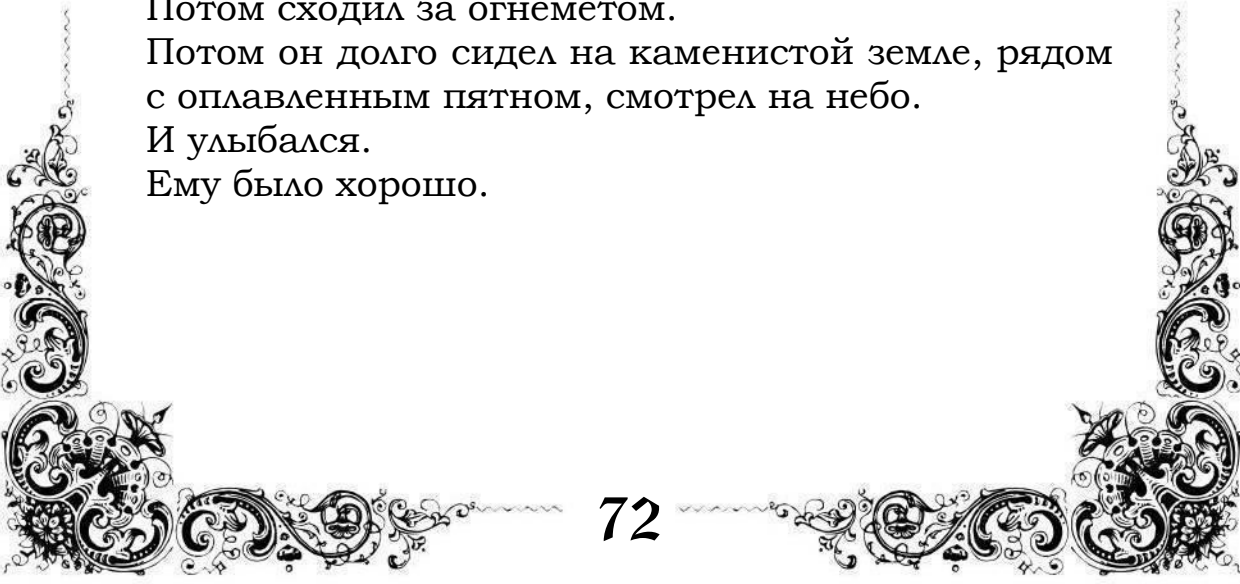
Зверь для верности всадил ещё обойму в её грудную клетку. Удостоверился, что оба сердца разбрызгались, перемешавшись в неаппетитную кашку с лёгкими и осколками кости.

Потом сходил за огнемётом.

Потом он долго сидел на каменистой земле, рядом с оплавленным пятном, смотрел на небо.

И улыбался.

Ему было хорошо.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЭЛРИКА ИЗ МЕЛНИБОНЭ

Хроники Чёрного Меча подозрительно умалчивают ещё об одном небольшом приключении Элрика из Мелнибоне. Если бы это приключение было включено в хроники, то Элрику можно было бы ещё дать кличку — Элрик Ухастый Дипломат.

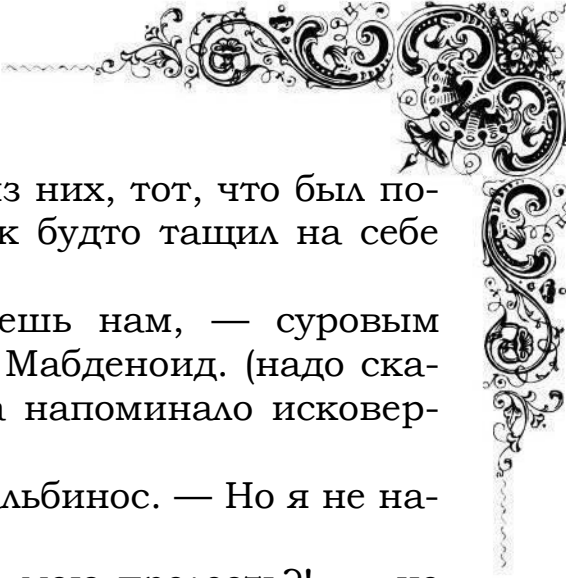
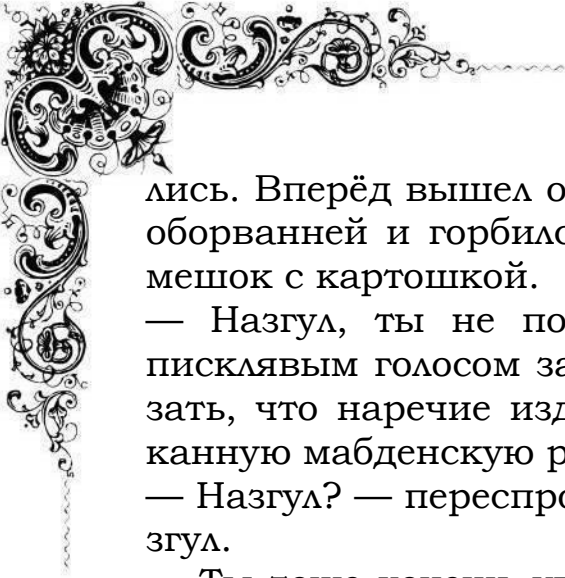
А дело было в следующем. Когда Элрик удирал от очередных наёмников очередного ограбленного им Короля, он, как это с ним и водится, опять забрался куда-то в тупик, так что пришлось опять просить Ариоха, куда-нить его перекинуть. У Ариоха тогда было ещё по горло дел в Двух Соседних Измерениях и поэтому он, не глядя, куда-то переправил Элрика и пошёл заниматься своими делами. Очутившись в другом мире, Элрик подозрительно осмотрелся:

«Хм, пахнет серой, грязно... темно... неужто опять в лимбе?» — подумалось Альбиносу.

На Юге, сквозь серую мглу, горел какой-то мощный маяк. Рядом вздымалась небольшая гора, в которой что-то непрерывно клокотало. Безнадёжно вечно оголодавший альбинос осмотрелся в поисках чего-нибудь пожевать и, обречённо вздохнув, сел на ближайший камень ожидать прихода то ли светлых идей, то ли светлых событий.

События не заставили себя ждать. Через какие-то час-полтора послышались шаркающие шаги, и вблизи тропы (пролегающей аккуратно рядом с камнем, на котором сидел Эльрик) появились два мабденообразных существа. Правда, Мабденами их можно было назвать с натяжкой, ибо были они весьма мелки для Мабденов и уж чересчур волосаты. Увидев альбиноса, Мабденоиды остано-

лись. Вперёд вышел один из них, тот, что был по-оборванной и горбился, как будто тащил на себе мешок с картошкой.

— Назгул, ты не помешаешь нам, — суровым писклявым голосом заявил Мабденоид. (надо сказать, что наречие издалика напоминало исковерканную мабденскую речь).

— Назгул? — переспросил альбинос. — Но я не назгул.

— Ты тоже хочешь упереть мою прелесть?! — не унимался Мабденоид.

— Блин, мабденоид, ты, видимо, выжил из ума, — ответил альбинос. — На кой мне хрен твоя какая-то прелесть? Тем более, что я не знаю, что это такое.

Мабденоид вытащил из-под рубашки цепочку с висевшим на ней дешёвым золотым колечком и, грозно вытаращив глаза (хым, как интересно это выглядело %)), сказал:

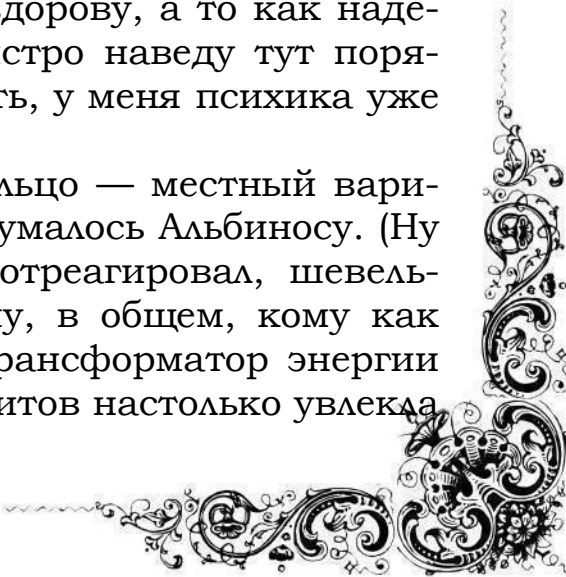
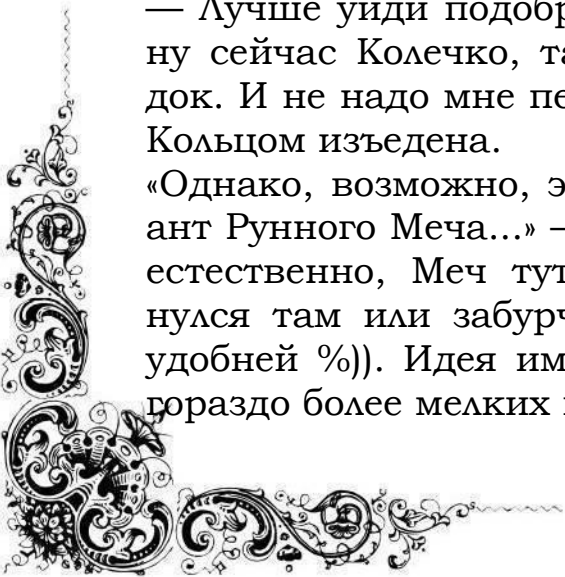
— Я тут типа без пяти минут Властелин Мира, а это моё Кольцо Всевластия. Так что не советую тебе на нас нападать.

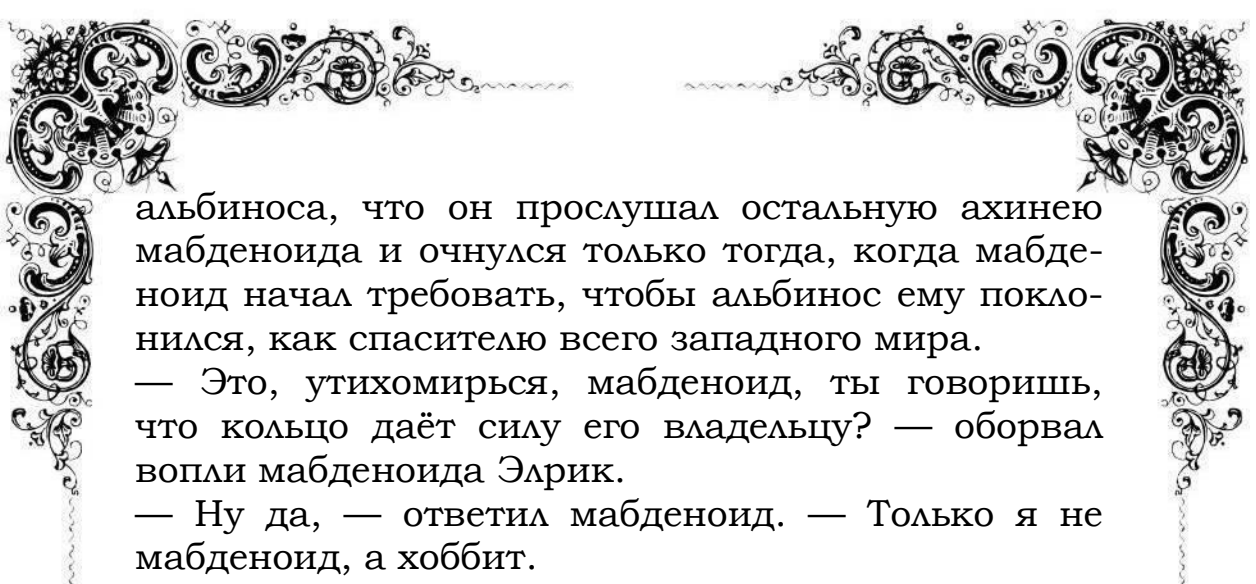
В этом мире наверно вообще туго с редкоземельными металлами, раз владелец золотого колечка объявляет себя властелином мира. «И куда я попал?» — грустно подумалось альбиносу.

Мабденоид тем временем продолжал:

— Лучше уйди подобра-поздорову, а то как наде-ну сейчас Колечко, так быстро наведу тут порядок. И не надо мне перечить, у меня психика уже Кольцом изъедена.

«Однако, возможно, это кольцо — местный вариант Рунного Меча...» — подумалось Альбиносу. (Ну естественно, Меч тут же отреагировал, шевельнулся там или забурчал, ну, в общем, кому как удобней %)). Идея иметь трансформатор энергии гораздо более мелких габаритов настолько увлекла

альбиноса, что он прослушал остальную ахинею мабденоида и очнулся только тогда, когда мабденоид начал требовать, чтобы альбинос ему поклонился, как спасителю всего западного мира.

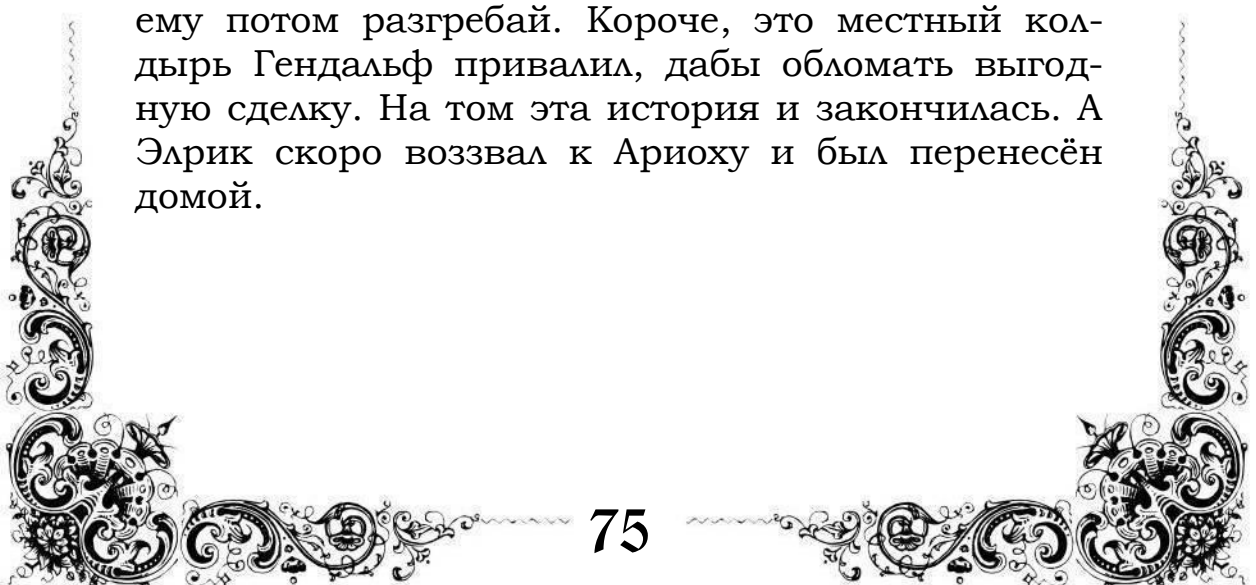
— Это, утихомирься, мабденоид, ты говоришь, что кольцо даёт силу его владельцу? — оборвал вопли мабденоида Элрик.

— Ну да, — ответил мабденоид. — Только я не мабденоид, а хоббит.

— Ну хорошо, хообит. Хоббот... хоббит, — попробовал на вкус незнакомое слово альбинос. — Пусть будет хоббит. Вот слушай, хоббит. У меня тут есть супермегамеч, ну, в общем, аналог твоего кольца. В общем, мощная штука тоже. Не хочешь ли ты поменять своё колечко на мой меч, с доплатой, разумеется?

— С доплатой? — алчно слотнул хоббит. — Ну, эта. В общем, меньше, чем за два замка, тысячу монет золотом и пару островов я не согласен. Мне-то что, мне всё равно, что кидать в вулкан. Императорам Мелнибоне не пристало торговаться, поэтому альбинос кивнул в знак согласия.

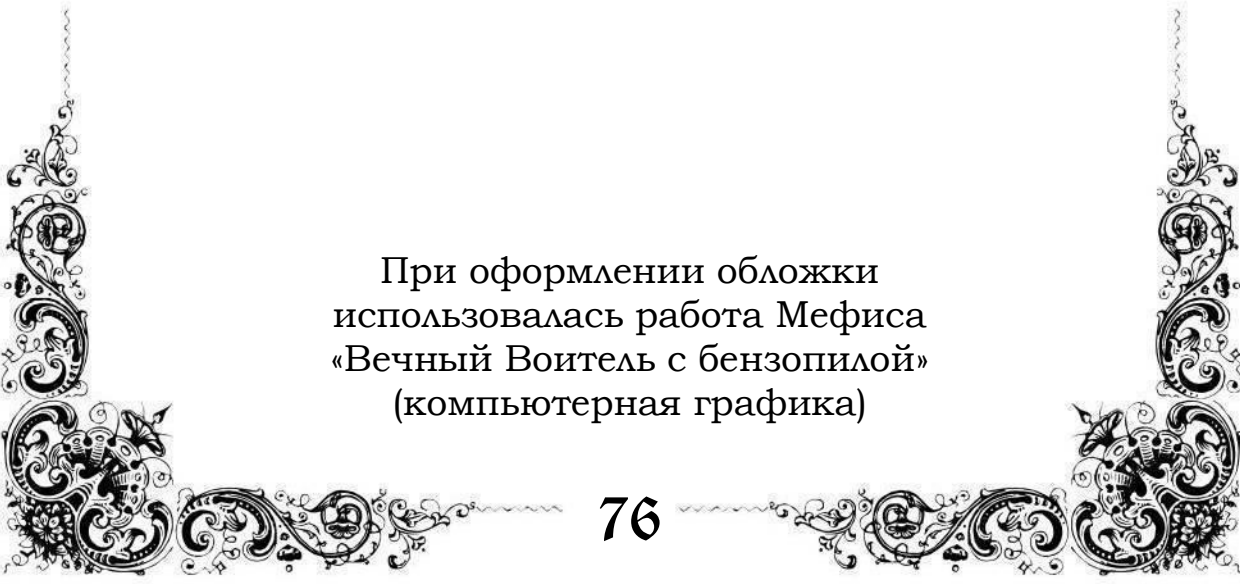
Тут сделки бы и состояться, но вдруг откуда ни возьмись (нет, не Мойдодыр) появился старый мабден в немодной длинной бороде и стал орать, что приходят тут всякие ухастые и хитроглазые (гы %)), концовки эпох пытаются поломать, а что ему потом разгребай. Короче, это местный колдурь Гендальф привалил, дабы обломать выгодную сделку. На том эта история и закончилась. А Элрик скоро воззвал к Ариоху и был перенесён домой.

СОДЕРЖАНИЕ

Алекс Воронцов. Шефанго	3
Алый Лучник. Психозония	4
Алый Лучник. Император Глаукома	5
Алый Лучник. <i>Литературные переводы</i> <i>к «Элрику из Мелнибонэ»:</i>	
Призыв Страши	9
Призыв Грахлуков	9
Призыв Ветров-Гигантов	10
Призыв Филит	10
Призыв Хааашаастаака	11
Когда смеются боги...	11
Заклинание неуязвимости	11
Песенка Мунглума	11
Призыв Королей Земли	11
Борис Гребенщиков. Миша из Города Скрипящих Статуй	12
Джем. Шефанго	13
Максим Фрай. Зелёные воды Ишмы <i>(отрывки)</i>	15
Наталья Игнатова. Оса в паутине	23
Iarovit. Несостоявшееся приключение Элрика из Мелнибоне	73

При оформлении обложки
использовалась работа Мефиса
«Вечный Воитель с бензопилой»
(компьютерная графика)

